

Председатель Редакционного совета

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Заместитель председателя Редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Ответственный секретарь

ГАВРИЛОВА Ольга Андреевна — эксперт отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

БАРАБАШ Юрий Григорьевич — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права, Франция.

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный юрист города Москвы.

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.

ОТМАР Зойль — доктор права, почетный доктор права, Emeritus профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

ПАН Дунмэй — кандидат юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо Японии.

ПИЛИПЕНКО Юрий Сергеевич — доктор юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма “ЮСТ”».

РАДЬКО Тимофей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».

РЫБАКОВ Олег Юрьевич — доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, член российской секции Международной ассоциации философии права и социальной философии, член комиссии по науке ассоциации юристов России, член Экспертного совета по праву Министерства образования и науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наркоконтроль».

ХЕЛЛЬМАНН Уве — Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель редакционно-издательского совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Актуальные проблемы российского права».

де ЗВААН Яап — (почетный) профессор кафедры права Европейского Союза университета Эразмус в Роттердаме (Нидерланды), профессор кафедры Жанна Монне.

2015 (Published in 1948)

RESEARCH PAPERS KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY. That CVI (№ 21)

Chairman of the Council of Editors

BLAZHEEV, Victor Vladimirovich — Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil Process, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

SINYUKOV, Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Executive Editor

GAVRILOVA, Olga Andreyvna — expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

BARABASH, Yuri Grigorievich — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Correspondent Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

BEKYASHEV, Kamil Abdulovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

BECHET-GOLOVKO, Karine — Doctor of Public Law, France.

BONDAR, Nikolay Semenovich — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

GRACHEVA, Elena Yurievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

DMITRIEVA, Galina Kirillovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education, Merited Lawyer of the City of Moscow.

ISAEV, Igor Andreevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

KOMORIDA, Akio — Professor of the Kanagawa University (Japan).

KOLYUSHIN, Evgeniy Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

MALINOVSKIY, Vladimir Vladimirovich — PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.

OTMAR, Seul — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

PAN, Dunmey — PhD in Law, Professor of the law Institute Heilongjiang University of China, invited researcher at the Slavic research Center of Hokkaido University of Japan.

PILIPENKO, Yuri Sergeevich — Doctor of Law, Vice-President of the Federal Chamber of Advocates of Russia, Chairman of the Council of the Bar Associations of Advocates of the Moscow region, Legal Firm «JUST».

RADKO, Timofey Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.

RAROG, Aleksey Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.

RASSOLOV, Ilya Mikhailovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».

RYBAKOV, Oleg Yurievich — Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Member of the Russian Section of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy, Member of the Commission on Science of the Association of Lawyers of Russia, Member of the Expert Committee on Law of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

TUMANOVA, Lidia Vladimirovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, the Dean of the Law Faculty of the Tver State University, the Merited Lawyer of the Russian Federation.

FEDOROV, Aleksandr Vyacheslavovich — vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, PhD in Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).

HELLMANN, Uwe — Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).

SHEVELEVA, Natalia Aleksandrovna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St.Petersburg State University.

SHUGRINA, Ekaterina Sergeevna — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St.Petersburg State University.

de ZWAAN, Jaap Willem — (Emeritus) Professor of the Law of the European Union at Erasmus University Rotterdam (The Netherlands), also Jean Monnet Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Крылов О. М.

Непосредственное правотворчество народа как правовая форма организации денежного обращения Российской Федерации: вопросы правового регулирования.....7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВ

Коротких Н. Н.

Вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в виде лишения свободы за множественность преступлений.....20

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Антонян Ю. М.

Тоталитарная преступность и коллективное бессознательное.....32

Волконская Е. К.

Тенденции преступности несовершеннолетних (2004—2013 гг.).....50

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НОВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И.

Уголовно-правовая охрана Президента Российской Федерации.....60

Князькина А. К.

Международный договор как основание криминализации деяний.....73

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Тимонин А. Н.

Англосаксонская модель государства: к дискуссии об идейно-теоретических основах.....87

Устюжанинова Е. А.

Модели делегирования полномочий: опыт Великобритании.....100

ОБСУЖДАЕМ ЗАКОНОПРОЕКТ

Старостин С. А.

Нужны ли дополнительные полномочия полиции?.....110

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Морозов П. Е.

Совершенствование преподавания трудового права в образовательных организациях высшего образования.....116

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Приходько М. А.

Историко-правовые особенности структуры Министерства финансов Российской империи в первой половине XIX в.....124

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И.

Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева. — М., 2015. — 240 с.....137

Условия опубликования и требования к представляемым в журнале материалам и их оформлению145

CONTENTS

RUSSIAN STATEHOOD STUDIES

Krylov, O.M.
Direct law-making of the population as a legal form for the organization of currency circulation in the Russian Federation: legal regulation issues.....7

THEORETICAL PROBLEMS OF BRANCHES OF LAW

Korotkih, N.N.
Type of correctional institution and conditions for serving term in the correctional institution for multiple crimes.....20

FIGHTING CRIME

Antonyan, Y.M.
Totalitarian crime and the collective unconscious.....32

Volkonskaya, E.K.
Tendencies of juvenile crime (2004-2013).....50

EXTRAMURAL ROUNDTABLE "THE NEW CRIMINAL CODE OF RUSSIA: ITS CONCEPTUAL FUNDAMENTALS AND THEORETICAL MODEL"

Aguzarov, T.K., Gracheva, Y.V., Chuchaev, A.I.
Criminal law protection of the President of the Russian Federation.....60

Knyazkina, A.K.
International treaty as the foundation for recognizing acts as criminal.....73

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Timonin, A.N.
Anglo-Saxon state model: concerning the debate on ideological and theoretical fundamentals.....87

Ustyuzhaninova, E.A.
Competence delegation models: experience of the Great Britain.....100

DISCUSSING A LEGISLATIVE DRAFT

Starostin, S.A.
Does police need extra competence?.....110

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

Morozov, P.E.
Improvement of teaching labor law in the educational institutions for higher education.....116

HISTORY OF STATE AND LAW

Prihodko, M.A.
Historical legal specificities of the structure of the Ministry of Finances of the Russian Empire in the 1st half of the XIX century.....124

NEW PUBLICATIONS (Review)

Gracheva, Y.V., Malikov, S.V., Chuchaev, A.I.
Soviet Criminal Code (Scientific commentary, text, comparative tables). Ed. By Doctor of Law, Professor A.P. Chuchaev, Moscow, 2015 – 240 p.....137

Publishing conditions and the requirements to the materials for the journal.....145

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

О. М. Крылов*

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО НАРОДА КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается одна из правовых форм организации денежного обращения Российской Федерации — референдум. Его проведение в Российской Федерации сопряжено с законодательными ограничениями. Для их анализа исследуется категория «денежная политика» как элемент организации денежного обращения. В указанном качестве денежная политика представляет собой деятельность уполномоченных государственных органов в сфере денежных отношений с целью обеспечения достижения установленных экономических результатов, имеющая преимущественно правоприменительную правовую форму. С этой же целью устанавливается, что защита и обеспечение устойчивости рубля является функцией, а не целью деятельности Центрального банка Российской Федерации.

При проведении исследования использовались общенаучные (диалектический метод познания явления в развитии, метод анализа и синтеза) и частнонаучные (сравнительного правоведения, правового прогнозирования, формально-юридический) методы.

Делается вывод о том, что имеющиеся законодательные ограничения исключают возможность вынесения на референдум отдельных вопросов денежного обращения: по эмиссии денежных средств, по проведению денежной политики, по защите и обеспечению устойчивости рубля посредством инструментов денежной политики. Также определены вопросы денежного обращения в сфере публичных финансов, которые не могут быть вынесены на референдум.

С целью соблюдения конституционного принципа народовластия предлагается провести юридическую конкретизацию установленных законодательных ограничений путем устранения юридических неясностей и неточностей в компетенции органов государственной власти.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, деньги, обращение, компетенция, цель, метод, функция, правотворчество, референдум, народ.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.007-019

© Крылов О. М., 2015

* Крылов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Башкирского государственного университета.

[ok2004@list.ru]

450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

В Российской Федерации высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ст. 3 Конституции Российской Федерации)¹. В зарубежных странах отношение к референдуму неоднозначное. Так, в одних государствах установлена только представительная форма демократии (Нидерланды, Дания, Норвегия), в других — возможность ее осуществления через выборы или референдум (Франция, Польша, Румыния)². Однако юридически проведение референдума не запрещено даже в том случае, если в конституциях зарубежных государств отсутствуют положения о референдуме³.

Институт референдума появился в Советском Союзе еще в 1977 году. Именно тогда в Конституции СССР были установлены две формы непосредственного народовластия: всенародное обсуждение и всенародное голосование. За семидесятилетний период существования СССР всенародное голосование было проведено лишь однажды — 17 марта 1991 года. Была поставлена задача — выявить волю народа по одному из важнейших вопросов государственной жизни: о сохранении на территории нашей страны Советского Союза как обновленной федерации равноправных суверенных республик и о введении поста Президента РСФСР⁴.

По вопросу организации и проведения референдума ныне действующая Конституция Российской Федерации устанавливает два ограничения. Во-первых, Президент Российской Федерации назначает референдум в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Во-вторых, исполняющий обязанности Президента Российской Федерации не имеет права назначать референдум (ст. 84, ст. 92 Конституции Российской Федерации).

Как видно, эти ограничения касаются лишь двух субъектов, что, по нашему мнению, свидетельствует о максимально демократичном подходе к референдуму как непосредственному выражению власти народа. Одновременно следует констатировать, что такой подход не находит преамбулы в Федеральном конституционном законе

от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»⁵, содержащем значительное количество ограничений.

Существенное ограничение установлено по кругу вопросов, которые могут быть вынесены на референдум. В частности, в Российской Федерации на референдум не могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти (ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»).

Совершенно справедлив вывод о том, что вводимые законом ограничения на проведение референдума должны быть адекватны и соразмерны конституционно значимым целям, не могут умалять ценность референдума в системе народовластия⁶. Определимся с ограничениями, препятствующими вынесению на референдум вопросов денежного обращения.

В юридической науке отсутствует единое мнение по вопросу определения понятия компетенции. Поэтому оговоримся, что под компетенцией следует понимать объем публичных дел, законно возложенный на уполномоченный субъект, состоящий из нормативно установленных целей, предметов ведения (юридически определенные сферы и объекты воздействия) и властных полномочий⁷.

Конституцией Российской Федерации установлено, что Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в государстве единой финансовой, кредитной и денежной политики (ст. 114 Конституции Российской Федерации). Аналогичное положение закреплено в ст. 15 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁸. В обоих нормативных правовых актах отсутствует понятие «исключительная компетенция Правительства Российской Федерации». Не случайно в научной

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. № 237. 1993; Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

² Нудненко Л. А. Конституционное право Российской Федерации на референдум и международные стандарты // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1. С. 20.

³ Невинский В. В. Общероссийский референдум: содержание и значение конституционно-правовых новелл 2002 и 2004 гг. // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 17.

⁴ Синцов Г. Н. Референдумы в Новейшей истории России // Законодательство и экономика. 2005. № 11. С. 94.

⁵ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 2; Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1754.

⁶ Сергеев А. А. Институт местного референдума в законодательстве Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 2. С. 17.

⁷ Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 2001. С. 55—56; Липатов Э. Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / под ред. В. В. Володина. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2009. С. 5.

⁸ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 1. Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2294.

литературе высказывалось мнение о том, что поскольку понятие «исключительная компетенция» нормативно не закреплено, любая компетенция Правительства Российской Федерации может быть интерпретирована в качестве его исключительной компетенции⁹.

Справедливость этого вывода можно аргументировать следующим.

Во-первых, исключительность компетенции Правительства Российской Федерации основывается на принципе разделения властей. В том виде, как он закреплен в Конституции Российской Федерации, данный принцип не допускает сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми “О государственной службе Республики Коми”»)¹⁰. Если компетенция Правительства Российской Федерации не является исключительной, то теоретически ею может быть наделен государственный орган иной ветви власти. Это недопустимо, поскольку Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть Российской Федерации (ст. 110 Конституции Российской Федерации).

Во-вторых, исключительность компетенции Правительства Российской Федерации предопределяется его статусом как высшего исполнительного органа государственной власти, возглавляющего единую систему исполнительной власти в Российской Федерации (ст. 1 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»). Данное обстоятельство исключает возможность наделения компетенцией Правительства Российской Федерации какого-либо иного исполнительного органа государственной власти.

В-третьих, по своей природе некоторые полномочия могут быть исключительными даже при отсутствии прямого указания на это в нормативном правовом акте. Например, в Конституции Российской Федерации в качестве исключительного полномочия Президента Российской Федерации не указано осуществление помилования (пункт «в» статья 89 Конституции Российской Федерации). Тем не менее это полномочие является исключительным в силу статуса Президента Российской Федерации

⁹ Колюшин Е. И. О квазиосуществлении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 57.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 23. Ст. 2626.

как главы государства (Определение Конституционного Суда РФ от 11 января 2002 № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации»)¹¹. Аналогична ситуация с исключительностью полномочий Правительства Российской Федерации.

Таким образом, компетенция Правительства Российской Федерации, закрепленная в Конституции Российской Федерации, является исключительной и предопределяет исключительность его полномочия по обеспечению проведения в государстве единой финансовой, кредитной и денежной политики.

Государственный орган обладает определенными властными полномочиями — совокупностью прав и обязанностей, которые должны по своему содержательному насыщению обеспечить ему достижение поставленных перед ним задач через выполнение функций¹².

Конкретное полномочие органа государства, являясь юридически закрепленным за ним правом, одновременно представляет собой обязанность по принятию правовых актов и иных действий, направленных на исполнение поставленных перед данным органом задач и функций¹³. Такое понимание полномочия органа государства получило широкое распространение и основывалось на положениях Федерального закона от 24 июня 1999 № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (ныне утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 04 июля 2003 № 95-ФЗ)¹⁴.

Содержание полномочия Правительства Российской Федерации по проведению в государстве единой финансовой, кредитной и денежной политики определяется понятием «де-

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 4.

¹² Волкова Л. П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления // Административное право и процесс. 2008. № 5. С. 8.

¹³ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 160.

¹⁴ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3176.

нежная политика». Оно широко используется в законодательстве Российской Федерации без раскрытия его содержания.

В экономической литературе денежная политика определяется как совокупность мер в области денежного обращения, направленных на обеспечение экономического роста и занятости, на выравнивание платежного баланса¹⁵. Являясь направлением государственной политики регулирования экономики, предметом денежной политики выступают ключевые экономические величины: предложение денег, процентная ставка, валютный курс, объем ликвидных ресурсов и прочие величины¹⁶.

В юридической науке отсутствует единое понимание денежной политики. В большинстве случаев денежная политика рассматривается в качестве совокупности мероприятий, направленных на достижение экономических целей: обеспечения нормального функционирования денежного оборота, устойчивости национальной денежной единицы, стабильности ее покупательной возможности, а также обеспечения развития финансовой системы государства¹⁷.

Часто денежная политика отождествляется и с организацией денежного обращения. Например, распространено мнение, что денежная политика включает установление следующих условий: 1) официальное соотношение между рублем и денежными единицами других государств; 2) эмиссию наличных денег; 3) выпуск и обращение банкнот и монеты новых образцов; 4) расчеты в российской и иностранной валюте на территории РФ; 5) определение порядка ведения кассовых операций; 6) планирование объемов производства, перевозки, хранения банкнот и монеты, создание их резервных фондов¹⁸.

¹⁵ Куликов А. Г. Деньги, кредит, банки : учебник. М. : КноРус, 2009. С. 553.

¹⁶ Моисеев С. Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика : учеб. пособие. М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. С. 21.

¹⁷ Латковская Т. А. Правовые механизмы реализации денежно-кредитной политики как составляющей финансовой политики государства // Финансовое право. 2008. № 4. С. 9—10; Мирзоян Р. Э. Денежно-кредитная политика Российской Федерации // Финансовое право. 2008. № 4. С. 13—15; Товмасыян Р. Э. Денежно-кредитная политика в развитии экономической интеграции стран Содружества Независимых Государств // Финансовое право. 2011. № 10. С. 16—18; Шохина Э. Х. Правовые аспекты денежно-кредитной политики Банка России в условиях среднесрочного финансового планирования на 2012—2014 годы // Банковское право. 2012. № 2. С. 30—34.

¹⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л. А. Окунькова. М. : БЕК, 1996; Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.]; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Норма, Инфра-М, 2011.

Отдельные авторы рассматривают денежную политику в качестве бюджетного полномочия Центрального банка Российской Федерации¹⁹.

Опираясь на Федеральный закон от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁰, выделим характерные отличительные признаки денежной политики как правовой категории.

Прежде всего целью денежной политики является обеспечение достижения определенного экономического результата, например, устойчивого экономического роста, выравнивание платежного баланса и т.д. Данный вывод следует из основной цели денежно-кредитной политики Банка России: защиты и обеспечения устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности, в том числе для формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста (ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Кроме того, в рамках режима таргетирования инфляции приоритетной целью денежно-кредитной политики является обеспечение ценовой стабильности, то есть поддержание стабильно низких темпов роста цен. Денежно-кредитная политика, направленная на контроль над инфляцией, будет способствовать достижению более общих экономических целей, таких как обеспечение условий для устойчивого и сбалансированного экономического роста и поддержание финансовой стабильности («Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2013 год и период 2014 и 2015 годов») (утв. Банком России)²¹.

Таким образом, цель денежной политики — обеспечить достижение определенных экономических результатов (например, снижение инфляции до 4—5 % в 2014—2015 годах, соблюдение темпов прироста денежного агрегата М2 в 2014—2015 годах — 14—19 % в год и др.).

Следует отметить, что в отличие от организации денежного обращения как функции государства обеспечение совместной активности людей любого типа является производ-

¹⁹ Бюджетное право : учебник / А. Е. Абрамова, И. И. Кучеров, М. А. Моисеенко [и др.]; под ред. Н. А. Саттаровой. М. : Деловой двор, 2009. Глава 8.

²⁰ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4084.

²¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2013 год и период 2014 и 2015 годов // Вестник Банка России. 2012. № 67.

ной целью денежной политики и возможно только через достижение установленных экономических результатов.

Предметом денежной политики являются денежные отношения — общественные отношения, в которых деньги выступают в качестве объекта интереса его участников. Иногда в качестве объекта этих отношений выступают заменители денег — денежные суррогаты. Это особенно хорошо заметно при анализе инструментов, методов и основных направлений денежной политики Российской Федерации (ст. 35, 45 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Наконец, по своему содержанию денежная политика представляет собой деятельность уполномоченных органов государства: Правительства Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации. Ее осуществляет и Центральный банк Российской Федерации как орган государственной власти особого рода, не принадлежащий ни к одной из обозначенных Конституцией Российской Федерации ветвей власти, наделенный специальной компетенцией по осуществлению государственного управления в сфере денежно-кредитных отношений, банковского регулирования и банковского надзора за денежно-кредитной системой²².

Так, Банк России во взаимодействии с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит единую денежно-кредитную политику (ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). В свою очередь, Министерство финансов Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим выработку единой государственной финансовой, кредитной, денежной политики (п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 07 апреля 2004 № 185 «Вопросы Министерства финансов Российской Федерации») ²³.

Следует отметить, что деятельность указанных субъектов по своему характеру преимущественно правоприменительная (например, осуществление валютных интервенций,

установление ориентиров роста денежной массы и т.д.). Полагаем, что рассматриваемая деятельность в установленных законом случаях может быть и правотворческой. Например, правотворческая деятельность как содержание кредитной политики проявляется в принятии Центральным банком Российской Федерации таких нормативных правовых актов, как: «Положение об обязательных резервах кредитных организаций» (утв. Банком России 07 августа 2009 № 342-П), «Положение о порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных активами или поручительствами» (утв. Банком России 12 ноября 2007 № 312-П). Заметим также, что денежная политика проводится не только в правовой форме.

Таким образом, денежная политика — деятельность уполномоченных государственных органов в сфере денежных отношений с целью обеспечения достижения установленных экономических результатов, имеющая преимущественно правоприменительную форму. В указанном качестве денежная политика представляет собой элемент организации денежного обращения.

Организация же денежного обращения как функция государства имеет более широкую цель (обеспечить в целом совместную активность людей любого типа (как экономическую, так и иную), осуществляемую посредством упорядочения денежных отношений) и, как следствие, расширенный субъектный состав и используемые правовые формы (правотворчество, правоприменение, правоохрана)²⁴.

Возвращаясь к полномочию Правительства Российской Федерации по обеспечению проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики, акцентируем внимание на содержании понятия «обеспечение». Этимологически понятие «обеспечить» предполагает что-либо сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым²⁵. Следовательно, применительно к полномочию Правительства Российской Федерации понятие «обеспечить» означает сделать возможным проведение единой денежной политики.

Указанное полномочие Правительства Российской Федерации ввиду его исключительности не может быть ограничено.

Право Правительства Российской Федерации обеспечить проведение в Российской Федерации единую денежную политику, ко-

²² Пастушенко Е. Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. С. 10.

²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 07 апреля 2004 г. № 185 «Вопросы Министерства финансов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 15. Ст. 1478; Собрание законодательства РФ. 2004. № 41. Ст. 4048; Собрание законодательства РФ. 2013. № 38. Ст. 4818.

²⁴ Крылов О. М. Организация денежного обращения как функция государства: предмет, цели и методы // Налоги. 2013. № 4. С. 5—10.

²⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. С. 427.

торое одновременно является его обязанностью, конкретизируется в иных полномочиях Правительства Российской Федерации. Выделим основные:

— право поручить Банку России осуществить любой вид банковской операции или сделки, необходимой для выполнения функции Банка России (например для проведения единой государственной денежно-кредитной политики) (ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право формировать органы Банка России (в частности Национальный финансовый совет, который рассматривает проект основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики и основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики) (ст. 12, 13 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право осуществлять взаимодействие с Советом директоров Банка России по разработке проекта основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики и основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики (ст. 18 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право информировать Банк России о предполагаемых действиях, имеющих общегосударственное значение, координировать с ним свою политику, проводить регулярные взаимные консультации (ст. 21 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право получать от Государственной Думы годовой отчет Банка России, включающий перечень мероприятий по реализации единой государственной денежно-кредитной политики, проведенных Банком России, и анализ выполнения основных параметров единой государственной денежно-кредитной политики, анализ денежного обращения, валютного положения и платежного баланса Российской Федерации, национальной платежной системы (ст. 25 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право провести консультации с Банком России по применению им прямых количественных ограничений в целях проведения единой государственной денежно-кредитной политики (ст. 43 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право предварительно получать от Банка России проект основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики (ст. 45 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);

— право совершать с Банком России банковские операции и сделки для защиты и обеспечения устойчивости рубля (ст. 46 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Данный перечень полномочий Правительства Российской Федерации, естественно, не является исчерпывающим. Открытость рассматриваемого перечня, конкретизирующего полномочие Правительства Российской Федерации по обеспечению проведения в государстве единой денежной политики, предопределяется как его исключительностью, так и лексической аморфностью понятия «обеспечение». Представляется, что в указанном перечне прав имеется и право на проведение единой денежной политики, без которого при определенных обстоятельствах просто невозможно будет обеспечить ее проведение.

Руководствуясь вышеизложенным, следует сделать вывод о том, что на референдум в Российской Федерации не могут быть вынесены вопросы по проведению денежной политики — деятельности уполномоченных государственных органов в сфере денежных отношений, имеющей целью обеспечить достижение установленных (заданных) экономических результатов. Это, в принципе, позволяет исключить возможность вынесения на референдум любого вопроса, если можно установить его влияние на денежную политику.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации (п. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации). В отличие от полномочий Правительства Российской Федерации, не обозначенных в качестве исключительных ни в одном нормативном правовом акте, полномочие Центрального банка Российской Федерации таковым названо. Очевидно, что сложившаяся ситуация исключает возможность вынесения на референдум вопроса по эмиссии денежных средств.

В Конституции Российской Федерации закреплена также норма о том, что защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти (п. 2 ст. 75 Конституции Российской Федерации).

Исходя из содержания ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» под функциями Банка России законодатель определил основные направления его деятельности. При этом защита и обеспечение устойчивости рубля определяется не как функция, а как цель деятельности Банка России (ст. 3 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). Защита и обеспечение устойчивости рубля является и целью денежно-кредитной политики Банка России, которая достигается посредством поддержания ценовой стабильности, в том числе для формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста. Очевидно, что защита и обеспечение устойчивости рубля не может быть одновременно и целью и функцией. На смешение значений этих понятий неоднократно указывалось в юридической литературе²⁶.

Представляется, что защита и обеспечение устойчивости рубля является функцией, а не целью деятельности Банка России. В пользу данного вывода можно привести следующие аргументы.

Во-первых, всякая деятельность имеет конкретную цель. Возникнув же под воздействием определенных условий объективной действительности, цель по необходимости всегда реализуется в той или иной материально или духовно ощутимой форме, которая в итоге представляет собой результат реализации потребности²⁷.

Результатом защиты и обеспечения устойчивости рубля является его защищенность и устойчивость, что, однако, не может являться результатом реализации потребности. Потребность заключается в том, чтобы защищая и обеспечивая устойчивость рубля, добиться ценовой стабильности, устойчивого экономического роста (ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), развития национальной экономики, прогрессивного международного экономического

²⁶ Баренбойм П. Д., Кравченко Д. В. Создание мегарегулятора на базе Банка России в контексте его независимого конституционного статуса // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 5—29; Солдатова В. И., Сапожникова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2011. Комментарий к статье 3; Гейвандов Я. А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации. М.: Аванта+, 2003. Глава 4. Параграф 4.

²⁷ Керимов Д. А. Методология права. М.: Аванта+, 2001. С. 294.

сотрудничества (пreamбула Федерального закона от 10 декабря 2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»)²⁸.

Во-вторых, функция органа, как элемент компетенции, указывает на его положение в системе управления конкретными сферами общественной жизни, поскольку распределение функций системы государственного управления находит воплощение в функциях органов управления²⁹. Именно функции конкретного органа указывают, какие действия он должен осуществить для выполнения задач, ради которых он создан³⁰.

Осуществление функции по защите и укреплению устойчивости рубля происходит путем наделения Банка России соответствующими полномочиями. Большая часть из них — полномочия по проведению денежно-кредитной политики (ст. 36—44 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), поскольку законодатель определил, что защита и обеспечение устойчивости рубля является ее основной целью (ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). (Следует отметить, в силу того, что защита и обеспечение устойчивости рубля не является целью деятельности Банка России, это не цель проведения денежно-кредитной политики).

В-третьих, вывод о содержании понятия «защита и обеспечение устойчивости рубля» был сделан Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, основная функция Банка России — защита и обеспечение устойчивости рубля — функция государственной власти, поскольку ее реализация предполагает применение мер государственного принуждения (Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»)³¹.

²⁸ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4084.

²⁹ Вишняков В. Г. Совершенствование аппарата управления на современном этапе // Советское государство и право. 1966. № 11. С. 32.

³⁰ Волкова Л. П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления // Административное право и процесс. 2008. № 5. С. 8.

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

Таким образом, защита и обеспечение устойчивости рубля в качестве функции является элементом компетенции Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти.

Формулировка «независимо от других органов государственной власти» предполагает, что Банк России осуществляет исключительную функцию. Вышеизложенное свидетельствует о том, что иные государственные органы не вправе выполнять функцию по защите и обеспечению устойчивости рубля, либо Банк России осуществляет функцию, которая выполняется и другими органами государственной власти.

Вместе с тем функция защиты и обеспечения устойчивости рубля реализуется Центральным банком Российской Федерации через проводимую им денежно-кредитную политику, которая разрабатывается и проводится во взаимодействии с Правительством Российской Федерации (ст. 4 ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). Указанное обстоятельство «размывает» исключительность функции Банка России по защите и обеспечению устойчивости рубля.

Ввиду того, что в Российской Федерации не может быть вынесен на референдум вопрос проведения денежной политики, вопрос по защите и обеспечению устойчивости рубля посредством денежной политики на референдуме также не может быть рассмотрен.

Обратившись к истории референдумов в Российской Федерации, заметим, что вопросы денежного обращения до сих пор не были предметом референдума. Однако именно посредством Конституции Российской Федерации — акта высшей юридической силы, обладающего прямым действием, многонациональный российский народ на референдуме 12 декабря 1993 года подтвердил статус рубля как национальной валюты и учредил его эмиссионный орган — Центральный банк Российской Федерации, закрепив эти институции в статье Конституции Российской Федерации³².

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросах денежного обращения в сфере публичных финансов и ограничениях по ним, выносимых на референдум.

В первоначальной редакции Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» содержал следующие запреты по вопросам, выносимым на референдум, утратившие

силу с 28 апреля 2008 года: о принятии и об изменении федерального бюджета, исполнении и изменении внутренних финансовых обязательств Российской Федерации; о введении, об изменении и отмене федеральных налогов и сборов, а также об освобождении от их уплаты.

Наличие этих запретов позволило отдельным авторам прийти к выводу, что многие из финансовых законов не могут приниматься на референдуме, причем это касается финансовых законов, принимаемых как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ³³. Другие авторы дифференцировали указанные запреты в зависимости от вида финансовых отношений. Например, было отмечено, что в отношении федерального уровня налогообложения возможность регулирования отношений на референдуме полностью исключается, но при этом оговаривалось, что под действие данной запретительной нормы подпадают не все отношения, составляющие предмет законодательства о налогах и сборах³⁴.

Следует заметить, что конституции многих государств действительно исключают вопросы, которые могут быть вынесены на всенародное голосование, если они касаются налогов или государственных финансов (например, ст. 118 Конституции Португальской Республики от 02 апреля 1976, часть 5 Конституция Королевства Дании от 05 июня 1953 года, ст. 75 Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года и др.)³⁵. Характерно это и для некоторых государств «ближнего зарубежья». Так, в ст. 74 Конституции Украины установлены следующие ограничения по предмету референдума: не допускается проведение референдумов по законопроектам по вопросам налогов, бюджета и амнистии³⁶.

На этом фоне даже обосновывалась необходимость запрета на использование инструментов непосредственной (прямой) демократии применительно к публичным финансам в Российской Федерации. Например, указывалось, что гражданин, независимо от его компетентности в вопросах права, не может в деталях уяснить сложный механизм публичных финансов на государственном уровне, а принципы единства бюджетной кассы и запрета на специализацию налога (в соответствии с которым налоги не должны предназначаться

³³ Махерова И. В. К вопросу о понятии закона как источника финансового права // Финансовое право. 2008. № 12. С. 12.

³⁴ Козырин А. Н. Принципы законотворчества в сфере публичных финансов (на примере актов законодательства о налогах и сборах) // Финансовое право. 2008. № 2. С. 6.

³⁵ Конституции государств Европейского Союза. М. : Норма—Инфра-М, 1999.

³⁶ Мильчакова О. В. Институт референдума в Украине // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 36—40.

³² Казанцев Н. М. Юридические лица публичного права в финансово-правовом развитии России // Банковское право. 2011. № 3. С. 11.

для конкретных государственных расходов) не позволяют ему объективно оценить общественную полезность введения того или иного налога³⁷.

Свою лепту в наметившуюся динамику по ограничению круга вопросов в сфере финансов, выносимых на референдум, внес Конституционный Суд Российской Федерации, установив не противоречащим Конституции положение, согласно которому на референдум не могут выноситься вопросы об исполнении и изменении внутренних финансовых обязательств Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования данное законоположение не допускает вынесение на референдум вопросов, связанных с собственно бюджетными обязательствами Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона “О референдуме Российской Федерации” в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа»³⁸).

Как отмечалось, запреты по вопросам денежного обращения в сфере финансов, выносимым на референдум, утратили силу с 28 апреля 2008 года. Поскольку Конституция Российской Федерации не устанавливает ограничений в отношении предмета референдума, то представляется, что именно этим руководствовался законодатель, внося соответствующие изменения в Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации».

Фактически же такие изменения привели к противоположному результату: в Российской Федерации перечень ограничений для вопросов референдума из закрытого превращен в открытый, поскольку расширение исключительной компетенции того или иного федерального органа государственной власти путем внесения изменений в иные федеральные конституционные законы может повлечь недопустимость вынесения соответствующих вопросов на общероссийский референдум³⁹.

³⁷ Емельянов А. С. Функции финансового права и механизм финансово-правового регулирования // Реформы и право. 2009. № 4. С. 16—35.

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.

³⁹ Сергеев А. А. Об ограничении предмета референдума Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008 № 19. С. 11.

Обратившись к компетенции федеральных органов государственной власти, установленной Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами по вопросам о денежном обращении в сфере публичных финансов, можно прийти к выводу, что запрет вынесения на референдум касается сравнительно небольшого количества таких вопросов.

К ним относятся:

— в соответствии с компетенцией Федерального Собрания в лице Совета Федерации — вопрос обязательности рассмотрения в Совете Федерации принятых Государственной Думой федеральных законов по вопросам федерального бюджета, федеральных налогов и сборов, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии (ст. 106 Конституции Российской Федерации);

— в соответствии с компетенцией Правительства Российской Федерации — вопросы: о даче заключения по законопроектам о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета (ст. 104 Конституции Российской Федерации); о проведении финансовой и кредитной политики (по тем же основаниям, что и денежной политики) (ст. 114 Конституции Российской Федерации); о разработке и представлении федерального бюджета, обеспечении его исполнения и представлении отчета об исполнении федерального бюджета (ст. 114 Конституции Российской Федерации);

— в соответствии с компетенцией Счетной палаты — вопрос об осуществлении контроля за исполнением федерального бюджета (ст. 101 Конституции Российской Федерации).

Однако многие формулировки компетенции органов государственной власти характеризуются недостаточной ясностью и юридической четкостью изложения (например, обеспечение проведение Правительством Российской Федерации в государстве единой финансовой политики, обеспечение исполнения федерального бюджета). Это создает существенные трудности в определении перечня вопросов денежного обращения в сфере публичных финансов, которые не могут быть вынесены на референдум.

Современное развитие общества характеризуется тем, что прямая и представительная формы демократии дополняют друг друга. Такова позиция Парламентской ассамблеи Совета Европы, которая обращает внимание на то, что референдумы не должны рассматриваться в качестве альтернативы парламентской демократии, ими не следует злоупотреблять, они

не должны использоваться для подрыва легитимности и примата парламентов как законодательных органов и в обход принципа верховенства права⁴⁰. Именно руководствуясь этим постулатом, Конституционный Суд Российской Федерации сделал свои выводы по бюджетно-финансовым вопросам как предмета референдума.

Однако верным представляется и обратное: парламентская демократия также не должна полностью исключить проведения референдумов. А потому не случайны опасения, что ссылаясь на компетенцию государственных органов, можно с легкостью свести на нет практическое значение референдумов, поскольку с помощью законодательного органа можно решить едва ли не все политически важные вопросы⁴¹.

Оптимальный баланс между прямой и представительной формой демократии наблюдается в Швейцарии, законодательство которой позволяет провести референдум по наиболее важным вопросам, среди которых можно выделить и вопросы в сфере финансов. Так, 7 марта 1993 года на референдум был вынесен вопрос об увеличении налога на бензин (на 20 сантимов за литр). В референдуме приняли участие 51,3% жителей Швейцарии. «За» проголосовали 54% пришедших⁴².

Поэтому справедлив вывод о том, что население в Российской Федерации, как в демократическом и правовом государстве, согласно действующей Конституции Российской Федерации, безусловно, должно иметь возможность высказать свою позицию по любым бюджетно-финансовым вопросам, а не только по вопросам, влекущим изменение расходных обязательств, путем проведения референдума, причем реализация такого рода решений должна быть приоритетной для органов государства⁴³.

⁴⁰ Референдум как институт непосредственной демократии (редакционный материал) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 6.

⁴¹ Андреева Г. Н., Верещагин А. Н., Старостина И. А. Двери для референдума приоткрываются? // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 178.

⁴² Виноградова А. В., Шалыгин М. Д. Золотые парашюты от Томаса Миндера (о референдуме в Швейцарии по вопросу выплат топ-менеджерам, покидающим свои посты) // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 54—57.

⁴³ Андреева Г. Н. Бюджетно-финансовые вопросы как предмет референдума (заметки на полях решения Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 20. С. 21.

Вероятным выходом из сложившейся ситуации в Российской Федерации по вопросам денежного обращения в сфере финансов и ограничениях по ним, выносимых на референдум, могло бы быть использование различных форм референдума (инициативный, народный, плебисцит, конституционный, меньшинства) на основе опыта зарубежных государств (прежде всего европейских). Что касается ограничений по указанным вопросам, выносимым на референдум, то имеется необходимость их юридической конкретизации и приведении в соответствие с конституционным принципом народовластия.

Подводя итоги проведенного исследования, сформулируем следующие выводы.

В Российской Федерации проведение референдума по вопросам денежного обращения сопряжено с ограничениями, установленными по кругу вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум в соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации».

Имеющиеся ограничения исключают возможность вынесения на референдум вопросов: по эмиссии денежных средств, по проведению денежной политики — деятельности уполномоченных государственных органов в сфере денежных отношений, имеющей целью обеспечить достижение установленных (заданных) экономических результатов, по защите и обеспечению устойчивости рубля посредством инструментов денежной политики.

Юридическая нечеткость и неясность установленной компетенции органов государственной власти позволяет фактически исключить возможность вынесения на референдум любого вопроса, связанного с денежной политикой.

Возможность проведения референдума по вопросам денежного обращения, в том числе в сфере публичных финансов (финансовых вопросов), напрямую зависит от юридической конкретизации и приведения в соответствие с конституционным принципом народовластия установленных ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» ограничений и прежде всего путем устранения юридической нечеткости и неясности в компетенции органов государственной власти.

Библиография:

1. Андреева Г. Н., Верещагин А. Н., Старостина И. А. Двери для референдума приоткрываются? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2007. — № 2. — С. 173—181.
2. Андреева Г. Н. Бюджетно-финансовые вопросы как предмет референдума (заметки на полях решения Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 20. — С. 16—21.
3. Баренбойм П. Д., Кравченко Д. В. Создание мегарегулятора на базе Банка России в контексте его независимого конституционного статуса // Законодательство и экономика. — 2013. — № 6. — С. 5—29.
4. Бюджетное право : учебник / А. Е. Абрамова, И. И. Кучеров, М. А. Моисеенко [и др.] ; под ред. Н. А. Сатаровой. — М. : Деловой двор, 2009. — Глава 8.
5. Виноградова А. В., Шалыгин М. Д. Золотые парашюты от Томаса Миндера (о референдуме в Швейцарии по вопросу выплат топ-менеджерам, покидающим свои посты) // Трудовое право в России и за рубежом. — 2013. — № 2. — С. 54—57.
6. Вишняков В. Г. Совершенствование аппарата управления на современном этапе // Советское государство и право. — 1966. — № 11. — С. 30—38.
7. Волкова Л. П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления // Административное право и процесс. — 2008. — № 5. — С. 5—9.
8. Гейвандов Я. А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации. — М. : Аванта+, 2003. — Глава 4. Параграф 4.
9. Емельянов А. С. Функции финансового права и механизм финансово-правового регулирования // Реформы и право. — 2009. — № 4. — С. 16—35.
10. Казанцев Н. М. Юридические лица публичного права в финансово-правовом развитии России // Банковское право. — 2011. — № 3. — С. 11—17.
11. Керимов Д. А. Методология права. — М. : Аванта+, 2001. — 294 с.
12. Козырин А. Н. Принципы законотворчества в сфере публичных финансов (на примере актов законодательства о налогах и сборах) // Финансовое право. — 2008. — № 2. — С. 4—11.
13. Колюшин Е. И. О квазиосуществлении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 3. — С. 55—60.
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л. А. Окунькова. — М. : БЕК, 1996. — 210 с.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. — 1008 с.
16. Крылов О. М. Организация денежного обращения как функция государства: предмет, цели и методы // Налоги. — 2013. — № 4. — С. 5—10.
17. Куликов А. Г. Деньги, кредит, банки : учебник. — М. : КноРус, 2009. — 656 с.
18. Латковская Т. А. Правовые механизмы реализации денежно-кредитной политики как составляющей финансовой политики государства // Финансовое право. — 2008. — № 4. — С. 9—10.
19. Липатов Э. Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / под ред. В. В. Володина. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2009. — 164 с.
20. Махерова И. В. К вопросу о понятии закона как источника финансового права // Финансовое право. — 2008. — № 12. — С. 10—13.
21. Мильчакова О. В. Институт референдума в Украине // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 12. — С. 36—40.
22. Мирзоян Р. Э. Денежно-кредитная политика Российской Федерации // Финансовое право. — 2008. — № 4. — С. 13—15.
23. Моисеев С. Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. — 784 с.
24. Невинский В. В. Общероссийский референдум: содержание и значение конституционно-правовых новелл 2002 и 2004 гг. // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 3. — С. 14—17.
25. Нудненко Л. А. Конституционное право Российской Федерации на референдум и международные стандарты // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 1. — С. 20—25.
27. Пастушенко Е. Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. — Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. — 256 с.
28. Сергеев А. А. Институт местного референдума в законодательстве Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2004. — № 2. — С. 15—20.
29. Сергеев А. А. Об ограничении предмета референдума Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 19. — С. 7—12.

30. Синцов Г. Н. Референдумы в Новейшей истории России // Законодательство и экономика. — 2005. — № 11. — С. 94—96.
31. Солдатова В. И., Сапожникова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (постатейный). — М. : Юстицинформ, 2011. — Комментарий к статье 3.
32. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. — М. : Издание г-на Тихомирова М. Ю., 2001. — 355 с.
33. Товмасын Р. Э. Денежно-кредитная политика в развитии экономической интеграции стран Содружества Независимых Государств // Финансовое право. — 2011. — № 10. — С. 16—18.
34. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. — М., 1998. — 278 с.
35. Шохина Э. Х. Правовые аспекты денежно-кредитной политики Банка России в условиях среднесрочного финансового планирования на 2012—2014 годы // Банковское право. — 2012. — № 2. — С. 30—34.

Материал поступил в редакцию 5 ноября 2014 г.

DIRECT LAW-MAKING OF THE POPULATION AS A LEGAL FORM FOR THE ORGANIZATION OF CURRENCY CIRCULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL REGULATION ISSUES

Krylov, Oleg Mihailovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law of the Bashkir State University.

[ok2004@list.ru]

450005, Russia, Respublika Bashkortostan, Ufa, ul. Dostoevskogo, 131.

Review: *The article concerns one of the legal forms for the organization of currency circulation in the Russian Federation: the referendum. Holding a referendum in the Russian Federation is subject to certain legislative limitations. For the purpose of their analysis the author studies the category of “monetary policy” as an element of currency circulation organization. In this aspect the currency policy involves activities of the competent state bodies in the sphere of currency relations for the purpose of guaranteeing the achievement of the established economic results, having mostly the form of legal practice. For the same purpose, it is established that protection and guarantees of ruble sustainability is a function, and not a goal of the Central Bank of the Russian Federation. When holding the study the author used general scientific (dialectic methods for the analysis of the development of an event, analysis, synthesis) and specific scientific (comparative legal studies, legal forecasting, formal legal) methods. The conclusion is made that the current legislative limitations exclude the possibility for the referendum on some matters regarding currency circulation, such as emission of currency, currency policy, protection and guarantees of ruble sustainability via the instruments of currency policy. The author also establishes the issues of currency circulation in the sphere of public finances, which also may not be brought to the referendum. For the purpose of compliance with the constitutional principle of the people’s rule its proposed to provide for legal specifications for the provided legislative limitations by eliminating unclear and non-precise legal provisions regarding competence of state government bodies.*

Keywords: *jurisprudence, state, money, circulation, competence, goal, method, function, law-making, referendum, people.*

Bibliography:

1. Andreeva, G. N., Vereshchagin, A. N., Starostina, I. A. The doors are being open for the referendum? // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. 2007. N. 2. P. 173-181.
2. Andreeva, G. N. Budget and finances issues as the subject for the referendum. (Notes about the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.) // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2007. N. 20. P. 16-21.
3. Barenboym, P.D., Kravchenko, D.V. Formation of the mega-regulator based upon the Bank of Russia within the context of its independent constitutional status. // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2013. N. 6. P. 5-29.

4. Budget law: manual. / A. E. Abramova, I. I. Kucherov, M. A. Moiseenko et al.; Ed. by N. A. Sattarova. M: Delovoy dvor, 2009. Ch. 8.
5. Vinogradova, A.V., Shalygin, M.D. "The Golden Parachutes of Thomas Minder: on the referendum in Switzerland on the issue of payments to the top managers leaving their positions. // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2013. N. 2. P. 54 - 57.
6. Vishnyakov, V.G. Improvement of the administrative apparatus at the modern stage of development. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1966. N. 11. P. 30-38.
7. Volkova, L.P. Competence of the executive government bodies: definition and conditions for the formation.// Administrativnoe pravo i protsess. 2008. N. 5. P. 5-9.
8. Geyvandov, Y.A. Social and legal fundamentals for the banking system of the Russian Federation. M.: Avanta +, 2003. Chapter 4. Paragraph 4.
9. Emelyanov, A.S. Functions of the financial law and the mechanism of the financial legal regulation. // Reformy i pravo. 2009. N. 4. P. 16 - 35.
10. Kazantsev, N. M. Public law legal entities in the financial and legal development of Russia. // Bankovskoe pravo. 2011. N. 3. P.11-17.
11. Kerimov, D. A. Methodology of law.– M.: Avanta +. 2001. 294 p.
12. Kozyrin, A.N. Legislative principles in the sphere of public finances (based upon the examples of legislative acts on taxes and levies). // Finansovoe pravo. 2008. N. 2. P. 4-11.
13. Kolyushin, E.I. On the quasi-implementation of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2011. N. 3. P. 55-60.
14. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (clause-by-clause)./ Ed. by L.A. Okunkov. – M.: «BEK», 1996. 210 p.
15. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (clause-by-clause) / L. V. Andrichenko, S. A. Bogolyubov, N. S. Bondar et al.; Ed. by V. D. Zorkin. - M.: Norma, Infra-M, 2011. 1008 p.
16. Krylov, O.M. Monetary circulation organization as a state function: object, goals and methods. // Nalogi. 2013. N. 4. P. 5-10.
17. Kulikov, A.G. Money, credit, banks: a manual. / A. G. Kulikov. – M.: KNORUS. 2009. 656 p.
18. Latkovskaya, T.A. Legal mechanisms for the implementation of the monetary and credit policy as an element of the financial state policy. // Finansovoe pravo. 2008. N. 4. P. 9-10.
19. Lipatov, E.G. Competence of the government bodies of the constituent subjects of the Russian Federation in the sphere of law-making/ Ed. by V.V. Volodin. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2009. 164 p.
20. Makherova, I.V. On the issue of definition of law as a source of financial law. // Finansovoe pravo. 2008. N. 12. P. 10-13.
21. Milchakova, O.V. Institution of referendum in Ukraine. // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2009. N. 12. P. 36-40.
22. Mirzoyan, R.E. Monetary and credit policy of the Russian Federation.// Finansovoe pravo. 2008. N. 4. P. 13-15.
23. Moiseev, S.R. Monetary and credit policy: theory and practice. The manual. / S. R. Moiseev. – M.: Moskovskaya finansovo-promyshlennaya akademiya, 2011. 784 p.
24. Nevinskiy, V.V. The All-Russian referendum: contents and value of the constitutional legal novelties of 2002 and 2004.// Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2005. N. 3. P. 14-17.
25. Nudnenko, L.A. Constitutional right of the Russian Federation to referendum and the international standards. // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2005. N. 1. P. 20-25.
27. Pastushenko, E.N. Legal acts of the Central Bank of the Russian Federation: financial legal aspects of the theory. - Saratov State Law Academy. 2006. 256 p.
28. Sergeev, A.A. Institution of the local referendum in the legislation of the Russian Federation. // State power and municipal self-government. 2004. N. 2. P. 15-20.
29. Sergeev, A.A. On limiting the object of referendum in the Russian Federation. 2008 N. 19. P. 7-12.
30. Sintsov, G.N. The referenda in the new history of Russia. // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2005. N.11. P. 94-96.
31. Soldatova, V.I., Sapozhnikova Y.V. Commentary to the Federal Law of July 10, 2002 N. 86-FZ On the Central Bank of the Russian Federation (the Bank of Russia) (clause-by-clause). M.: Yustitsinform, 2011. Commentary to Art. 3.
32. Tikhomirov, Y.A. Competence theory. M. Izdanie g-na Tikhomirova M. Y.: 2001. 355 p.
33. Tovmasyan, R.E. Monetary and credit policy in the development of the economic integration of the Commonwealth of Independent States Member States. // Finansovoe pravo. 2011. N. 10. P. 16-18.
34. Umnova, I.A. Constitutional fundamentals of the modern Russian federalism. M., 1998. 278 p.
35. Shokhina, E.H. Legal aspects of the monetary and credit policy of the Bank of Russia in the conditions of the financial planning for 2012-2014. // Bankovskoe pravo. 2012. N. 2. P. 30-34

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Н. Н. Коротких*

ВИД ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. Либерализация уголовного законодательства способствует тому, что значительная часть преступников осуждается к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. В то же время в местах лишения свободы концентрируется значительное число лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, отбывающих лишение свободы за совокупность преступлений во второй и более раз при опасном и особо опасном рецидиве. Такие осужденные нуждаются в более тщательной классификации при распределении их по видам исправительных учреждений и выборе условий отбывания наказания. В статье проанализированы положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по вопросам классификации осужденных по видам исправительных учреждений при различных формах множественности преступлений, выявлены пробелы и раскогласованность норм в регулировании этих отношений. Несовершенство легального определения видов рецидива преступлений, закрепленное в ст. 18 УК РФ, порождает проблемы при применении ст. 58 УК РФ, регламентирующей выбор вида исправительного учреждения. Критерии выбора вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы, основанные только на внешних признаках (пол, возраст, категория преступлений, рецидив преступлений) являются, по мнению автора, недостаточными для достижения результата пенитенциарного воздействия — исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Автор обращает внимание на то, что категоризация осужденных в период отбывания наказания также сопряжена с проблемами законодательного регулирования, и меры, стимулирующие позитивное поведение осужденных, реализуются не в полном объеме. Это обстоятельство обусловлено отсутствием легальных конкретных критериев оценки личности осужденных в период нахождения их в учреждении. Проанализировав различные точки зрения, автором предлагается такая типология осужденных, которая, по его мнению, будет являться ориентирующей, прежде всего для сотрудников исправительных учреждений, на выбор средств и методов исправительного воздействия на осужденных при отбывании ими наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: исправительное учреждение, лишение свободы, множественность преступлений, рецидив преступлений, совокупность преступлений, совокупность приговоров, условия отбывания наказания, распределение осужденных, классификация осужденных.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.020-031

© Коротких Н. Н., 2015

* Коротких Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета. [natkorot@mail.ru]

690000, Россия, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ.

** Научные результаты получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, задание № 29.763.2014/К.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН, как и Европейские тюремные правила, формулируют ряд критериев классификации осужденных, включая разбивку их на те или иные категории. Правильная классификация осужденных — необходимое условие дифференциации программ обращения с ними и средств исправления, обеспечения безопасности и эффективной управляемости учреждений, исполняющих наказания, оптимального распределения имеющихся сил и ресурсов. Такой подход к исполнению наказаний определен и Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Порядок исполнения и отбывания наказания определяют нормы уголовно-исполнительного права, которые выполняют организующую роль в механизме его реализации и основываются на процессе применения норм права. Этот процесс оформляется в строгие процедурно-процессуальные формы, которые обеспечивают достижение целей наказания при реализации правовых норм, охрану прав заинтересованных лиц, защиту от возможных правонарушений и т.п. Значение специально-юридического, организационно-технического аспекта применения права обусловлено тем, что оно связано с практической деятельностью персонала исправительного учреждения, их профессиональной подготовкой. Как известно, уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Эти цели поставлены перед учреждениями, исполняющими наказание, а не перед осужденными. Именно учреждения, которые представляют государство, стремятся к тому, чтобы снизить в процессе обеспечения отбывания осужденным наказания путем применения средств исправления уровень общественной опасности их личности до такого, который не допускает совершения новых преступлений. Осужденный, который претерпевает наказание при его отбывании, не обязан исправляться, он лишь обязан воздержаться от новых преступлений. Эта обязанность определяется условиями существования человека в обществе¹.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года² в сфере социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы

¹ См.: Южанин В. Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2010. № 28. С. 87—97.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 12. С. 2—15.

с осужденными предусматривает создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению (система «социальных лифтов»). В соответствии с Методическими рекомендациями по использованию системы социальных лифтов в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства³ целями применения системы стимулов являются социализация осужденного, профилактика рецидивной преступности и создание условий для позитивного формирования личности. Основные задачи данной системы — мотивация осужденного к законопослушному образу жизни и дифференциация их по уголовно-правовой, социально-педагогической и психологической характеристикам.

Либерализация уголовного законодательства способствует тому, что значительная часть преступников осуждается к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. По статистике к лишению свободы в настоящее время осуждается немногим более 28% от числа всех осужденных, а к остальным применяются наказания, альтернативные лишению свободы (в 2013 г. к наказаниям, не связанным с лишением свободы, приговорено 54,9% осужденных, из них 28,2% ранее уже совершали преступления и имели судимость на момент привлечения к уголовной ответственности)⁴. Это свидетельствует о том, что реализуется поставленная Концепцией развития УИС задача — расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы к лицам, впервые совершившим преступления, и сокращением тем самым числа граждан в местах лишения свободы и применение данного наказания только к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления. Но по-прежнему наказание в виде лишения свободы на определенный срок остается одним из самых применяемых в Российской Федерации, составляя ежегодно около тридцати процентов: в 2008 г. — 33,6%; 2009 г. — 32,2%; 2010 г. — 31,2%; 2011 г. — 28,9%; 2012 г. — 27,8%. При этом стабильно высоким является и процент условно осужденных к лишению свободы: в 2008 г. — 38,9%; 2009 г. — 38,3%; 2010 г. — 36,4%; 2011 г. — 36,2%; 2012 г. — 30,1%⁵.

³ См.: Методические рекомендации по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства [Электронный ресурс] // URL: <<http://фсин.рф>> (дата обращения: 19 июня 2014 г.).

⁴ Данные взяты с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <<http://www.cdep.ru>> (дата обращения: 6 мая 2014 г.).

⁵ Данные взяты с официального сайта Судебного департамента Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <<http://www.cdep.ru/>> (дата обращения: 6 мая 2014 г.).

Численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях на декабрь 2011 г. составляла 639 626 человек, 2012 г. — 585 880 осужденных, 2013 г. — 559 900 человек⁶.

В условиях сохранения тенденции неуклонной гуманизации уголовной политики это может свидетельствовать о росте тяжести совершаемых преступлений и общем ухудшении криминальной обстановки. Доказательством тому служат и данные официальной статистики ФСИН РФ о контингенте лиц, отбывающих лишение свободы. Так, в 2010 г. осуждены за убийство (ст. 105 УК РФ) и причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) 56 220 чел., из них назначено наказание в виде лишения свободы 32 834 чел. (что составляет 58,4%). Такая же ситуация наблюдается и в последующие годы: в 2011 г. — 68,5%; в 2012 г. — 67,8%. Причем более 40% осужденных к лишению свободы имеют 2 и более судимости. Криминологическая характеристика спецконтингента в местах лишения свободы является сложной, например, 36,8% осужденных, содержащихся в исправительных колониях, отбывают наказание за совершение умышленных тяжких преступлений, 48,8% — умышленных особо тяжких преступлений; 28,7% осуждены второй раз, 33,2% — третий раз и более⁷.

В связи с этим в местах лишения свободы уже сейчас концентрируются осужденные, совершившие более тяжкие преступления, неоднократно судимые, при опасном и особо опасном рецидиве. Причем их удельный вес растет, так как они чаще приговариваются к длительным срокам лишения свободы, реже освобождаются досрочно, соответственно это ведет к росту числа отрицательно характеризующихся осужденных, осложнению оперативной обстановки, затруднению процесса исполнения уголовного наказания. Значительный удельный вес в местах лишения свободы лиц, осужденных за различные формы множественности преступлений, позволяет ставить вопрос о необходимости создания системы распределения таких осужденных в зависимости от криминологических параметров их личности (социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные признаки).

Наказание в виде лишения свободы в отношении осужденных за ту или иную форму множественности преступлений исполняется в ис-

правительных учреждениях различных видов режимов, куда осужденные распределяются в зависимости от тяжести и общественной опасности совершенных ими преступлений. Лишение свободы как наказание включает в себя карательное принуждение, определяемое нормами уголовного и уголовно-исполнительного права. Уголовное право определяет его сущность, а уголовно-исполнительное право — содержание. В соответствии с ч.1 ст. 56 УК РФ лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Содержание лишения свободы в соответствии с главой 13 УИК РФ определено в виде условий отбывания наказания осужденными, включая различного рода ограничения. Исходя из статьи 56 УК РФ, сущность лишения свободы выражается в основном его признаке — изоляции, которая представляет собой заключение и содержание осужденного в исправительном учреждении под постоянной охраной и надзором. Содержание изоляции осужденного в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права составляют весь комплекс правоограничений, выраженный в режиме исполнения отбывания наказания в конкретном виде исправительного учреждения⁸. Таким образом, следует два важных положения: 1) лишение свободы — это изоляция от общества и 2) характер изоляции зависит от режима отбывания лишения свободы. Основную часть содержания отбывания наказания составляют специальные права осужденных на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, свидания с родственниками и иными лицами, получение посылок, передач и бандеролей, переписку, получение и отправленные денежных переводов, телефонные разговоры, прогулки и т.д. Содержание некоторых прав в количественном выражении отличается в зависимости от вида режима исправительного учреждения, а также условий отбывания наказания внутри вида режима. Посредством их установления законодатель регулирует тяжесть наказания в виде лишения свободы.

Назначение вида исправительного учреждения регламентировано в уголовном законодательстве, и необходимые разъяснения даны в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправи-

⁶ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний — URL: <<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>> (дата обращения: 6 мая 2014 г.).

⁷ Основные показатели деятельности ФСИН России за 2011—2013 гг. [Электронный ресурс] // URL: <<http://фсин.рф/statistics/>> (дата обращения: 24 апреля 2014 г.).

⁸ См.: Маликов Б. З., Пленкин Ю. В. Изоляция осужденных к лишению свободы: проблемы правового выражения и реализации. Самара, 2005. С. 6.

тельных учреждений»⁹. Отбывание лишения свободы назначается в следующих видах исправительных колоний (ст. 58 УК РФ): а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавших лишение свободы, — в колониях поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения; б) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавших лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, — в исправительных колониях общего режима; в) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавших лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, — в исправительных колониях строгого режима; г) мужчинам, осужденным к пожизненному лишению свободы, а также при особо опасном рецидиве преступлений — в исправительных колониях особого режима. Позитивным моментом данной регламентации режимов отбывания лишения свободы является то, что законодатель сделал попытку дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести преступлений и опасности рецидива. Таким образом, определение вида исправительного учреждения зависит от различных уголовно-правовых факторов: а) категории совершенного преступления; б) формы вины; в) наличия рецидива; г) применения к осужденному лишения свободы в прошлом; д) возраста; е) половой принадлежности.

В то же время действующие правила определения вида исправительного учреждения содержат существенные пробелы. Прежде всего отметим, что ст. 58 УК РФ регламентирует правила назначения вида исправительного учреждения применительно к осужденным за единичное преступление и за одну форму множественности преступлений — рецидив, оставляя без ответа вопрос о порядке определения вида исправительного учреждения применительно к осужденным к лишению свободы за совокупность преступлений различной категории и при назначении наказания с применением ст. 70 УК РФ. В упомянутом

постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2014 г. даны рекомендации о назначении вида исправительного учреждения только после определения окончательной меры наказания, а также при различных комбинациях преступлений, образующих совокупность или рецидив (п.п. 2, 3, 4). Отметим, что явные пробелы, существовавшие до этого в определении вида исправительного учреждения при различных проявлениях множественности преступлений, постановление попыталось устранить. Например, определив в п. «а» ч.1 ст. 58 УК колонию-поселение как место отбывания лишения свободы лицами, осужденными за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими наказания в виде лишения свободы, законодателем не был решен вопрос о месте отбывания лишения свободы этой же категорией осужденных, если они ранее отбывали лишение свободы, но при отсутствии рецидива преступлений. В п. «в» ч. 1 ст. 58 УК не решен вопрос о месте отбывания лишения свободы мужчинами, осужденными к этому виду наказания за совершение особо тяжких преступлений, ранее отбывавшими лишение свободы, но при отсутствии рецидива преступлений. Теперь согласно разъяснениям Пленума, в случае осуждения к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и (или) средней тяжести либо за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений отбывание наказания назначается в исправительной колонии общего режима (п. 3); при осуждении к лишению свободы на определенный срок за совершение особо тяжкого преступления лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, при отсутствии любого вида рецидива преступлений суд назначает ему исправительную колонию строгого режима (п. 4). Очевидно, что сочетания преступлений, образующих совокупность, указанные в постановлении, являются отнюдь не единственными и далеко не самыми распространенными случаями в судебной практике. Поэтому пробел в определении вида режима некоторым категориям осужденных при определенных ситуациях остается, на что в литературе не раз обращалось внимание¹⁰. Согласно п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ женщинам, совершившим умышленные преступления небольшой или средней тяжести, ранее отбывавшим лишение свободы, нельзя назначить исправительную колонию общего режима,

⁹ Российская газета. 2014. 4 июня.

¹⁰ См.: Непомнящая Т. В., Степашин В. М. Проблемы назначения наказания. Омск, 2011. С. 367; Возжанникова И. Г. Рецидив как вид множественности преступлений. М., 2014. С. 89—90.

поскольку совершенное преступление не относится к категории тяжких и особо тяжких, вместе с тем нельзя назначить отбывание наказания в колонии-поселении, ибо этому препятствует имевшее место отбывание лишения свободы. Мужчинам, совершившим тяжкое преступление, ранее отбывавшим лишение свободы, но при отсутствии признаков рецидива нельзя назначить исправительную колонию общего режима (п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ), но и не могут быть назначены исправительные колонии строгого или особого режима, поскольку отсутствует рецидив, в соответствии с п. «в», «г» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Попытаемся обозначить общие критерии выбора вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы при различных проявлениях множественности преступлений.

Прежде всего для дифференциации ответственности при отбывании наказания необходимо правильно установить вид рецидива преступлений. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ особо отмечено, что указание в описательно-мотивировочной части приговора на наличие вида рецидива преступлений является обязательным в том числе и в случае, если в обвинительном заключении (обвинительном акте или постановлении) отсутствует решение о рецидиве преступлений. Анализируя части 2 и 3 ст. 18 УК РФ при определении опасного и особо опасного рецидивов преступлений законодатель в одних случаях прямо указывает на осуждение к реальному лишению свободы, а в других — просто к лишению свободы. Если, например, лицо ранее дважды было осуждено за умышленные преступления средней тяжести к лишению свободы с применением ст. 73 УК РФ и в случае совершения им нового тяжкого преступления, за которое ему назначено реальное лишение свободы, исходя из буквального толкования п. «а» ч. 2 ст. 18 УК РФ, необходимо признавать опасный рецидив преступлений, но это будет противоречить требованиям п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, где судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, при признании рецидива преступлений не учитываются. Положения п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ нередко затрудняют квалификацию рецидива преступлений. Думается, это связано с недостатком законодательной техники, поскольку указанный пункт плохо взаимосвязан как с другими частями ст. 18 УК РФ, так и с иными предписаниями уголовного законодательства. В науке правильно обращено внимание на неопределенность понятия «реальное лишение свободы». Предписание не учитывать при признании рецидива преступлений судимости, осуждение за которые признавалось условным, лишает смысла указания ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ

на осуждение к «реальному» лишению свободы. Данное указание имеет значение лишь как противопоставление условному осуждению, которое назначается, если «суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания» (ч. 1 ст. 73 УК РФ). На наш взгляд, следует исходить из следующего: поскольку в УК РФ нет понятий «реальное» или «нереальное» лишение свободы, а есть ст. 56 и ст. 57 УК РФ, регламентирующие лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы, и ст. 73 УК РФ, предусматривающая возможность условного осуждения, то при характеристике лишения свободы в ст. 18 УК РФ необходимо исключить слово «реальное», а в п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ оставить указание на учет при признании рецидива судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным. Таким образом судимость за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо отбывание наказания за которые отсрочено, учитывается при признании рецидива преступлений, если условное осуждение либо отсрочка отбывания наказания отменялись до совершения лицом нового преступления, и лицо направлялось судом для отбывания наказания в места лишения свободы.

Одним из факторов, определяющих вид исправительного учреждения, является установление факта отбывания осужденным в прошлом наказания в виде лишения свободы. По общему правилу ранее отбывавшим лишение свободы считается лицо, которое за совершенное им преступление было осуждено к наказанию в виде лишения свободы и отбывало его в исправительной колонии, тюрьме, лечебном исправительном учреждении, лечебно-профилактическом учреждении либо в следственном изоляторе на основании ст. 77, 77¹ и 77² УИК РФ, если судимость за это преступление не была снята или погашена на момент совершения нового преступления. На основании ч. 3, 4, 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение может быть отменено и лицо направлено для отбывания назначенного по приговору суда наказания в виде лишения свободы в исправительное учреждение. Такая судимость при признании рецидива преступлений будет учитываться и, более того, лицо считается отбывавшим ранее наказание в виде лишения свободы. В связи с этим логичным выглядит предписание нового постановления Пленума Верховного Суда РФ о том, что лицо, осуждавшееся к наказанию в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ или ограничению свободы, которому по основаниям, предусмотренным соответствующими статьями УК РФ, эти виды наказаний были заменены лишением свободы,

отныне может рассматриваться как ранее отбывавшее наказание в виде лишения свободы. В прежнем постановлении эти лица считались не отбывавшими лишение свободы¹¹. Таким образом, при определении вида исправительного учреждения за совершение нескольких преступлений, основополагающее значение имеют те преступления, за которые назначено лишение свободы и (или) лицо его фактически отбывало. В то же время и категория преступления влияет на признание в содеянном рецидива преступлений. Например, лицо, имеющее судимость за умышленное преступление средней тяжести и ранее отбывавшее наказание в колонии-поселении, вновь совершило совокупность преступлений: одно умышленное преступление небольшой тяжести и одно умышленное преступление средней тяжести. Назначение наказания за каждое совершенное преступление происходит с учетом требований ст. 68 УК РФ, поскольку имеется простой рецидив преступлений. В случае определения окончательного наказания в виде лишения свободы за такое сочетание не самых тяжких преступлений, как ни парадоксально, должна быть назначена колония строгого режима (п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ).

На наш взгляд, необоснованно в колониях строгого режима содержатся как впервые совершившие преступления, так и лица, совершившие преступления при простом и опасном рецидиве. Необходимо дифференцировать ответственность простых и опасных рецидивистов, так как они обладают различной общественной опасностью.

Всех осужденных при различных проявлениях множественности преступлений целесообразно распределять по соответствующим учреждениям и классифицировать на более или менее однородные группы. Но уголовно-исполнительное законодательство не рассматривает классификацию осужденных в качестве средства исправительного воздействия на них. Очевидно, что в зависимости от психологической совместимости, правильной классификации осужденных в пределах одного исправительного учреждения, установления соответствующего режима для каждой категории осужденных зависят результаты пенитенциарного воздействия. На основе требований психологии и педагогики, а также по признакам социально-нравственной запущенности личности осужденного, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, наличия или отсутствия судимости, отбывания в прошлом наказания в виде

лишения свободы целесообразно деление лиц на однородные группы в целях их отдельного содержания как в разных исправительных учреждениях, так и внутри них. Целью отдельного содержания осужденных является недопущение такой ситуации, при которой осужденные со стойкими антисоциальными установками могли бы оказывать негативное воздействие на основную массу осужденных. Верно подмечено, что деятельность исправительных учреждений направлена в первую очередь на решение психолого-педагогической по своей сути задачи¹². Изучение различных категорий осужденных особенно актуально на современном этапе развития законодательства и практики его применения в связи с углублением демократизации и гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Общим недостатком предлагаемых УК РФ классификаций осужденных по исправительным учреждениям является то, что они направлены на выделение отдельных групп лиц по внешним, формальным признакам (пол, возраст, категория преступления) и не учитываются внутренние, сущностные характеристики. В то же время такие критерии классификации осужденных, как мотивы содеянного, психологическая совместимость и др. не нашли отражения и в УИК РФ.

Помимо категоризации осужденных за множественность преступлений при выборе вида исправительного учреждения, категоризация в период отбывания наказания представляется еще более субъективной и нечеткой. Это обстоятельство обусловлено отсутствием легальных конкретных критериев оценки личности осужденных в период нахождения их в учреждении. Осужденные в пределах одной исправительной колонии могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима ИК, это так называемый институт дифференциации исполнения наказаний — «прогрессивная система отбывания наказания». Суть ее заключается в постепенном последовательном изменении условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного. По общему правилу все осужденные по прибытии в ИК попадают в обычные условия содержания, а затем в зависимости от поведения могут быть переведены в облегченные или строгие условия. Для осужденных, содержащихся в тюрьмах, устанавливается строгий и общий режим без деления их на подвиды, т.е. без дифференциации условий содержания осужденных внутри каждого вида режима. В ст. 130, 131 УИК РФ законодатель не употребляет термины «обычные» и «строгие»

¹¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1.

¹² См.: Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 294.

условия, а говорит об общем и строгом режиме, хотя речь идет именно об условиях отбывания лишения свободы в тюрьмах.

Совокупность норм, изменяющих условия содержания осужденных посредством уменьшения объема правоограничений, можно классифицировать на два поощрительных института: изменение вида учреждения и изменение условий отбывания наказаний в пределах одного исправительного учреждения. Цель данных институтов, тесно связанных с элементами прогрессивной системы, заключается в стимулировании исправления осужденных и подготовке их к условиям жизни в обществе.

В литературе отмечается, что меры, стимулирующие позитивное поведение осужденных, реализуются не в полном объеме, и наличие трех видов условий содержания не согласуется с количеством категорий осужденных, которые можно выделить в зависимости от степени исправления¹³. В связи с этим предлагается осужденных, нарушающих режим содержания и имеющих одно взыскание в виде водворения в штрафной изолятор, содержать в условиях нового вида отбывания наказания — усиленных¹⁴, а вторую категорию осужденных, не имеющих взысканий — в обычных. Усиленные условия отбывания наказания могут служить средством более дробной классификации осужденных в зависимости от степени их исправления, что важно для реализации принципа стимулирования правопослушного поведения и системы социальных лифтов.

Неопределенность порядка перевода из одних условий в другие не вызывает у осужденных стремления к правопослушному поведению. Например, в тюрьме по отбытии не менее одного года на строгом режиме (ч. 5 ст. 130 УИК РФ) осужденные могут быть переведены на общий режим, то есть установлен только формальный критерий — обязательный срок отбытия наказания, а материальный — нет. Проблема в том, что в УИК РФ и иных нормативных правовых актах отсутствует понятие «положительно характеризующийся» осужденный, отсутствие взысканий и добросовестное отношение к труду не могут в достаточной степени характеризовать осужденного с точки зрения оценки степени его исправления в целом. Возможно, это связано с тем, что изначально термин «прогрессивная система отбывания

наказания» подразумевал учет только положительных изменений личности, но в настоящее время учитываются и негативные. По справедливому замечанию некоторых исследователей, прогрессивность системы отбывания наказания как раз и заключается в необходимости учета как законопослушного поведения осужденных, так и его отрицательного поведения, злостного нарушения режима, стойкого нежелания исправляться, с тем чтобы влиять на осужденного¹⁵. Правопослушное поведение само по себе может быть обычным, активным или пассивным. Стимулироваться должно, на наш взгляд, активное правопослушное поведение. Поэтому перевод осужденных лишь «не имеющих взысканий» в более мягкие условия отбывания наказания представляется неоправданным.

Помимо этого существует проблема несоответствия условий содержания в отдельных видах исправительных учреждений. Например, условия содержания лиц, отбывающих наказание в строгих условиях в колонии особого режима, идентичны условиям отбывания наказания в тюрьме в строгих условиях. В соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ злостные нарушители порядка отбывания наказания из колонии особого режима могут быть переведены в тюрьму на срок не свыше трех лет, причем вновь поступившие в тюрьму помещаются сразу в строгие условия содержания (ч. 3 ст. 130 УИК РФ). Возникает вопрос целесообразности перевода осужденного из колонии особого режима в тюрьму, если условия отбывания в них (на строгих условиях) практически идентичны и относятся к самым суровым. Если сравнивать условия содержания в тюрьме и в колонии особого режима для пожизненно осужденных, то также наблюдается некий дисбаланс. Пожизненно осужденные часть срока, по решению суда, могут отбывать в тюрьме, а затем переводиться в исправительную колонию особого режима. При переводе такие осужденные вновь помещаются в строгие условия (ч. 3 ст. 127 УИК РФ) и только по отбытии не менее 10 лет могут быть переведены в обычные условия. В то же время у содержащихся в тюрьме, несмотря на их большую общественную опасность, условия могут улучшиться со строгих на общие уже через год (ч. 5 ст. 130 УИК РФ).

К прогрессивной системе отбывания наказания относится и институт переводов осужденных в исправительное учреждение с более легким режимом отбывания наказания. Уголовно-исполнительная дифференциация перераспределяет осужденных по разным видам исправительных учреждений в зависимости

¹³ См.: Бабаян С. Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 46—50.

¹⁴ См.: Березиков С. В. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо изменять // Законность. 2009. № 6. С. 41—43.

¹⁵ См.: Михеева С. В. Правовое положение осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 88.

от поведения осужденного. Согласно ч. 2 ст. 78 УИК РФ, положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания из тюрьмы в исправительную колонию, из исправительной колонии особого режима — в колонию строгого режима, из исправительных колоний строгого и общего режимов — в колонию-поселение. Перевод осуществляется судом при наличии положительной характеристики и отбытии определенной части наказания в конкретном исправительном учреждении. Как видим, здесь не учитывается то обстоятельство, что осужденный отбывает наказание за рецидив, совокупность преступлений или совокупность приговоров. В ч. 3 ст. 78 УИК РФ установлен только запрет на перевод в колонию-поселение осужденных при особо опасном рецидиве преступлений. Кроме того, различие критериев перевода из УИК общего и строгого режимов не соответствует принципам последовательности применения поощрительных средств. Например, при переводе осужденного из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение ему необходимо находиться в облегченных условиях отбывания наказания, в то же время при переводе из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение и из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима данное условие не предусмотрено. В результате проведенного исследования выяснилось, что 72% сотрудников исправительных учреждений считают, что нахождение в облегченных условиях является необходимым условием определения готовности к переводу осужденного в другой вид исправительного учреждения. Также отметим, что в уголовно-исполнительном законодательстве нет четких критериев, когда в качестве меры поощрения к осужденному применять перевод в другое исправительное учреждение, а когда условно-досрочное освобождение. Для условно-досрочного освобождения суд должен признать, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Но убежденность эта основывается практически на тех же показателях, что и для перевода в другое исправительное учреждение: фактическое отбытие осужденным определенной части наказания (например, $\frac{1}{2}$ срока наказания для перевода из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима, $\frac{2}{3}$ срока осужденными, совершившими особо тяжкие преступления, для перевода их из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение, а при условно-досрочном

освобождении — не менее $\frac{1}{2}$ срока за тяжкое преступление, $\frac{2}{3}$ — за особо тяжкое преступление, за совершение которых осужденный как раз и отбывает наказание в колониях строгого или особого режимов) и положительной характеристики осужденного. Анализируя разъяснения Пленумов Верховного Суда РФ о судебной практике об условно-досрочном освобождении¹⁶ и изменении вида исправительного учреждения¹⁷, можно сделать вывод, что необходимый набор данных для характеристики осужденного включает в себя: а) всесторонний учет данных о его поведении за весь период отбывания наказания; б) отношение к учебе и труду; в) отношение к совершенному деянию; г) частичное или полное возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления. Причем суды не вправе отказать в рассмотрении ходатайства по основаниям, не указанным в законе (например, тяжесть совершенного преступления, наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т.д.). Очевидно, что в системе применения института изменения условий отбывания наказаний отсутствует взаимосвязь и определенная последовательность. Осужденному «невыгодно» последовательное смягчение режима отбывания наказания, когда при тех же условиях можно быть вообще освобожденным от дальнейшего отбывания наказания.

В настоящий момент на уровне теории ФСИН России научно-исследовательскими и высшими образовательными учреждениями ФСИН России, а также иными территориальными органами ФСИН России осуществляется разработка моделей вновь вводимых учреждений. Концепция реформирования УИС предусматривает расширение института колоний-поселений с одновременным увеличением направляемых в них осужденных, так как отбывание наказания в колонии-поселении сводит до минимума негативное влияние изоляции на осужденных, присущее лишению свободы. Предусмотрено в том числе введение

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 9 февраля 2012 г. № 3) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <<http://www.consultant.ru>> (дата обращения: 19 июня 2014 г.).

¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Российская газета. 2014. 4 июня.

колоний-поселений с усиленным наблюдением. Вместе с тем единой четкой концепции — конструктивного принципа об особенностях функционирования и исполнения наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях с усиленным наблюдением нет. По мнению И. Е. Третьякова, по категориям осужденных, которые будут отбывать наказание в этих учреждениях, колонии-поселения с усиленным наблюдением будут занимать усредненную позицию между действующими колониями-поселениями и исправительными колониями общего режима¹⁸. Очевидно, что контингент, содержащийся в этих учреждениях, с позиции личности осужденных и их криминальной запущенности достаточно непростой. Полагаем, что в этом случае необходим набор условий отбывания наказания с учетом работы системы «социальных лифтов».

Колонии-поселения с обычным наблюдением могут быть предназначены для содержания лиц, совершивших преступления по неосторожности ранее не отбывавших наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления; впервые осужденные за совершение преступлений небольшой и средней тяжести; осужденные условно, которым эта мера была отменена из-за несоблюдения предписанных условий. В колониях-поселениях с усиленным наблюдением могут содержаться осужденные к лишению свободы за неосторожные преступления, но ранее отбывавшие наказание за совершение тяжких преступлений; совершившие преступления небольшой или средней тяжести и ранее судимые к наказаниям, не связанным с лишением свободы; переведенные из тюрем общего или усиленного режимов в виде поощрения.

Основной целью разделения колоний-поселений на два вида являются требования, направленные на повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; сокращение рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказания, за счет приоритета социальной работы в местах лишения свободы и развития системы социальной реабилитации; обеспечение гуманизации условий содержания осужденных, соблюдение их прав и законных интересов. Социальная, психологическая и воспитательная работа рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообуславливающие элементы для ресоциализации осужденных и освоения ими основных социальных функций в качестве необходимого условия

¹⁸ См.: Третьяков И. Е. Условия отбывания наказания в колониях-поселениях с усиленным наблюдением (гипотеза) // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3(6). С. 87—90.

исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения¹⁹.

Также Концепцией развития УИС РФ планируется создание тюрем трех видов — общего, усиленного и особого режима. Хотя в самой Концепции не указан контингент лиц, которые должны в них отбывать наказание, некоторыми авторами предлагается следующая схема размещения: 1) тюрьма общего режима — для содержания лиц, впервые осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, для осужденных за преступления небольшой и средней тяжести ранее осуждавшихся к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести; 2) тюрьма усиленного режима — для содержания лиц, ранее не менее двух раз отбывавших наказания в виде лишения свободы и вновь осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и направленных судом для отбывания наказания в данный вид учреждений либо признанных опасными рецидивистами; 3) тюрьма особого режима — для содержания лиц, осужденных к лишению свободы за неоднократное совершение особо тяжких преступлений, в том числе осужденных к пожизненному лишению свободы, а также для лиц, признанных активными членами и лидерами преступных сообществ, особо опасными рецидивистами, «воров в законе», осужденных за тяжкие преступления террористической и экстремистской направленности²⁰.

При переходе на новую типологию исправительных учреждений существенно возрастет роль индивидуализации исполнения наказания и применения индивидуальных методов воздействия. В связи с этим важное значение имеет проведение дифференцированной социальной и воспитательной работы с учетом особенностей различных категорий осужденных. Знание мотивов позволяет определить пути и направления предупредительных и исправительных воздействий. Это особенно важно в связи с тем, что если в процессе индивидуальной работы не затронуть и не нейтрализовать субъективные причины, которые привели или могут привести конкретного человека к совершению преступления, вероятность таких действий, в том числе рецидива, остается высокой²¹. Построение типологии осужденных должно служить цели их исправления, т.е. иметь сугубо

¹⁹ См.: Морозов Б. П. Особенности реформирования системы исполнения наказаний в виде лишения свободы на современном этапе. Новосибирск, 2013. С. 61.

²⁰ См.: Непомнящая Т. В., Степашин В. М. Проблемы назначения наказания. Омск, 2011. С. 368—369.

²¹ См.: Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 301.

практическую направленность. Оно должно отвечать решению задач специального и общего предупреждения.

Как нам представляется, всех осужденных к лишению свободы при наличии признаков множественности преступлений следует классифицировать на две большие группы: осужденные впервые и осужденные повторно. Классификация преступников внутри этих групп может быть построена по различным основаниям, среди которых следует выделить: социологические (пол, возраст, уровень образования, род занятий, наличие специальности, место жительства и др.) и правовые (характер, степень тяжести совершенных преступлений, форма множественности, длительность преступной деятельности, объект преступных посягательств, форма вины и т.д.). Раздельное содержание осужденных по признакам пола и возраста не подвергается сомнению, а дополнительные характеристики могут способствовать более дробному делению их внутри исправительного учреждения для организации, например, труда осужденных, обучения, занятости и т.д. Другим критерием распределения осужденных является степень общественной опасности личности, что выражается в том, что осужденные впервые к лишению свободы содержатся отдельно от осужденных, ранее отбывавших это наказание (ст. 80 УИК РФ). Но такого упрощенного подхода к оценке опасности личности осужденного явно недостаточно. Например, осужденный впервые к лишению свободы за совершение одного убийства отбывает наказание в тех же условиях, что и осужденный впервые серийный убийца. На наш взгляд, внутри каждого исправительного учреждения изолировано друг от друга должны содержаться осужденные впервые за единичное преступление и осужденные впервые за множественность преступлений. Кроме того, всех осужденных при множественности преступлений целесообразно распределять внутри исправительного учреждения в зависимости от типологии преступников. В теоретическом отношении типология по сравнению с классификацией представляет собой более высокий уровень познания, она опирается на выявление сходства и различия изучаемых объектов, стремится отобразить их строение, выявить их закономерности²². В отечественной криминологии имеется большой опыт создания типологий преступников по полу, возрасту, по мотивам совершения преступления, по характеру преступной направленности и т.д.

Наиболее универсальной представляется типология по степени общественной опасности, предложенная рядом ученых²³. В основу названной типологии положен признак отношения преступника к человеческой жизни, но нами она дополнена и иными признаками, позволяющими осужденных за множественность преступлений отнести к тому или иному типу. В соответствии с этим выделим следующие типы: а) «абсолютно опасные» — совершающие серийные убийства, в том числе наемные и сексуальные, также убийства нескольких человек одновременно либо разновременно, как правило, общеопасным способом или с особой жестокостью, а также в ходе совершения террористического акта, экстремистской деятельности; б) «особо опасные» — совершающие убийства, как правило, в конфликтной ситуации, иные тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, посягающие на жизнь и здоровье человека, а также длительное время совершающие корыстные (с причинением большого материального ущерба) и корыстно-насильственные преступления. Сюда же следует отнести лидеров организованных преступных групп и сообществ; в) «опасные» — совершающие преступления против личности, относящиеся к категории средней тяжести или преступления против собственности, нарушающие общественный порядок и т.д., но не посягающие на жизнь; г) «представляющие незначительную опасность» — остальные преступники, в первую очередь те, которые совершили преступления по неосторожности, или умышленные преступления небольшой или средней тяжести, либо в силу неблагоприятного стечения личных обстоятельств и т.д.

Данная типология не носит исчерпывающий характер, а является ориентирующей, прежде всего для сотрудников исправительных учреждений, на выбор средств и методов исправительного воздействия на осужденных при отбывании ими наказания в виде лишения свободы.

Необходимо уже сегодня к решению вопросов о направлении осужденных в то или иное учреждение, распределении их по отрядам, бригадам, жилым помещениям, камерам привлекать психологов, педагогов, социальных работников. Подобный подход к содержанию осужденных способствует созданию необходимых условий для дифференцированного оказания исправительного воздействия на осужденных, относящихся к разным группам, педагогической и психологической работы с ними.

²² Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 144.

²³ Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 149.

Библиография:

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004.
2. Бабаян С. Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 2.
3. Березиков С. В. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо изменять // Законность. — 2009. — № 6.
4. Возжанникова И. Г. Рецидив как вид множественности преступлений. — М. : Контракт, 2014.
5. Маликов Б. З., Пленкин Ю. В. Изоляция осужденных к лишению свободы: проблемы правового выражения и реализации. — Самара, 2005.
6. Морозов Б. П. Особенности реформирования системы исполнения наказаний в виде лишения свободы на современном этапе. — Новосибирск, 2013.
7. Непомнящая Т. В., Степашин В. М. Проблемы назначения наказания. — Омск, 2011.
8. Третьяков И. Е. Условия отбывания наказания в колониях-поселениях с усиленным наблюдением (гипотеза) // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 3 (6).
9. Южанин В. Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2010. — № 28.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2014 г.

TYPE OF CORRECTIONAL INSTITUTION AND CONDITIONS FOR SERVING TERM IN THE CORRECTIONAL INSTITUTION FOR MULTIPLE CRIMES

Korotkih, Natalya Nikolaevna – PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Federal University.

[natkorot@mail.ru]

690000, Russia, g. Vladivostok, o. Russkiy, DVFU campus.

Scientific results are obtained within the framework of implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Assignment N. № 29.763.2014/K.

Review: *Liberalization of criminal legislation causes choice of punishments without deprivation of freedom for most criminals. At the same time, the prisons have concentrated populations of persons guilty for grave and especially grave crimes serving their sentences for multiple crimes for the second time or more than that and for repeated offences. Such convicts need to be classified more precisely, when the type of correctional institution and the conditions for serving prison term are chosen for them. The article contains analysis of the provisions of the criminal and penal law regarding classification of convicts guilty of multiple crimes in various forms based upon the types of correctional institutions. The author reveals gaps and contradictions in the legal provisions regulating these relations. The imperfections of the legal definition of the types of repeated crime as provided for in Art. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation causes problems in the application of Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the type of correctional institution. In the opinion of the author, the criteria for the choice of type of correctional institution based solely upon the external characteristics (gender, age, category of crimes, repeated crimes) are insufficient for the achievement of a desired result of penitentiary influence, which is correction of convicts and prevention of new crimes. The author pays attention to the fact that the categorization of convicts at the time when they serve punishments also involves legislative problems, since the measures stimulating positive behavior of convicts are not fully implemented. This matter is due to the absence of legal specific criteria for the per-*

sonality evaluation of convicts at the time when they serve punishment. Having analyzed various viewpoints, the author proposes a typology of convicts, which should allow for the orientation of the staff of the penal institutions, assisting them in choice of means and methods of correctional influence upon the convicts serving their terms in penal institutions.

Keywords: *correctional institution, deprivation of freedom, multiple crimes, repeated crimes, cumulative crimes, multiple judgments, conditions for serving punishment, assignment of convicts, classification of convicts.*

Bibliography:

1. Antonyan, Y.M., Kudryavtsev, V.N., Eminov, V.E. Personality of a criminal. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2004.
2. Babayan, S.L. Improvement of the legal regulation of the institution of the improvement of the punishment service conditions and type of correctional facility. // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2012. – N. 2.
3. Berezikov, S.V. Punishment service conditions in correctional institutions need to be changed. // Zakonnost. – 2009. – N. 6.
4. Vozzhannikova, I.G. Repeated crime as a type of multiple crimes. M.: Kontrakt, 2014.
5. Malikov, B.Z., Plenkin, Y.V. Isolation of the convicts serving term in correctional institutions: problems of legal expression and implementation. Samara, 2005.
6. Morozov, B.P. Specificities of the current period of the penal system reform regarding deprivation of freedom as a punishment. Novosibirsk, 2013.
7. Nepomnyashchaya, T.V., Stepashin, V.M. Problems of assigning punishment. Omsk, 2011.
8. Tretyakov, I.E. Conditions for serving punishment in the correctional settlements with enforced supervision (hypothesis). // Vektor nauki TGU. – 2011. – N. 3(6).
9. Yuzhanin, V.E. Specificities of the mechanism for the implementation of deprivation of freedom as a punishment. // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im.S.A.Esenina. – 2010. – N. 28.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Ю. М. Антонян*

ТОТАЛИТАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Аннотация. Впервые в криминологии представлена тоталитарная преступность в качестве самостоятельного вида преступности. Показаны ее особенности, отличительные черты, подчеркнута неразрывная связь с большевизмом, фашизмом и нацизмом, в целом с тоталитарными политическими режимами. Тоталитарную преступность составляют преступления тоталитарного государства против своих противников, подлинных или мнимых, всех, кого оно посчитает опасными и просто ненужными: геноцид, терроризм, агрессивные войны, захват чужих территорий, внесудебные расправы, в том числе убийства и погромы и любые другие преступления, совершаемые государством, за них такое государство не устанавливает никакой ответственности.

Понять тоталитарную преступность вне названной связи невозможно, тем более что тоталитарный государственный строй сам по себе преступен. Поэтому даны основные характеристики тоталитарного государства. Его преступления представлены на примере архетипов «Великая мать», «Чужой» и «Враг». Само возникновение такого государства объяснено тем, что в коллективном бессознательном общества сохраняется многовековой и древнейший, в том числе негативный, опыт, который неожиданно возникает из глубин истории, когда люди, массы, общество не могут выносить (по разным причинам) новые условия жизни и восстанут против него. Для них это новое содержит в себе неизвестность, какую-то опасность, что-то, неизведанное раньше. По такой причине масса (толпа) становится одним из главных действующих персонажей в тоталитарном обществе, что мы явственно видели, например, в Германии, СССР, Италии.

Ключевые слова: тоталитарная преступность; тоталитарное государство; преступный режим; коллективное бессознательное; бессознательный коллективный опыт; личностное бессознательное; архетип «Великая мать»; архетип «Чужой»; архетип «Враг»; вождь (фюрер); толпа (масса).

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.032-049

© Антонян Ю. М., 2015

* Антонян Юрий Миранович — доктор юридических наук, профессор Московского государственного областного университета, заслуженный деятель науки России.

[antonuua@yandex.ru]

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.

1

Развитие науки криминологии всегда состояло в исследовании новых сфер действительности, входящих в круг ее интересов. Так сформировались новые области криминологического познания: преступность несовершеннолетних, рецидивная, экономическая, «уличная», семейно-бытовая и т.д. Этот процесс будет продолжаться и, конечно, усложняться за счет дробления этих видов, поиска и нахождения новых подходов к их объяснению, новых методов исследования. Научное овладение криминологией новыми областями жизни, равно как и появление в ней новых частных научных теорий, — все это говорит о ее движении вперед, ее потенциале и возможностях.

Сейчас возникла необходимость выделения нового вида преступности — тоталитарного. То, что совершались и совершаются множество тоталитарных преступлений уже давно не новость. Материалы международных процессов, особенно Нюрнбергского 1945—1946 гг., работы В. Н. Кудрявцева¹, Ю. И. Стецовского² и некоторых других уже давно убедили нас, что тоталитарные преступления — грозная реальность для XX—XXI вв., хотя, конечно, и раньше совершались преступления, которые можно назвать тоталитарными, — злодеяния правящей верхушки, расправы с оппозицией и противниками режима, преступления против личности, правосудия, нравственности, военные и т.д. К ним в современной истории добавились преступления против мира и безопасности человечества.

Но прежде всего скажем о том, что следует понимать под тоталитарной преступностью. Ее образуют любые преступления тоталитарного государства, в том числе геноцид, захват других стран, ведение агрессивных войн, убийства мирного населения, военнопленных и любые иные преступления, совершенные именно таким государством. При этом виновные не несут за это никакой ответственности. Верхушку подобного режима обычно возглавляют диктаторы, которых в современной истории идеологи режима и толпа (масса) называют вождями. Наряду с тоталитарными преступлениями совершаются и, так сказать, обычные, которые наказываются в обычном же порядке, т.е. по законам данной страны. Можно сказать, что тоталитарные преступления совершаются только тоталитарными режимами для сохранения своего политического господства, чаще всего идеологии этих режимов, на которых зиждется их господство. Тоталитарные преступления

всегда направлены против противников чело-веконенавистнического режима, его врагов, подлинных или мнимых, а также всех тех, кого считают лишними (ими были, например, цыгане в фашистской Германии), или просто опасными в будущем. Вот почему нельзя объяснить тоталитарную преступность без ее теснейшего переплетения с тоталитарным государством.

Что представляет собой такое образование? Это — бессрочный захват власти самой реакционной группой, которая, чтобы получить безграничную и неподконтрольную никому власть, уничтожает все проявления демократии: свободные всеобщие выборы, верховенство закона и общечеловеческой морали, независимость суда, контроль со стороны парламента, свободу средств массовой информации, максимальный учет интересов меньшинства и т.д. Господство одной идеологии — закон тоталитаризма. Получив всю полноту власти — законодательную, исполнительную и судебную, тоталитарные правители совершают любые преступления, о чем говорилось выше, и всегда безнаказанно, а масштабы их злодеяний потрясают: достаточно вспомнить Освенцим, Дахау, Майданек, Бухенвальд, советские концлагеря, расстрелы «врагов», преступления китайских и кхмерских коммунистов и т.д. Итак, тоталитарная преступность включает в себя любые преступления, совершаемые руководящей кликой тоталитарного государства. Тоталитаризм — это самый кровавый деспотизм.

Возможность творить зло в любых масштабах и безнаказанность высвобождают самые низменные побуждения и грязные инстинкты. Садисты и некрофилы получают безграничные просторы убивать, грабить, уничтожать; они вымещают накопившуюся у них злобу и ненависть, компенсируют прошлые неудачи и провалы, а поэтому яростно поддерживают строй, который снабдил их всем этим.

Кто же стоял во главе фашистских режимов?

Гитлер с его нелепыми усиками-сопливчиками и произвольным выделением газов, которого один из современников назвал типичным обер-кельнером, предатель Родины Ленин, карикатурный претендент на Наполеоны Троцкий, Сталин с внешностью провинциально-управдома, бывший куровод Гиммлер с плоской физиономией уличного филера, усохший ариец, колченогий Геббельс по кличке Сморчок, наркоман Геринг, гомосексуалист Рем, садист и алкоголик Ежов, сексуальный маньяк Берия, трус и фанфарон Муссолини и другие вырвавшиеся из преисподней садонекрофилы, в неистовой шутовской пляске топтали цивилизацию. Кукольные и грозные, примитивные и гениальные во зле, одномерные злобные недоучки,

¹ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2002.

² Стецовский Ю. И. История советских репрессий : в 2 т. М., 1997.

горящие ненавистью и видящие путь человека лишь как звериную тропу, они в иных обстоятельствах могли бы остаться незамеченными. По-видимому, история (или природа), как всегда ироничная и злобная, чтобы показать людям, как они ничтожны, даже в палачи определяла им козлоногих сатиров.

Обычно сопоставляют Гитлера и Сталина, такое сопоставление необходимо и верно, в первую очередь, в плане реализации тем и другим ужасающих методов их господства. Однако не Сталин создал строй, который предоставил в его распоряжение все условия для массового уничтожения людей и современной культуры. Этот строй возник благодаря Ленину, как и фашизм в Германии — благодаря Гитлеру. В данном аспекте имена — Ленин-Гитлер — должны быть поставлены рядом, да еще и по причине фанатической охваченности и непоколебимой веры того и другого в свою правоту.

Тоталитарные деспоты — это государственные уголовники, которые старались навязать свои низкопробные ценности всей цивилизации, их мораль — это мораль уголовников, которая, по словам А. Камю, представляет собой бесконечное чередование побед, завершающихся мстостью, и поражений, порождающих отчаяние и злобу. Им нужно, чтобы бесчисленным жертвам была бы прилеплена хоть какая-то вина, что должно было послужить не только самооправданием, но и толкало на новые убийства и разрушения. Поэтому можно сказать, что Ленин, Гитлер и Сталин были поглощены идеей безостановочного движения вперед, для чего создавали учения о разрушении, которые не имели прецедентов в истории. Они не оставили после себя ничего положительного, став олицетворением сил истребления и самоистребления.

Тоталитарная преступность — самая страшная, самая опасная из всех видов преступности, что определяет потребность еще раз тщательно исследовать причины этого явления. Прежде всего, отметим, что тоталитарная преступность теснейшим образом связана с тоталитаризмом, фашизмом, переплетается с ними, поэтому только поняв природу и причины, истоки формирования тоталитаризма, можно объяснить причины совершаемых им преступлений. Проблемам тоталитаризма посвящено множество работ, природа причины тоталитарных преступлений не привлекали такого внимания.

Так, К. Бассиюни считает, что исходной точкой фашизма является немецкое воспитание. «Безумное стремление к разрушению в Третьем рейхе больше не остается для нас необъяснимым, если мы поймем, что роковые последствия для жизни взрослого человека имеет террор раннего кондиционирования,

приучение к чистоте, воспитание послушания, в первые годы жизни путем бездушного принуждения, применения силы и телесных наказаний. Потому что такое воспитание означает насильственное подавление потребности человека к автономии... порождает архаическую борьбу между силой бессилием, которая, будучи вытеснена в бессознательное, уже оттуда ищет новые «поля сражений»³.

По мнению В. Райха, мелкая и средняя буржуазия были главной опорой свастики. Национал-социализм был мелкобуржуазным движением, и таким он был везде, где бы ни появлялся, будь то в Италии, Венгрии, Аргентине или Норвегии. В. Райх особо отмечал ведущую роль масс в формировании и развитии фашизма⁴.

Чтобы понять природу и причины тоталитарной преступности, в первую очередь надо объяснить природу и происхождение самого тоталитаризма (фашизма). Думается, что это можно сделать с помощью теории коллективного бессознательного, открытого К.-Г. Юнгом. О том, что представляет собой коллективное бессознательное, высказаны самые разные суждения, но в первую очередь надо ориентироваться на то, что говорил сам К.-Г. Юнг. Он считал, что коллективное бессознательное входит в психику человека, причем его часть никогда не может быть познана человеком: эту точку зрения К.-Г. Юнга достаточно четко изложил его соавтор И. Якоби⁵. Личностное бессознательное, открытое и исследованное З. Фрейдом, К.-Г. Юнг называл поверхностным слоем⁶, с чем трудно согласиться — это «просто» другой слой психики. Если личностное бессознательное приобретает человеком в течение его жизни, а его появление запрограммировано самой человеческой природой, то коллективное присваивается с помощью архетипов.

По поводу архетипов у К.-Г. Юнга и многих юнгианцев нет единого мнения о том, передаются ли они генетическим путем или присваиваются человеком в ходе социального общения. Я сторонник второй точки зрения, но считаю, что способность их присваивать (осваивать) в основном генетического происхождения, как функция мозга, но некоторые (например отношение новорожденного к матери) врожденного свойства.

Архетип, по К.-Г. Юнгу, представляет собой некий объединяющий первообраз, в котором находят свое место все относящиеся к нему ипостаси, аспекты, явления, причем эти отношения определяет сам человек. Например, отцом он

³ Бассиюни К. Воспитание народоубийц. СПб., 1999. С. 5.

⁴ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. Аналогичные мысли см.: Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.

⁵ Якоби И. Психологическое учение К.-Г. Юнга // Карл Густав Юнг: дух и жизнь. М., 1996.

⁶ Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 97.

может считать и действительного отца, и своего бога, своего верховного земного владыку. Архетипы — это своеобразные единицы бессознательного.

Нередко архетипы сводят к религиозным образам. Между тем архетипы несравненно более устойчивы, богаче и глубже религиозных мифологических образов; более того, они вечны. Такая их особенность позволяет лучше понять не только их самих, но и те их проявления, которые наиболее ярко представлены в религиях. Из этого следует, что не религия первична, а именно архетипы. Они представлены в религиях, а не наоборот, причем религия не является единственной сферой их презентации, есть и другие, в том числе обыденная жизнь. В архетипах заключены человеческие влечения, потребности и надежды, архетипы затем передают их религиям как сокровенные области творчества.

Очень важной задачей является проведение более четких границ между индивидуальным и коллективным бессознательным, выявление их сходства и различий, их роли в формировании архетипов. Сами архетипы нуждаются в дальнейших исследованиях, в том числе в целях более четкого уяснения механизмов их возникновения и развития, взаимодействия друг с другом, соотношения с мифами, легендами, сказками, символами. Коллективное бессознательное не может быть познано с достаточной глубиной без акцентуации исследовательского внимания на архетипах.

Изложенный в данной работе подход к соотношению религиозных образов и архетипов (первые являются формой проявления вторых) отнюдь не ориентирован на снижение значимости религиозных образов и религии в целом. Однако следует отметить, что архетипы, по моему мнению, существовали и тогда, когда не было религии в современном понимании, а были примитивные верования и магические представления. Путь архетипов начинался тогда. Одним из источников таких верований были архетипические представления. И в годы господства первобытных верований существовало, конечно, коллективное бессознательное как невоспоминаемый опыт предыдущих поколений, который затем передавался тем, кто шел им на смену. Считаю необходимым подчеркнуть этот момент, поскольку архетипы не могут возникнуть без коллективного бессознательного, являясь его единицами или стержнями. В каждом из них концентрируется невоспоминаемый коллективный опыт.

Каждая новая эпоха, особенно если она выделяется своей значимостью, создает непреходящий запас такого опыта — как положительного, так и отрицательного. Последний является, в сущности, коллективной Тенью, и именно от ее

масштабов, от того, насколько она поразила общество, зависят границы и глубина производимых Тенью опустошений. Тень — тоже архетип.

Границы нашего мира являются и границами наших архетипов. Но в то же время не все, что происходит с людьми, не все, что они делают, не все, что происходит в мировой истории, может быть объяснено с архетипических позиций. Есть и другие стимулы, причины, смыслы. Познание механизмов возникновения и функционирования архетипов — одна из актуальных исследовательских проблем.

Коллективное бессознательное является ключом к пониманию всей архетипической психологии, исходной позицией для познания ее природы и функций. Открытие коллективного бессознательного, формирование Юнгом основ этой концепции имеет свою логику, является как бы продолжением теории индивидуального бессознательного по вполне понятной схеме: если индивидуальная психика имеет свое бессознательное, то и коллективная тоже должна иметь таковое. Не случайно название соответствующей теории Юнга практически повторяет название учения З. Фрейда: психоанализ — аналитическая психология.

Историческая заслуга в науке Фрейда и Юнга состоит в том, что они первыми проникли в глубины личности, хотя такие попытки предпринимались еще в древности. Эти ученые доказали, что люди, включая их самих, могут быть одновременно западными, т.е. современными, и примитивными, архаичными, что и те и другие пронизаны мифами, магией и мистикой, что жизнь и индивида, и общества часто управляется сферами, лежащими вне сознания. Юнг никогда не отделял человека от социальных условий его существования, всегда отдавал должное истории и культуре.

Понятие коллективного бессознательного впервые сформулировано и введено в науку Юнгом. Поэтому любые суждения в этой области не могут не быть связаны с его трудами, оказавшими огромное влияние на все гуманитарное знание человечества.

2

Архетипов множество и некоторые из них сыграли весьма существенную роль в становлении большевизма и фашизма. Я имею в виду, например, архетип «Великой Матери». Этот архетип возник на заре человечества и перешел от животного мира, он стал формироваться с развитием личности и постепенно приобрел самостоятельное значение как один из важнейших символов и стимулов. Не думаю, что пройденный в его создании путь от действительной, родной матери через род, племя, религию и т.д. к земле и природе можно разделить на какие-

то этапы. Скорее всего, названные различные уровни отношений и их символизация протекали одновременно, при этом постоянно вносились изменения и коррективы, но в целом архетип «Великой Матери» остается непоколебимым. Он активно питает и сегодняшнюю жизнь.

Чрезмерная симбиотическая связь с родом, расой, иной социальной группой или религией столь же опасны, как и подобная связь с реальной матерью. И в этом случае жесткая привязанность лишает человека свободы, делает его глухим и слепым, препятствует его развитию, являясь мощным источником национализма, расизма, шовинизма, религиозной и политической нетерпимости, всякого рода фанатизма, хотя и прикрываемого звонкими фразами и внешне привлекательной символикой. Логика жесткой зависимости человека от «объединенной» Матери такова, что он отнюдь не стремится сбросить сковывающие его симбиотические путы, а, напротив, стремится к укреплению контактов с ней, к еще более полному вхождению в ее лоно. Если он поступит иначе (а это была бы уже иная, другая личность), то останется одиноким, беззащитным, предоставленным лишь своим слабым силам, что означает значительное повышение тревожности, даже до уровня страха смерти. Такой же страх выступает в качестве одного из самых мощных стимулов поведения, деструктивного в том числе.

С этих позиций ясно, что группировка или партия политических или религиозных единомышленников, неистовых и бескомпромиссных, «пламенных» патриотов или фанатичных националистов состоит, собственно, из одиноких и психологически слабых людей, которые могут чувствовать себя сильными только в обнимку с другими, только в общем реве, только в толпе. Они от этого не менее опасны, поскольку неосознаваемая ими угроза остаться один на один с окружающим миром и с самим собой делает их особенно агрессивными. Межнациональные распри в республиках бывшего СССР своими глубинными корнями уходят в бездну «Великой Матери», которая оставила без Отца своих несчастных детей.

Вместе с тем архетип «Великой Матери» играет исключительную роль в формировании патриотизма и любви к родине. Эта любовь имеет, как известно, исторические, экономические и другие обоснования. Данное чувство возникло еще в глубокой древности и по той причине, что на своей земле человек ощущал себя психологически и физически наиболее защищенным. Такое ощущение в те седые годы возникло прежде всего потому, что на территории клана (рода, племени) его охраняли духи предков, которые были бессильны это сделать в других местах.

Первобытные люди относили этих духов к числу наиболее могущественных сил, от которых зависели их благосостояние и сама жизнь.

Французский этнограф и психолог Л. Леви-Брюль в своем исследовании первобытной мифологии и мифическом мире австралийцев и папуасов писал, что связь между личностью и ее страной не является географической или случайной: это жизненная, духовная и священная связь. Своя страна — это одновременно и символ и средство общения по отношению к невидимому и могущественному миру предков и сил, от которых исходит жизнь людей и природы. Поэтому удалить туземца от его тотемических центров — это не просто изгнать его или поставить в неблагоприятные условия. Это означает буквально лишить его возможности жить. Когда их уводят с земли предков, в новой обстановке они не только не имеют больше весьма специализированного знания ресурсов данной страны, но, что еще важнее, они сразу оказываются лишенными того, что ценнее всего, на их взгляд, — их религиозной и церемониальной жизни. Верования и обряды туземцев всегда имеют тенденцию локализоваться, сосредотачиваться в районе деятельности их предков, вокруг определенных деревьев, определенных камней, определенных источников воды в тех местах, где обитали духовные существа или сверхъестественные силы, от которых, по представлению туземца, зависит поддержка и защита. Отнимите у туземца территорию его племени, и он лишается возможности соблюдать большую часть своих церемоний. Он чахнет от горя⁷.

Весьма велико значение этого архетипа в становлении и господстве фашизма и большевизма. Образы Великой Германии и советской Родины-Матери были предназначены для того, чтобы люди клали на их алтарь все, даже свою совесть и жизнь. Для этого тоталитарный режим очень ловко и почти незаметно совершает подлог: родина заменяется государством, господствующей властью, что далеко не одно и то же. Это режиму чрезвычайно выгодно, потому что формируется жертвенное отношение населения к нему, полное ему подчинение, он ведь выступает в тоге главного хранителя и выразителя интересов родины. В голове законопослушного обывателя, который обычно не способен отделить государство от родины, создается четкий стереотип: все, что делается для государства, делается для родины, напротив, любой вред, причиняемый власти, всегда наносит ущерб родине. Отсюда такая активность в изобличении врагов народа, многотысячные толпы людей, требующих их крови, искреннее возмущение в отношении «предателей» родины и т.д.

⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 48.

3

Обратимся к другой очень яркой архетипической фигуре — к «чужому». «Чужой» — это прообраз, который сопровождает человечество с доисторических времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными мистическими силами, его следовало опасаться, как и убийц, воинов, убивших врагов, женщин во время менструаций, женщин после родов, лиц, находящихся в трауре, и т.д. «Чужой» выступал в качестве некоего психологического представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех самых пор он неотвязно преследует людей в разных формах и разных ситуациях, но всегда олицетворяя собой угрозу, разрушение и даже смерть. Очень возможно, что на заре развития человеческой психики «чужой» был совершенно необходим: он заставлял думать и переживать.

Чужой — это человек другой страны, другого рода, нации, языка, религии, иных убеждений, обычаев и традиций. Одним словом, чужой — это представитель другой культуры.

Для древних людей, как и для многих современных, своя территория воспринималась (и воспринимается!) не просто как ландшафт, дома, улицы, люди «моей» культуры и т.д., но и как нечто, хранящее духовные ценности, символы и смыслы, без которых существование немислимо. Человек здесь ощущает свое как бы мистическое слияние со своей землей. Как справедливо отмечает Т.В. Евгеньева, в условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. При этом на первом этапе кризиса вперед выходят наиболее очевидные этнические и этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже они дополняются и идентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта («Мы») и возникает мистическое единство общности с территорией⁸.

«Чужой» существует потому, что есть свой, свои, «мы». Принадлежность к «мы», т.е. к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции. Ощущение принадлежности к ней в индивидуальном и групповом сознании обычно пребывает в латентном состоянии, но в кризисные периоды активизируется. Виртуальные «мы» и «чужие» есть реальная

жизнь людей, многие из которых теряют самоидентичность из-за экзистенциального слияния с группой, ее символами и мифами, мифологизированными представлениями о времени, обществе, истории и т.д.

Архетип чужого и порождаемая им ксенофобия — не исключение из правил, а всеобщая закономерность. История религий, культур, отдельных стран, войн — это история разделения на своих и чужих, это не только постоянный страх перед чужим, но и неугасающая убежденность в том, что он хуже, чем «мы» (он коварный, глупый, бездарный, трусливый и т.д.), то, чем он владеет, не должно, по справедливости, принадлежать ему, он завладел им с помощью обмана или грубой силой, по недоразумению или невероятному стечению обстоятельств. Владения чужого вызывали зависть и ревность, а иногда страх и ощущение опасности.

Чужое — это система таинственных и непонятных, а потому пугающих знаков, это система мифов, обычаев и традиций, в корне отличающихся от «нашей» в первую очередь тем, что они представляют собой сплошную череду нелепостей. Ксенофобические же установки передаются не только страхами перед другими, но и леностью, вялостью ума, интеллектуальной и эмоциональной ограниченностью людей, не желающих выходить за пределы привычных стандартов и коллективистских норм, которые представляют собой пережитки общинной психологии. Поэтому можно утверждать, что ксенофобия является мощным источником идеологии и психологии толпы, т.е. массового сознания, этого главного хранителя архетипа чужого. Вместе с тем названные стандарты и нормы являются фактором, обеспечивающим цельность, единство со своей средой, что всегда остро необходимо человеку толпы. Он с радостью отдает этому единству самого себя, в том числе и свою свободу, лишь бы избавиться от невыносимой ноши самостоятельного принятия решений и ответственности.

С. Московичи писал, что толпа, масса — это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку. Ослабляется социальная иерархия. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от исступленного восторга до мученичества. В цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования, как и чувство Я⁹.

Как и каждому животному, толпе нужна добыча, и таковой очень часто становится чу-

⁸ Евгеньева Т. Н. Культурно-психологические основания образа «другого» в современной России // «Чужие здесь». Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. Т. II. С. 47.

⁹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 28.

жой, выделяемый по любому признаку его непохожести на толпу и ее человеческих единиц: расовому, политическому, национальному, религиозному, сексуальной ориентации и т.д. Толпу невозможно убедить, что чужой ни в чем не виноват, поскольку она в этом не нуждается, ей нужны не доказательства, а жертва. Она заранее уверена, что жертва виновна, потому что она есть воплощение архетипа чужого. При этом правильное понимание психологии толпы предполагает, что ее члены отнюдь не только те, которые находятся в данный момент среди множества других таких же во время, например, демонстрации, собрания, шествия, погрома и т.д. Носителями ее идеологии и психологии являются все, кто принадлежит ей и в своей повседневной жизни, кто даже в одиночку будет думать и действовать как действительные ее члены, т.е. не по законам разума. Гитлер и Сталин всегда опирались на толпу.

Точно так же идеология и психология толпы не существуют только в тот момент, когда она во множестве собрана и мобилизована на что-то. Страна, в которой жизненно важные вопросы решаются не демократическим путем, а опираясь на толпу, провоцируя ее, скорее всего, находится в глубоком кризисе со всеми соответствующими последствиями.

Из-за неспособности думать толпа проецирует извне свои образы-идеи. Она принимает за реальные факты то, что на самом деле является продуктом ее желаний и фантазий, слухов и внушений. Толпа очень легко может уверить себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной социальной или религиозной группы, она приписывает ей ритуальные убийства, обманы, изнасилования и другие преступления, раздувает слухи и пускается в погромы и убийства. Если власть, опирающаяся на толпу, принимает недемократические или антигуманные решения, то она уверена в их поддержке толпой. Толпа безразлична к противоречиям, поэтому может принять и смешать идеи, которые никак не вяжутся друг с другом: шовинистические, националистические и социалистические, идеи братства и ненависти и т.д. Нечувствительность к явным противоречиям, как и у древних людей, объясняет тот факт, что масса завтра может поклоняться тому, что отрицала вчера.

Игнорирование толпой явных противоречий, нежелание искать объяснение явлений и, напротив, желание видеть причины бед в чужих, их кознях и вероломстве, склонность к принятию простейших решений и использованию грубой силы и т.п. дают определенные основания полагать, что психология толпы является хранителем архаического психологического материала. В этом аспекте следует признать

закономерным, что в объятия толпы сравнительно редко попадают люди с высокой культурой и образованием, разве лишь в качестве вождей и других лидеров; она обычно состоит из тех, кого раньше метко называли простонародьем. Гитлер был точен, когда утверждал следующее: «Искусство пропаганды состоит в том, чтобы, примеряясь к уровню понимания тех слоев, среди которых работает воображение, слоев высоких масс, ведомых инстинктом, пропаганда в надлежащей психологической форме находила пути к их сердцу». Он превозносит использование образа во всех его формах, поскольку благодаря этому человеку приходится еще меньше напрягать свой рассудок.

Человек в ходе социализации обретает сознание, но в нем в разной степени присутствует человек прошлого, мало сопоставимый с тем длительным филогенетическим периодом, в ходе которого мы сформировались и результатом которого мы являемся. В толпе, отключая сознание и существуя на уровне воображения, фантазии и инстинктов, человек совершает обратный путь к своему более чем далекому предку.

Особое отношение к чужому заложено в человеческой природе: именно по этой причине маленькие дети боятся новых лиц. Но имеющиеся наблюдения показывают, что если ребенок ощущает эмоциональную близость с матерью, ее защиту, его страхи перед чужими встречаются реже и они не столь глубоки и длительны. Детские страхи перед чужими людьми — это диффузное, спонтанное, имманентное предчувствие опасности, это восприятие нарушения кем-то границ знакомого и уже пока еще скрытая возможность предвидения будущего на фоне несформировавшегося Я.

У ребенка в таких ситуациях начинает расширяться горизонт, он постепенно будет понимать, что мир состоит не только из мамы, папы, бабушки и т.д. В этот период очень велика роль матери как связующего звена между ребенком и окружающим миром. Она путем своего эмоционального и телесного общения с сыном или дочерью должна дать им понять, что они могут доверять ей и миру, а также самому себе. Только нравственно и психически здоровая семья может обеспечить ребенку через его мать уверенность в том, что внешний мир не состоит из одних опасностей, что он составляет единое целое с ним.

Возникающий таким образом онтологический источник веры и надежды Э. Эриксон назвал первичным ощущением доверия. Это основная цельность, поскольку она подразумевает, что внутренний и внешний мир могут восприниматься взаимосвязано и как благо. Тогда первичное недоверие и страх — это совокупность различных переживаний, несбаланси-

рованных процессом интеграции. Можно полагать, что появившаяся на этом этапе из-за чужого вражда, отрицание, страх потери удовольствия и состояния нервно-психического напряжения при дальнейшем неблагоприятном развитии жизни и воспитании закрепляется в глубинах психики и определяет установки и отношения уже взрослого человека, в том числе недоверие и неприязнь к чужим. Общественные институты, религия и церковь способны сформировать в человеке доверие и уважение к чужим, но очень часто именно они и определяют линию разрыва между своими и чужими, и само негативное содержание отношения к последнему. Особенно нетерпимые установки к чужим существуют в бедных, нуждающихся странах, строящих планы своего экономического и социального процветания; там свои беды обычно чужим и приписывают.

Очень важна традиция отношения к той или иной нации и религии, например, в России многие десятилетия на бытовом, а в советские годы и на государственном, уровне такой традицией был антисемитизм.

Чужой, конечно, не является единственной причиной страха. Та же религия может порождать и другие страхи, тревогу, опасения, например, по поводу конца света и Страшного суда, демонов, сатаны и т.д. Причем надо отметить, что сатана или дьявол являются частично архетипами чужого, но очень важно, что они выступают носителями зла, олицетворением его. В этом качестве они тоже архетипы. Впрочем, позже они несколько изменились, уже у М. Ю. Лермонтова демон приобрел романтический ореол бунтаря, постоянно ищущего персонажа.

Бог, этот великий архетип, создатель и покровитель всего на свете и, казалось бы, совсем не являющийся чужим, тоже может выступать причиной глубочайших страданий. Так, для Мартина Лютера не было страдания больше, чем неуверенность в своей судьбе в вечности; он не верил, что бог, столь страстно почитаемый им, обеспечит ему спасение. Это было связано не только с ощущением собственной греховности, но и с неуверенностью в боге, пожалуй, даже в большей степени. За всем этим стоит страх Лютера перед смертью, но не из-за мрака и неизвестности, с которой она может ассоциироваться, он, как глубоко верующий, боялся «сил адových», которые там могут настичь его.

Страх перед чужим может быть вполне оправдан, если, например, он испытывается перед врагом Родины. Этот страх наряду с другими не менее важными факторами будет лежать в основе осторожности, продуманности, предусмотрительности, выбора тактики и стратегии борьбы с ним.

Грань между своим и чужим может быть самой разной. Ее может олицетворять незнакомый человек или лицо, придерживающееся иных нравственных убеждений, представитель другой социальной, национальной, религиозной группы и, следовательно, культуры. Особенно кровавыми, как показывает вся история человечества, бывают идеологические границы, образующие политические или религиозные учения и догмы. Носители иных идеологических истин представляют особую опасность, поскольку они видят и воспринимают мир своими (естественно, «неверными») глазами, они верят в такие вещи и придерживаются таких духовных ценностей, которые неизменно являются «ложными» или в лучшем случае продуктом заблуждения. Чужие идеологические ориентиры опасны не только сами по себе, но и потому, что они создают собственную культуру, свои институты, этику и эстетику, систему отношений, особую ментальность, а также государственные и общественные учреждения и организации, их защищающие. Культура, созданная идеологией, особенно религиозной, очень долговечна, она способна охватывать века, поэтому ее влияние на общественное, групповое и индивидуальное сознание, на образ жизни, мироощущение людей чрезвычайно велико.

Этнорелигиозная и политико-идеологическая культуры, часто сливаясь, весьма экспансивны, в первую очередь те, которые сформулированы мировыми религиями. Они постоянно стремятся захватить другие ареалы, отнюдь не брезгуя при этом агрессией, а поэтому угрожают «нашим» кровным интересам. Человеку жизненно важно взаимодействие со своей средой, общение же с носителями иной культуры в ряде случаев может быть для него весьма травматичным, хотя оно и дает определенный опыт.

Порождением современной глобализации является появление новых линий размежевания между людьми. Эти линии идут теперь не столько по государственным границам, сколько по религиозным, которые стали размежеванием культур, в первую очередь христианской и исламской. Новые границы могут пролегать внутри одной и той же страны, одного и того же региона, вызывая нетерпимость и ненависть, а отсюда экстремизм и терроризм. Глобализация усилила ксенофобию во всем мире, поскольку ускорила миграцию, смешение рас, наций и религий, обычаев и традиций. Возникло поэтому взаимное непонимание, недоверие и неприязнь. Россия, которая никогда не отличалась толерантностью, испытала это в полной мере. У нас стихийная и плохо контролируемая миграция привела к тому, что мигранты плохо адаптируются в

новой среде, а среда отталкивает их от себя. Отсюда взаимная антипатия и вспышки агрессии.

Ксенофобическая психология опирается не на факты, а на проекции своих страхов и тревог, придает частному и единичному значение общего, подтасовывает факты и подвергает их предвзятым интерпретациям. Эта психология подвержена мистицизму, что особенно наглядно видно на примере гитлеровского нацизма, иррациональные смыслы которого маскировались штампованными фразами для толпы. Чужому могут приписываться даже магические, весьма губительные для других свойства, а также ориентация на достижение желаемого любыми средствами и любой ценой. Ксенофобическое сознание всегда нуждается в чужом, своем извечном враге, который постоянно плетет заговор, при этом враг — чужой — никогда не исследуется, он всегда подозревается, преследуется и разоблачается.

В массовом сознании противостояние «мы» и «чужие» часто дополняется верой в существование абсолютной правды. Ею обладает, конечно, только «наша» религия, нация, система, партия и т.д., убеждения и взгляды всех остальных — лишь заблуждения и ошибки, иногда злонамеренные. Эта вера определяет, в частности, мессианизм российской политической культуры и такое специфическое явление этой культуры, как соборность, отмечает Т. В. Евгеньева. Соборность как мистическое единство противостоит понятию демократии, но в соборности невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий из общности автоматически становится носителем ложных идей, частью враждебного «чужого». На мой взгляд, соборность тесно связана с общинной идеологией и психологией; более того, она скорее всего порождается ими, являясь характерной особенностью российского общества.

В какой бы культуре ни функционировали и ни развивались человеческая психика, сознание, рациональная деятельность — в традиционной, современной или постмодерновой, — везде и всюду пролегают более или менее заметные границы, водоразделы, стены, демаркации между «своим» и «чужим». Давно замечено, что сознание питает более весомый интерес к «чужому», нежели к «своему», ибо свое — знакомое, здешнее, обычное, тогда как чужое — колоритное, энigmatичное, загадочное, вызывающее страх и одновременно влечение. В значительной степени «чужой» как обладающий активным поведением агент чужого — представитель иной реальности, нагромождающейся и сочлененной в нем. В культуре на основании архетипической оппозиции «свое—чужое», структурирующей

бессознательное, возникла соответствующая категориальная оппозиция, сознательно осуществляющая рубрикацию мира — внешнюю и внутреннюю, пространственную и временную — и обнаруживающая в себе характер конституитивного параметра. Данное различие размыкало хаос и позволяло высвободить планы порядка. Для архаического человека, если прибегнуть к современной терминологии, свое — суть реальность, а чужое, хаос — суть виртуальность, отличающаяся неимоверной подвижностью, не позволяющей чему-либо стать в виде действительного¹⁰.

Криминологический интерес «чужой» представляет по той причине, что отношение к нему лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер, многих убийств и иных насильственных действий, субъективный смысл которых может заключаться в защите от другого. Архетип чужого мотивирует преступления ненависти на расовой, национальной, религиозной или социальной почве, число которых в России достаточно велико. Восприятие другого как чужого активно питает военные преступления против мирного населения и военнопленных, а также может объяснить жестокость в отношении представителей иных наций и религий, пренебрежительное отношение к их правам и интересам. Корыстные имущественные посяательства на них тоже способны быть следствием того, что они «чужие».

В условиях экономического и социального кризиса этот опаснейший «чужой» начинает заявлять о себе во весь голос. Гитлеровская Германия и большевистский СССР были окружены плотной стеной страшных и неумолимых врагов, которых, естественно, следовало уничтожать.

В СССР словосочетание «враг народа» многие годы было столь же обычным и привычным, как впоследствии «пятилетка качества» или «великие стройки коммунизма». Конечно, «врагом народа» мог быть только чужой, его влияние на общественную жизнь и даже развитие экономики, по представлению советской пропаганды, было огромным. Для германских нацистов чужими были евреи, цыгане, славяне, западные демократии.

Вообще очень просто и эффективно называть других причинами своих промахов и неудач, своей лени и безынициативности, своей необразованности и бестолковости. Поэтому если кто-то в чем-то нуждается, но не может удовлетворить свои потребности, то виноваты представители известной нации или религии, которые захватили все богатства в свои руки; если нет работы, то, разумеется, по той причине,

¹⁰ Шунгуров М. В. Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики. Саратов, 1999. С. 23.

что ее дают только приедем; если проигрывается сражение, то не потому, что бездарны военачальники и армия плохо вооружена, а из-за шпионов и предателей и т.д.

Таким образом, мы видим, что корни ксенофобии, убийств и иной жестокой агрессии тоталитарного геноцида на почве национальной, религиозной или социальной вражды и ненависти носят архетипический характер.

Чужими, как справедливо отмечает Э. Нойманн, могут быть незаурядные, исключительно талантливые, гениальные люди. Они тоже способны выступать объектом преследований и гонений, особенно если их политические установки и предпочтения противоречат существующей системе. Их травят именно по этой причине, особенно в тоталитарных обществах, которые вполне покровительствуют тем людям, которые воспевают его ценности. Другие же, имеющие собственное мнение, отвергаются режимом, преследуются маргинальными личностями.

Э. Нойманн прав, что история так называемых цивилизованных стран характеризуется принесением в жертву выдающихся личностей, хотя они являются проводниками той силы, под воздействием которой история движется вперед. Сократ, Иисус и Галилей принадлежат к бесконечному ряду таких людей. Все народы и все эпохи внесли свою лепту в ритуал принесения в жертву выдающихся личностей в качестве козла отпущения. И если в наши дни этот ритуал осуществляется не сознательно, а бессознательно, то вряд ли можно говорить о каком-то прогрессе¹¹.

В странах западной демократии идентификация происходит не по национальным, расовым или религиозным признакам, а по гражданству. Однако это не значит, что там не существует «чужой», выделяемый по тем же национальным, расовым или религиозным признакам, но такой чужой там гораздо менее заметен и конфликты на этой почве реже. Между тем «чужой» может быть определен и по социальным признакам, т.е. по своему месту в системе общественных отношений или по уровню материальной обеспеченности. Одним словом, «чужой» представляет собой вечную социально-психологическую категорию, так же как и «мы».

Угроза, олицетворяемая чужим, часто не имеет характера определенного ущерба, который будет нанесен. То, из-за чего человек тревожится, может быть совершенно неопределенным. Эта неопределенность не только оставляет нерешенным вопрос о том, какая именно внешнемировая сущность угрожает, но может свидетельствовать о том, что такая сущность вообще непонятна и незнакома.

¹¹ Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб., 1994. С. 54.

В последнем случае даже то, что имеется под рукой, может не помочь, лишь увеличивая уровень тревожности и приводя к панике и обрушению всей системы личностной защиты. Страх перед ... сразу становится страхом за ... «Чужой» подтверждает, что мир есть далеко не безопасное место и он непредсказуем. «Чужой» в то же время является способом познания себя и мира, открытия новых реальностей.

Однако было бы неверно думать, что тревожность и страх возникают исключительно в связи с появлением чужого. Они могут быть детерминированы самой природой человека и фактом существования человека в мире. Все это полностью относимо к обществу: оно тоже может опасаться чужого потому, что такова его природа и особенно — его актуальное состояние, тем более, если оно тревожное. Естественно, что «чужой» может изобретаться намеренно, например для расправы с кем-то.

Между тем далеко не все люди согласны с тем, чтобы жить в окружении только всего знакомого. Многим абсолютно необходимы выходы за пределы привычного бытия и контакты, даже столкновения с «чужим» — людьми, обычаями, ценностями, культурой, особенно если свое не дает ответа на самые важные и мучительные вопросы. Но это не значит, что они не испытывают страх и тревогу, в частности перед чужим. Эти эмоции совершенно необходимы социализированному человеку, равно как и животным, что дает им преимущества с точки зрения эволюции для защиты и выживания.

«Чужой» — это не чужой или посторонний. По А. Камю, это — не отчужденная личность, а человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить «наш» гомогенный мир, культуру, бытие. Как физическая фигура он вполне реален, а вот его опасность, олицетворяемая им угроза, — только виртуальны. Это его последнее качество, впрочем, тоже реально для воспринимающего, особенно если он отличается высокой тревожностью и мучим страхами. Для него данная виртуальная оппозиция всегда демонстрирует что-то чужое, непонятное, даже страшное, вызываемые импульсы и реакции зачастую оказываются ранее неизвестными для «Я». «Чужой» в ряде случаев может вызывать сильные эмоции, напряжение, даже потрясение. Этот архетип все время доказывает свою устойчивость, в то же время корректируя свои проявления и зависимости от внешних условий. Он предстает в качестве основы для возникновения различных комплексов и искажений действительности.

Виртуальный «чужой» архетипичен не только как персонаж, но и как извечно длящееся событие, выплескивающееся в реальность,

а поэтому не подлежащее рассмотрению в качестве индуктивного обобщения вытесненных неприятных встреч с реальным «чужим». Виртуальный «чужой» — тень, стремящаяся к поглощению, завладению, разрушению чего-то ценного и принадлежащего нам, а не ему. Это наше когда-то, возможно, и принадлежало ему, но было безвозвратно отчуждено и передано в нашу пользу. Виртуальный «чужой» посягает на нашу свободу, одухотворенность, на возвышенность нашей души. Все действия «чужого», как и приписываемые ему помыслы и намерения, носят архетипический характер.

«Чужой» может быть явно патологизированным образом или такой фигурой фантазии, которая с трудом собирается в единое целое. «Чужой» может рисоваться как нечто страшное, но и как ничтожное, мелкое, слабое, недостойное жизни, безобразное. Такое случается, например, перед войной или во время войны, когда готовится захват другой страны. Но и страшное, и ничтожное следует рассматривать как порождение собственных глубинных переживаний и влечений человека, бытие которого совершается тяжело и болезненно. То виртуальное, которое именуется «чужим», способно быть ловушкой, и попавший в нее оказывается в ситуации вечного опасения и утраты себя. Ему обычно не дано осознать, что утрата себя здесь есть освобождение от этой ловушки.

В качестве «чужого» может выступить и «свой», но вышедший за ролевые рамки, предписанные данной культурой. В качестве чужого может рассматриваться и так называемый маргинал, если под маргинальной личностью понимать такую, которая, хотя и стоит на грани двух культур, все же больше тяготеет к иной культуре. Архетип чужого отмечает внешние границы «своих», причем границы могут быть очень жесткими, недоступными для чужаков. В качестве барьеров могут быть расовые, этнические, религиозные, социальные и иные нормы, наряду с которыми способны выступать предрассудки и даже суеверия.

Человек не всегда в состоянии понять, что он сталкивается с «чужим», непонятым, чуждым ему, например когда сталкивается с обаятельным и умным злодеем. Злодей также является архетипической фигурой, но иногда хорошо замаскированной. Чтобы понять его, индивид иногда начинает идентифицировать его с известными ему объектами реальности, но если такая попытка ошибочна, т.е. объект выбран неверно, планы злодея получают хорошие шансы на реализацию. Как архетип злодей многолик: от мелкого пасквилянта, терзающегося по поводу своей ничтожности, до державного преступника — главы тоталитар-

ного государства, уничтожившего тысячи и даже миллионы своих соотечественников. Особый класс злодеев составляют рецидивисты, многократно совершающие тяжкие насильственные преступления, сексуальные банкроты, которые насилуют и убивают женщин и детей, наемные убийцы.

Выявление и клеймение чужого представляет собой рационализацию в виде защитного механизма. Она дает мощный толчок ксенофобским настроениям во всем обществе или в его отдельных группах. Поиски врагов осуществляются и в собственной истории, и они, конечно, оправдывают наихудшие предположения. Одновременно из прошлого один за другим вытаскиваются «наши» герои, основная заслуга которых состоит в подавлении и разгроме врагов. Здесь, таким образом, происходит сакрализация истории, которая становится не профанным, а священным временем, а также демонизация врагов. Мифологизация позволяет скреплять общество, формируя и поддерживая идентичность.

Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются. Речь в данном случае не идет о конкретных неприятностях или частных действующих лицах — противнике, оппоненте, социально опасном лице, т.е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того чтобы этот актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных характеристик. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов начинают оживать архаические интегративные механизмы, заставляющие людей чувствовать свою общность перед лицом опасностей¹².

Враг — наиболее опасный тип «чужого», являющийся главной угрозой обществу, стране, государству, нации, душе, религии, природе, сверхценной идее, социальной группе и т.д. Он может быть надуманным для расправы с инакомыслящими (например «враг народа» в СССР) или вполне реальным (например нацистская Германия для народов СССР). От него необходимо защищаться, в частности, путем нападения, можно укрыться, уйти, убежать либо победить. Враг может сплачивать людей, но и разъединять их. Он может действовать напрямую и даже открыто, так сказать, с «мечом в руке», другие враги действуют скрытно, пред-

¹² Гудков Л. Идеология «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 11—12.

ставляют угрозу отдельным социальным институтам и общественным ценностям, обществу в целом, его смыслам и символам. Эти «другие враги» могут переманивать на свою сторону тех, кто недоволен существующими порядками в своей стране, в своей общности, группе, вызывая таким образом раскол в последних, подозрительность и недоверие.

Враги иногда составляют атрибутивный элемент идеологии и психологии, в первую очередь тоталитарных государств: в силу своей паранойяльности у них всегда есть враги, внутренние и внешние, эти враги всегда тотальные. Образы врагов при этом являются продуктом соответствующих социальных институтов, государственных, бюрократических учреждений и находящихся у них на содержании идеологов. Эти образы вырабатываются постоянно, меняется только их внешнее обличье, появляются новые враги и новые угрозы в соответствии с политическими изменениями и государственными заказами. Как показывает история, страхи паранойяльного государства всегда влекут за собой многие тысячи жертв. То же самое можно сказать о традиционалистских обществах, которые в современных условиях глобализации видят врагов в западных цивилизациях и готовы обороняться от них с помощью террора.

Для современного, сложноустроенного, упорядоченного, обладающего значительным ресурсом безопасности и многократными системами внутренней и внешней защиты общества не специфичны архаические механизмы объединения людей перед лицом реальных или мнимых опасностей. В таких обществах ни армия, ни полиция не являются центральными, представительскими институтами, символически обозначающими основные ценности всего целого. В качестве таковых выступают совершенно иные публичные институты: свободный рынок, парламентская или научная дискуссия, спорт, гражданская благотворительность и т.д.

Человек психологически объединяется со своим врагом более тесной зависимостью, чем с просто чужим. Они оказываются прикованными друг к другу взаимной неприязнью, враждой, ненавистью, и уже это не дает им возможности разойтись. Причем враг может быть одной веры, социальной и национальной принадлежности, что и его контрагент, но это не делает его своим: он чужой по своим моральным, профессиональным, духовным, эстетическим качествам, потому что их разъединяет ненависть, зависть, ревность и другие аналогичные чувства. Такой враг, выделенный не на массовой основе, а в личных, даже интимных контактах, более индивидуализирован, чем, например, солдат вражеской армии. Но даже

и такой индивидуализированный враг обычно наделяется не только личностно неповторимыми, но и архетипическими чертами.

Враг всегда наделяется нелестными характеристиками, низкими моральными качествами, а иногда и убогим интеллектом. Так поступали и поступают террористы и экстремисты всех мастей, так происходит и в повседневной современной жизни. Когда же дело доходит до войны или вооруженных столкновений, врагу приписываются трусость, коварство, подлость, недалечность.

Так, хронисты Первого крестового похода считали, что мусульманские правители отличаются гордыней, которую средневековая религиозная мораль осуждала особенно сильно. Вообще все мусульмане, по мнению крестоносцев и их бытописателей, были грешниками со всеми вытекающими отсюда последствиями, поскольку они не знали истинного бога. Образы сарацинов не лишены фантастических и экзотических черт, все время подчеркивается их способность к магии, постоянные занятия астрологией и предсказаниями будущего по звездам. Зловредная магия и благочестивое чудо были двумя полюсами в контактах со сверхъестественным. Христианские отцы церкви, не отрицая способности сатаны преступать в своих действиях законы природы, предупреждали, что зловредная магия, магические чудеса суть лживые подделки, лишённые характера божественного откровения и благочестивого смысла. Хронисты в своих повествованиях ясно дают понять читателю, что чудесное, связанное с мусульманским миром, в любом случае не вписывается в систему христианских ценностей. В их рассуждениях о «другом» именно магические и экзотические интеллектуальные занятия мусульман являются одним из критериев их инаковости¹³.

Ненавистью и враждой к чужому проникнуты даже некоторые великие книги. Так, Откровение святого Иоанна Богослова постоянно угрожает смертью тем, кто не разделяет христианское вероучение, и даже тем, кто не доверяет пророчествам этой книги. Все они — чужие. Не случайно Апокалипсис стал синонимом насилия и жестокости.

Постоянное деление на своих и чужих легко можно обнаружить в «Манифесте Коммунистической партии». Последним К. Маркс и Ф. Энгельс прямо и косвенно грозят уничтожением, что и сделали их российские и иные последователи.

В центре идеологизированного языка коммунистов, пишет А. С. Ахиезер, лежала возможность описания реальности как укорененной в древнем противостоянии «мы—они», в расколотости, во взаимоотталкивании этих полю-

¹³ Лучицкая Л. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 198.

сов, в стремлении либо подавить силой раскол общества и власти, либо попыткой подменить реальный конфликт каким-то другим путем, чтобы найти мифологизированного врага, направить против него архаичную массу.

Культурная ситуация в советском обществе открывала возможность описать ее на языке конфликта. Попытка подавления раскола силой, создание идеологизированной картины конфликта требовали постоянных человеческих жертв. Народ в ситуации раскола воспроизводил в качестве руководителей ту группу людей, которая говорила на понятном ему, глубоко архаичном языке подавления «чужих». Идеология позволяла в соответствии с политическими стремлениями власти быстро менять границы между полюсами «мы—они». В сложном обществе эта формула, оставаясь неизменной, могла постоянно интерпретироваться, менять свое конкретное содержание, т.е. власть могла «назначать» — кто, какие группы, народы, страны относятся к «мы», а кто — к «они». Архаичный вариант этой культуры сохраняет неприятие культуры с преобладанием диалога. Эти люди не могли выбрать в начальство, например, либералов, которые выдвигали на первый план диалог, развитие демократических институтов¹⁴.

Ненавистью к «чужому» как к врагу дышит грязная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». О ней И. Л. Бачинин пишет: «Мышление мудрецов носит антагонизированный характер. Они рассматривают весь спектр социально правовых проблем сквозь призму бинарной позиции «свои—чужие», «наши—враги», «мы—они», «господа—рабы». При этом в качестве субъекта, обозначаемого вторыми терминами диад, выступают все не евреи». Этот пасквиль был сочинен именно для того, чтобы вызвать ненависть к евреям, и эта цель была достигнута. В России прокатилась волна еврейских погромов. «Протоколы...» активно использовали гитлеровские преступники, современные российские антисемиты тоже нередко опираются на них. В качестве «чужих», на что и рассчитывали авторы «Протоколов...», оказались евреи.

По мнению Й. Петровского-Штейна, «Протоколы сионских мудрецов» весьма поспособствовали наиболее консервативным европейским силам в борьбе за власть, и в словесно-пропагандистском оформлении образа абсолютного врага, и в идеологической артподготовке к Холокосту. Оглушенная антисемитизмом охранительная мысль испуганно тыкала российской геополитике на тайный еврейский синедрин, схоронившийся в мистических лабиринтах

парижских катакомб, так и не приучив ее рационально оценивать и серьезно изучать эмпирическую действительность. Более того, сто лет спустя она столь же усердно продолжает навязывать консервативному русскому мнению все тот же набивший оскомину «Протокольный» миф о евреях-врагах. В результате антисемитизм лишает русскую консервативную мысль живучести, подвижности и привлекательности¹⁵.

Все или, во всяком случае, очень многие беды и трагедии человечества исчезли бы, если люди перестали бы так остро и непримиримо воспринимать других людей как чужих, которых следует опасаться, ненавидеть, презирать и т.д. Поэтому можно сказать, что толерантность — это не только понимание различий в мире, но и придание этим различиям ценности.

В то же время мы не должны пренебрегать фактическим разнообразием культур, нельзя не констатировать наличие дикарей и варваров, нельзя утверждать, что их культура по сравнению с европейской просто другая культура. Различия существуют, причем весьма существенные, и культура дикарей не просто иная: утверждать такое, значит ставить знак равенства между их фольклорной музыкой, исполняемой на примитивных деревенских инструментах, и музыкой, например, Моцарта. Дикари и варвары несомненно существуют, но это ни в коем случае не означает, что не нужно уважать их честь и достоинство, их верования, обычаи и традиции, если, конечно, они не противоречат морали и закону. Современная вариативность культур иллюстрирует стадийность всемирно-исторических процессов зарождения и развития цивилизаций. В XX веке цивилизация продемонстрировала, насколько она хрупка, когда Россия и Германия провалились в варварство.

4

О том, что представляет собой личностное бессознательное существуют различные точки зрения. Я считаю, что оно есть впечатления детства и ранней юности, невоспоминаемые по причине их травматичности, несовместимости с требованиями морали, а также ненужности и неактуальности. Значит, невоспоминаемое прошлое включает в себя не только отрицательные, но и иные явления (события). Некоторые люди сохраняют тягостные впечатления (например, пережитые в детстве побои, унижения, оскорбления), но они не пробуждаются до определенного момента, а пробудившись, обычно в состоянии опьянения, обретают мощную моти-

¹⁴ Демографическая модернизация в России / под ред. А. К. Вишневого. СПб., 2006. С. 343.

¹⁵ Петровский-Штейн Й. Враг рода человеческого: антинаполеоновская пропаганда и «Протоколы сионских мудрецов» // Образ врага. М., 2005. С. 126.

вирующую силу. По этим мотивам совершаются многие преступления против детей.

Коллективное бессознательное накапливается в течение всей истории человечества и тоже способно пробудиться в какой-то момент, а именно тогда, когда жизнь становится для общества (массы, толпы) невыносимой, тяжелой, удушающей, а, главное, новой, наполненной неизвестной опасностью. Тогда общество (страна, масса, толпа) возвращается в свое прошлое, иногда дикое, жестокое, но хорошо знакомое. Это явление точно описал американский романист Т. Вулф: «Он понял, что гитлеризм — это еще одна вспышка древнего варварства. Расистские бредни и жестокость, и неприкрытое поклонение грубой силе, и подавление правды, и обращение к обману и мифам, и безжалостное презрение кличности, и безрассудная, безнравственная уверенность, что один человек вправе единолично судить и решать за всех, а добродетель всех — в слепом, беспрекословном повиновении, — любая из этих основ гитлеризма возвращала к свирепости древнего племенного строя, к обросшим шерстью тевтонцам, что хлынули с севера и сокрушили огромное здание римской цивилизации. Этот дух первобытного дикарства, который только и знает, что алчность, похоть и силу, искони был подлинным врагом человечества.

Но дикарство это присуще не только Германии. Оно может проявиться в любом народе. Оно — чудовищная часть наследия, что досталось человеку от пращуров. Следы его ощутимы повсюду. У него множество личин, множество ярыков»¹⁶.

Анализ социальных, экономических, социально-психологических и иных условий вспышек глобального насилия при большевизме и фашизме убеждает в том, что соответствующие периоды в истории России, Германии, Италии и некоторых других стран как раз характеризовались всеохватывающими кризисами.

Так, в результате многовекового разделения Италии юг страны в экономическом отношении сильно отстал от севера, само итальянское государство складывалось на основе отсталых экономических и социальных отношений. Положение в Италии ухудшилось после окончания Первой мировой войны: она унесла более 700 тыс. жизней, около 1,5 млн человек были ранены и искалечены; итальянская промышленность оказалась без емкого внутреннего рынка, отмечался высокий уровень безработицы и обнищания населения; богатые северные провинции были опустошены. Был резко нарушен социальный и психологический статус

бывших фронтовиков. Перенесшие все тяготы и лишения войны, они оказались за бортом мирной жизни. Перед уходом на фронт многие мелкие собственники продали свои лавчонки, а иных источников существования не имели. Уйдя на фронт, десятки тысяч студентов так и не доучились в университетах, а рабочие потеряли места на производстве. Поэтому озлобление фронтовиков постепенно возрастало и многие из них активно откликнулись на призывы фашистов Муссолини, политическая программа которого была нацелена на завоевание широких народных масс¹⁷.

Еще более тяжкое положение сложилось в Германии в результате поражения в Первой мировой войне. Полное экономическое разорение и продовольственный кризис, резкое обнищание людей и массовая безработица здесь сочетались с национальным унижением (по Версальскому договору территория страны уменьшилась на 1/8, население без малого на 1/10) и острыми социальными столкновениями. Один из биографов Гитлера, И. Фест об этом периоде писал, что дух безнадежности парил надо всеми. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств и, как всегда в подобные моменты истории, у людей пробудилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали всюду. В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченный смысл и значение. Обладая исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательное стремление масс. Это ему тем более необходимо было сделать, так как если в некоторых странах на Западе царили хаос, отчаяние и голод, то Германии пришлось хуже всего.

Немцы бессознательно ждали прихода вождя — избавителя, ибо в трудные времена люди всегда ждут мессию. Образ всемогущего отца настойчиво маячил в воображении тех, кто устал от тягот жизни. После поражения в войне, унижительного Версальского договора и резкого падения уровня и качества жизни, Германия мечтала о чуде, надеясь на вмешательство высших сил. Успех Гитлеру был предусмотрен, поэтому в него поверили сразу и доверяли до тех пор, пока ему сопутствовала удача. Сам он очень точно определил этот момент: «Когда люди надламываются и начинают впадать в отчаяние, именно тогда им больше всего нужны великие гении. Именно тогда на бедных и несчастных людей из прошлого глядят тени великих людей, сумевших стать против нужды,

¹⁶ Вулф Т. Домой возврата нет. М., 1982. С. 647—648.

¹⁷ Фест И. Гитлер : в 3 т. Пермь, 1993. Т. I. С. 78.

позора, несчастий, сумевших показать людям дорогу к счастливой жизни. Горе народу, который стыдится обращать свои взоры за помощью к великим людям»¹⁸.

По мнению И. Феста, всем слоям и классам Германии была присуща тенденция послушания и жажда, чтобы ими руководили. В изменившихся условиях республики обладатели такого сознания увидели, что их неожиданно-негаданно оставили в беде. Смутные комплексы страха, которыми они были переполнены, ощущались ими с особой силой еще и потому, что новая форма государственности не создала никакого авторитета, могущего в будущем полагаться на привязанность и лояльность. Рождение республики из беды поражения, проводимая державами-победительницами и диктуемая страждущим непониманием политика возмездия за давние грехи кайзеровских времен, гнетущий опыт голода, хаоса и расстройств денежного обращения, а также, наконец, неверно толковавшаяся как забвение национальной чести политика выполнения условий Версальского договора порождали величайшую неудовлетворенность в плане потребности отождествления себя с государственными порядками той потребности, которой эти люди всегда были обязаны и какой-то частью уважения к самим себе. Будучи лишенным блеска и униженным, это государство было для них ничем и с его приходом они во многом перестали понимать мир. В своем беспокойстве они шли в гитлеровскую партию, которая была как бы политической организацией их собственной растерянности. И в этой связи получает объяснение тот парадокс, что их тяга к порядку и добрым нравам, к верности и вере находила, как они это чувствовали, самое лучшее понимание именно у проникнутых духом авантюризма представителей партии Гитлера. Он обращался к внушенному нации инстинкту правил и дисциплины либо принимавшему мир упорядоченным, либо не принимавшему его вообще¹⁹.

О развале России перед октябрём 1917 г. известно всем. Но здесь следует подчеркнуть, что она ни в экономическом, ни в военном и особенно в психологическом и нравственном отношениях никак не была готова к войне, которая обрушилась на нее, как слепая снежная лавина. Неокрепшее еще в новых капиталистических условиях общественное сознание пришло в полную растерянность и не способно было предложить личности систему индивидуального спасения, как, впрочем, и всему обществу. Военные поражения, после недолгих

успехов, нанесли самолюбию народа, привыкшему к ратным победам, еще один весьма ошутимый удар. Люди как бы оказались в социально-психологическом вакууме. Они постепенно утрачивали чувство государственности и причастности, которое заметно ослабилось после отречения царя, что очень многими ощущалось как сокрушение основ их бытия. Эту культуру не смогли заполнить программы различных партий и движений, а сама война, которая очень часто сплывала народ и формировала его подчинение единой высшей воле, навсегда утратила такую свою роль. К тому же эта война была какой-то унылой, бесконечной, непонятной, без особой ненависти к противнику.

Положение усугублялось экономическим развалом, ускоряющимся процессом пауперизации городского населения, начавшимся еще до войны, и распадом сельской общины, которая испокон веков сплывала крестьянство. Уход на фронт мужчин и гибель там значительной части из них расшатал и семью, что нанесло обществу огромный моральный и психологический ущерб. Названные явления тесно переплетались с общей анархией и неразберихой, бурным развитием атмосферы вседозволенности и растления нравов. Кризис охватил все слои населения, в том числе интеллигенцию, аристократию и духовенство, которые уже были не в состоянии, как раньше, оставаться проводниками и хранителями духовности и нравственности.

В подобной ситуации была остро нужна твердая рука, и она, на фоне общей растерянности, нашлась, как известно, в лице большевиков и Ленина. Но это была не просто убойная власть, опирающаяся лишь на насилие: она обещала не только порядок и защиту вконец растерявшемуся человеку, но и особый строй, который обеспечит всеобщее благоденствие и исполнит вековую, хотя и примитивную, мечту о полном равенстве и равном дележе богатств. Семена упали на благодатную почву разоренного и обескровленного народа, да и террор большевиков был ему не внове, ведь к этому давно готовили условия террористы и нигилисты, нечаевы, разноликие базаровы, народовольцы и т.д. Но наступление кровавого хаоса, апокалипсиса и царства антихриста угадывались давно.

Об этом писал М. Лермонтов, а Ф. Тютчев, ощущая наступление грозных разрушительных сил, призывал:

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

Ярким примером взрыва коллективного бессознательного являются трагические собы-

¹⁸ Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. С. 110.

¹⁹ Фест И. Указ. соч. С. 241.

тия в Камбодже. В 1975 г. там к власти пришли кхмерские коммунисты во главе с Пол Потом и Иенгом Сари, которые за пять лет уничтожили около трех миллионов (из восьми) своих соотечественников, в первую очередь интеллигенцию. Практически все городское население было насильственно депортировано в сельскую местность, где из них и местных жителей создавали «коммуны» (общины) и трудовые армии, а по существу — концентрационные лагеря. Всех камбоджийцев разделили на касты (категории) по степени лояльности к режиму. Вместе с частной собственностью была отменена и личная, деньги изъяты из оборота, а торговля стала носить характер натурального обмена. Были ликвидированы все учебные заведения, кинотеатры, телевидение, на всю страну выходил один официозный информационный листок, население было полностью изолировано от внешнего мира. Уничтожались ценнейшие произведения искусства и архитектуры, в том числе старинные, национальная библиотека и музеи превращены в склады, пагоды — в хранилища. Не стало почты, телеграфа, общественного транспорта. Жгли книги и архивы. Экономика и культура были разрушены полностью. Столица и провинциальные центры стали городами-призраками. В Пномпене проживало около 3 миллионов человек, кхмерские коммунисты выселили оттуда практически все население, оставив там 16—20 тыс. чиновников властвующего режима.

Сотни тысяч камбоджийцев под наблюдением вооруженных охранников работали от зари до зари. Семью ликвидировали, женщины и мужчины жили порознь, супругам разрешали побыть вместе лишь раз в десять дней. За тяжелую, изнурительную работу никакой платы не полагалось, лишь выдавали три раза в день по чашке риса. Широко эксплуатировался детский труд. Убивали людей и по плану, и по желанию местных властей даже по случаю «праздников». Солдаты могли убивать, грабить и насиловать в любое время. Религиозные чувства населения грубо попирались, священнослужителей убивали, буддийские статуи и алтари уничтожались. Была ликвидирована медицина, врачей убивали. Камбоджа, страна древнейшей культуры, была превращена коммунистами в выжженную пустыню — это фактически был полный возврат в первобытное общество, при котором не могли существовать никакие ценности культуры. О том, что воссоздавалось именно первобытное общество, свиде-

тельствует не только глобальное уничтожение культуры, но и такая весьма характерная деталь: людей обычно убивали лопатами и мотыгами, этими примитивными древними орудиями труда. Объясняли это тем, что, якобы, сэкономили пули, однако это объяснение не выдерживает никакой критики, поскольку страна была набита оружием китайцев. Дело в том, что огнестрельного оружия в первобытном обществе быть не могло, поэтому оно психологически было чуждо коммунистам XX в. в качестве орудия расправы.

Еще одна красноречивая подробность: коммунисты запретили в Камбодже любовь, она стала считаться серьезным «преступлением», а за все проступки было одно наказание — смерть. Однако здесь есть своя логика, поскольку любовь (как и промышленность, религия, медицина и т. д.) совсем не свойственна тому периоду человеческой истории, который они пытались воссоздать. Именно поэтому она отторгалась ими и за нее карали столь жестоко. Проведем параллель: если кхмерские коммунисты считали любовь «серьезным» преступлением, то германские нацисты отнюдь не отнесли изнасилование к числу тяжких преступлений. Оно и логично, в диком человеческом стаде изнасилования быть не могло.

Тоталитаризм, как отступление от цивилизации, проявляется, конечно, не только в этих кровавых «деталях», сколь красноречивы бы они ни были. Необходимый атрибут кровавой диктатуры — вождь, всегда сосредоточивающий в своих руках необъятную власть, как тот же камбоджийский Пол Пот.

Большевизм, нацизм и фашизм не являются просто возвращением к какому-то неопределенному прошлому, а главным образом, к первобытному варварству, которое отрицает религию и утверждает магию, т.е. насаждает дорелигиозные и примитивно-религиозные системы жизни и мировосприятия, а своих вождей и их учения наделяет магическими свойствами. Современные кровавые деспоты обеспечивают примитивизацию общества и личности, возвращение к тем архидиким временам, когда община поглощала человека, превращая его просто в некую единицу под властью вождей (царьков) — магов. Подобно им главари современных орд провозглашали, что только им открыты высшие и сокровенные тайны о том, что такое мир и по каким законам он движется. Одним словом, тоталитаризм есть отход к тем временам, когда еще не было цивилизации.

Библиография:

1. Бассиюни К. Воспитание народоубийц. — СПб., 1999.
2. Вулф Т. Домой возврата нет. Роман. — М., 1982.
3. Гитлер А. Моя борьба. — М., 1992.
4. Гудков Л. Идеология «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. — М., 2005.
5. Демографическая модернизация в России / под ред. А. К. Вишневого. — СПб., 2006.
6. Евгеньева Т. Н. Культурно-психологические основания образа «другого» в современной России // «Чужие здесь». Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. — Т. II. — М., 2004.
7. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. — М., 2002.
8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
9. Лучицкая Л. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. — СПб., 2001.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М., 1996.
11. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. — СПб., 1994.
12. Петровский-Штейн Й. Враг рода человеческого: антинаполеоновская пропаганда и «Протоколы сионских мудрецов» // Образ врага. — М., 2005.
13. Райх В. Психология масс и фашизм. — СПб., 1997.
14. Стецовский Ю. И. История советских репрессий : в 2 т. — М., 1997.
15. Фест И. Гитлер : в 3 т. Т. I. — Пермь, 1993.
16. Шунгуров М. В. Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики. — Саратов, 1999.
17. Юнг К.-Г. Архетип и символ. — М., 1991.
18. Якоби И. Психологическое учение К.-Г. Юнга // Карл Густав Юнг: дух и жизнь. — М., 1996.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2015 г.

TOTALITARIAN CRIME AND THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS

Antonyan, Yuri Miranovich — Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Researcher of the FGKU All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

[antonyaa@yandex.ru]

105005, Russia, Moskva, ul. Radio, d. 10a.

Review: For the first time in criminology the author singles out totalitarian crime as an independent type of crime. The author shows its specificities, peculiarities, its unbreakable link with the Bolshevism, Fascism and Nazism, as well as with the totalitarian regimes in general. Totalitarian crime involves the crimes of the totalitarian state against its opponents, be it true or supposed ones, all whom it considers to be dangerous or unnecessary: genocide, terrorism, aggressive wars, non-judicial punishments, including murders and bashings, as well as any other crimes committed by the states, for which the state establishes no responsibility. It is impossible to comprehend totalitarian crime outside of the above-mentioned link, especially since the totalitarian statehood as such is criminal. The author then provides the characteristics of a totalitarian state. Its crimes are presented with the examples of archetypes of the: "Great Mother", "Alien" and "Enemy". The very appearance of such as state is due to the fact that the collective unconscious of the society sustains the ancient experience of many centuries (including negative experience), and this experience suddenly arises from the depth of history, when for various reasons the people, masses and society may not tolerate the new living conditions and rebel against them. For them this novelty contains the unknown dangers. For this reason the mass of people (the crowd) becomes one of the key players in a totalitarian society, which we have seen in Germany, the USSR and Italy.

Keywords: Totalitarian crime, totalitarian state, criminal regime, collective unconscious, unconscious collective experience, personal unconscious, archetype of the Great Mother, archetype of an Alien, archetype of an Enemy, leader (Fuhrer), crowd (masses).

Bibliography:

1. Bassiouni, C. Macht Oder Mundigkeit. – SPb., 1999.
2. Wolfe, T. You can't go home again. A novel.– M., 1982.
3. Hitler A. Mein Kampf. – M., 1992.
4. Gudkov, L. "Enemy" ideology. "The Enemies" as a mass syndrome and social-cultural integration mechanism. "Image of the Enemy". Collected articles.– M., 2005.
5. Demographic modernization in Russia. Ed. by A.K. Vishnevskiy.– SPb., 2006.
6. Evgenieva, T.N. Cultural and psychological foundations for the image of the "Other" in the modern Russia.// "Aliens are here. Radical xenophobia and political extremism in the social and cultural territory of the modern Russia. V.2. – M., 2004.
7. Kudryavtsev, V. N. Trusov, A. I. Political justice in the USSR. – M., 2002.
8. Levy-Bruhl, L. Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive – M., 1994.
9. Luchitskaya, L.I. Image of the other. Muslims in the chronicles of the Crusades. – SPb., 2001.
10. Moskovichi, S. Age of crowds. Historical treatise on mass psychology. – M., 1996.
11. Neumann, E. Depth Psychology and a New Ethic. – SPb., 1994.
12. Petrovskiy-Shteyn, Y. Enemy of the humankind: anti-Napoleon propoganda and the Protocols of the Learned Elders of Zion. V Collected articles. Image of the enemy.– M., 2005.
13. Reich, W. Mass psychology of Fascism.– SPb., 1997.
14. Stetsovskiy, Y.I. Soviet repressions history. In 2 v.–M., 1997.
15. Fest I. Hitler: In 3 v. V. I. – Perm, 1993.
16. Shungurov, M.V. Human being: being and isolation. Anthropological hermeneutics experience.– Saratov, 1999.
17. Jung, C.G. Archetype and symbol.– M., 1991.
18. Jakobi, J. Psychology of C.G. Jung. In 5 v. V. 5 C.G. Jung: spirit and life.– M., 1996.

Е. К. Волконская*

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (2004—2013 гг.)

Аннотация. Изучены количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних в динамике с целью выявления тенденций происходящих изменений, объяснения их взаимосвязей с социальными процессами в стране и прогнозирования криминальной ситуации. Для этого произведены анализ и сопоставление статистических данных ГИАЦ МВД РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ о криминальных явлениях с данными Госстата и собственными наблюдениями об иных явлениях социальной действительности, криминологическое прогнозирование. Впервые с начала 2000-х гг. исследована динамика преступности несовершеннолетних, охватившая начало и завершение устойчивой тенденции в ее современном развитии. На протяжении 2004—2013 гг. выявлены следующие благоприятные тенденции количественного и качественного характера: а) снижение с 2006 г. абсолютных и с 2008 г. относительных показателей объема совершенных несовершеннолетними преступлений (по 2012 г.); б) сокращение с 2005 г. вдвое удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, в структуре всей преступности и доли несовершеннолетних преступников среди всех преступников (по 2012 г.); в) снижение с 2004 г. доли тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних (по 2012 г.). Причем на протяжении 2008—2012 гг. все зафиксированные тенденции являются благоприятными.

Выявлены и негативные изменения в динамике преступности несовершеннолетних последних лет, которые, несмотря на продолжение существования в будущем имеющих благоприятных условий государственной политики и семейных отношений для социально позитивного развития подрастающего поколения, способны негативно сказаться на динамике преступности несовершеннолетних. К ним относятся: интенсивное включение в течение 2004—2013 гг. несовершеннолетних в наркобизнес и высокая степень концентрации на протяжении 2011—2013 гг. в воспитательных колониях лиц, которые ранее отбывали наказание в воспитательных колониях (в статье раскрыты порождаемые данными изменениями криминогенные явления). Статистические данные за 2013 г. сигнализируют о начавшихся негативных изменениях в преступности несовершеннолетних: увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии (+4,6% в АППГ), увеличение доли данной группы преступлений в структуре преступности (+5,9% к АППГ), увеличение коэффициента криминальной активности несовершеннолетних (+6,9% к АППГ).

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, латентность, осужденный, наркобизнес, динамика, коэффициент преступности, коэффициент криминальной активности, беспризорный, структура.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.050-059

© Волконская Е. К., 2015

* Волконская Екатерина Константиновна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.

[volkonskayaek@mail.ru]

143100, Россия, Московская обл., Рузский р-он, пос. Старотереяво.

Проблема преступности несовершеннолетних относится к тем важнейшим вопросам социального развития, которые всегда должны находиться под пристальным контролем государства. Во-первых, несовершеннолетние правонарушители, подрастающие в обществе, являются демонстрацией «болезней» этого общества. Во-вторых, становление на преступный путь в раннем возрасте повышает вероятность повторного преступного поведения. В-третьих, сегодняшние несовершеннолетние, в том числе совершившие преступления, в будущем составят ту часть трудоспособного населения, от которой будет зависеть социально-экономическое, политическое и духовно-нравственное развитие общества.

Как известно, данные уголовной статистики не отражают в полной мере ни состояние преступности в целом, ни состояние преступности несовершеннолетних. Традиционно преступность несовершеннолетних характеризуется учеными как высоко латентная¹. «По различным данным (Бакаев А. А., Лелеков В. А., Остапенко Н. И. — *Прим. Е. В.*), она [латентность преступности несовершеннолетних] составляет более 30%. Некоторые ученые (Горяинов К. К. — *Прим. Е. В.*) считают, что латентность указанного вида преступности несоизмеримо выше — от 70 до 95%»².

В 1997 г. А. В. Борбат справедливо отмечал, что «одной из основных причин высокой латентности [преступлений несовершеннолетних] является необращение граждан в правоохранительные органы в связи с высоким уровнем правового нигилизма и отсутствием уверенности в эффективности их деятельности»³. К причинам высокой латентности (естественной) преступности несовершеннолетних 1990-х гг. добавим также характерное для указанного периода времени снисходительное отношение к несовершеннолетним, к их поведению со стороны взрослых, которые зачастую не желали «пор-

тить жизнь» подросткам и не обращались в правоохранительные органы по поводу их преступного поведения.

Однако под воздействием смены общественно-политического строя страны, необходимости приспособления населения к новым (капиталистическим) условиям устройства общественных отношений стали происходить изменения в общественном сознании (главным образом — через сознание лиц молодого и среднего возраста). Во-первых, стала распространяться психология индивидуализма. Во-вторых, научно-технический прогресс, открытость информационного пространства ускорили темпы развития подрастающего поколения (оно стало «раньше взрослеть»), и, соответственно, у взрослого населения повысились требования к контролю несовершеннолетними своего поведения. В-третьих, население стало более информированным о своих правах и способах их защиты. Поэтому к настоящему времени необращение граждан в правоохранительные органы по поводу преступлений, совершенных несовершеннолетними, как одна из основных причин латентности рассматриваемого вида преступности потеряла свою актуальность. За счет этого сегодня степень естественной латентности преступности несовершеннолетних ниже, чем в 1990-е гг.

Помимо указанного, часть преступлений несовершеннолетних продолжает оставаться вне официальной регистрации, оставаясь искусственно латентной. Но данные факторы (наличие искусственной и естественной латентной части преступности несовершеннолетних) не исключают значимости изучения статистических сведений о данном виде преступности в динамике.

Согласно данным ГИАЦ МВД России с 2006 по 2012 г. в стране зафиксирован устойчивый спад преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (см. таблицу 1). Причем за указанные семь лет их число снизилось на 58,5% (со 154 734 преступлений в 2005 г. до 64 270 в 2012 г.). Самые высокие темпы снижения зафиксированы в 2008 г. (–16,5% к АППГ), 2009 г. (–18,4% к АППГ) и 2010 г. (–17,1% к АППГ). В 2013 г. отмечен рост преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, на 4,6% к АППГ.

¹ См.: Омигов В. И. Преступность несовершеннолетних: ее характеристика // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 3. С. 13; Хомиченко Ю. В. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение // Общество и право. 2010. № 5. С. 164; Токмаков Д. С. Анализ статистики насильственной преступности несовершеннолетних в России // Общество и право. 2009. № 5. С. 225; Гумирова Г. Ф. Преступность несовершеннолетних как социальная проблема // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 54.

² Токмаков Д. С. Указ. соч. С. 225.

³ Борбат А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних в Москве // Преступность, статистика, закон / под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1997. С. 76.

Таблица 1

**Преступления, совершенные несовершеннолетними
и при их соучастии, в России в 2004—2013 гг.⁴**

Год	Всего	Темпы прироста, в %		Удельный вес в общем числе расследованных преступлений, в %	Число преступлений на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет
		к АППГ	к 2005 г.		
2004	154 414	6,2		9,8 (+2,1 % к АППГ)	1 581,9
2005	154 734	02,		9,1	1 671,8
2006	150 264	-2,9	-2,9	8,4	1 761,2
2007	139 099	-7,4	-10,1	7,8	1 782,2
2008	116 090	-16,5	-25,0	6,8	1 651,0
2009	94 720	-18,4	-38,8	5,7	1 476,5
2010	78 548	-17,1	м50,8	5,5	1 314,3
2011	71 910	-8,5	-53,5	5,5	1 203,2
2012	64 270	-10,6	-58,5 %	5,1	1 147,3
2013	67 225	4,6	-56,6 %	5,4	—

При изучении тенденций преступности, в том числе преступности несовершеннолетних, важное значение имеет учет относительных показателей. Анализируя данные последнего десятилетия, можно отметить, что самый высокий коэффициент преступности несовершеннолетних приходится на 2007 г. (1 782,2 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет) (см. таблицу 1). При этом до 2007 г. (включительно) происходил непрерывный рост данного показателя (+12,7% в 2007 г. к 2004 г.), а после 2007 г. по 2012 г. — его снижение (-35,6% в 2012 г. к 2007 г.).

Как видно из приведенных данных, снижение относительного показателя преступности несовершеннолетних происходит с 2008 г., в то время как абсолютный показатель преступности несовершеннолетних снижался с 2006 г. Из этого следует, что в 2006 и 2007 гг. снижение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, было связано главным образом с демографическим фактором — уменьшением численности населения в возрасте 14—17 лет в 2006 и 2007 гг.

Следует отметить, что снижение коэффициента преступности несовершеннолетних наблюдается на фоне устойчивого снижения коэффициента преступности в целом в стране. В частности,

⁴ См.: Преступность и правонарушения (2004—2008) : статистический сборник. М. : МВД РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Департамент надзорной деятельности МЧС России, 2009. С. 51, 55; Преступность и правонарушения (2008—2012) : статистический сборник. М. : МВД РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Департамент надзорной деятельности МЧС России, 2013. С. 51, 55 ; Состояние преступности в России на январь—декабрь 2013 года [Электронный ресурс]. М. : ГИАЦ МВД России, 2014. С. 40. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 31.07.2014).

в 2008 г. коэффициент преступности в России составил 2 617,5 преступлений на 100 000 человек населения в возрасте 14 лет и старше, в 2012 г. — 1 884,8. Сравнение динамики указанных коэффициентов (преступности несовершеннолетних и преступности в целом) показывает, что снижение значений анализируемого показателя применительно к преступности несовершеннолетних происходит более быстрыми темпами, чем применительно к преступности в целом. Так, в 2008 г. коэффициент преступности несовершеннолетних (рассчитанный на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет) ниже коэффициента всей преступности (рассчитанного на население в возрасте 14 лет и старше) на 36,9%, а в 2012 г. — уже на 39,1%. Иными словами, преступность несовершеннолетних снижается более быстрыми темпами, чем преступность в целом.

По официальным данным⁵, на протяжении 2004—2012 гг. наибольший коэффициент преступности несовершеннолетних сохраняется в Дальневосточном федеральном округе (ДФО)⁶, а наименьший — в Южном федеральном округе (ЮФО) (и Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), выделенном в 2010 г.)⁷. Дина-

⁵ См.: Преступность и правонарушения (2004—2008). С. 54—55 ; Преступность и правонарушения (2008—2012). С. 54—55.

⁶ В 2004 г. — 2438,6 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет; в 2005 г. — 2 502,7 ; в 2006 г. — 2 874,6 ; в 2007 г. — 2 970,6 ; в 2008 г. — 2 853,3 ; в 2009 г. — 2 519,3 ; в 2010 г. — 2 263,2 ; в 2011 г. — 2 045,6 ; в 2012 г. — 2 064,7.

⁷ В 2004 г. — 767,0 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет ; в 2005 г. — 804,3 ; в 2006 г. — 873,5 ; в 2007 г. — 903,0 ; в 2008 г. — 892,8 ; в 2009 г. — 1 156,4 (ЮФО) и 391,8 (СКФО) ; в 2010 г. — 1025,6 (ЮФО) и 375,3 (СКФО) ; в 2011 г. — 951,0 (ЮФО) и 403,0 (СКФО) ; в 2012 г. — 897,3 (ЮФО) и 368,7 (СКФО).

мика коэффициентов преступности несовершеннолетних в указанных федеральных округах на протяжении рассматриваемого периода времени аналогична динамике коэффициента преступности несовершеннолетних в стране (рост до 2007 г. (включительно) и снижение с 2008 г.). Отмеченные традиционно присутствующие количественные различия преступности несовершеннолетних по указанным федеральным округам, безусловно, главным образом связаны с исторически обусловленными социально-экономическими и культурными особенностями указанных территорий Российской Федерации. Вместе с тем продолжающаяся на протяжении последних десяти лет наиболее неблагоприятная ситуация в ДФО (а именно, в Хабаровском крае, Амурской и Магаданской областях) указывает на необходимость принятия государством модернизированных мер, в первую очередь общесоциального характера, связанных с предупреждением преступности несовершеннолетних в названных трех регионах ДФО.

В литературе встречается мнение, согласно которому уровень криминальной активности несовершеннолетних на 100 000 человек населения в возрасте 14—17 лет значительно превышает соответствующий показатель для всего населения: 1 800 человек и 1 100 человек соответственно⁸. По нашим расчетам, в 2005 г. (как пик абсолютных показателей преступности в целом и преступности несовершеннолетних) коэффициент криминальной активности несовершеннолетних примерно составил 1 660 несовершеннолетних преступников на 100 000 населения в возрасте 14—17 лет, а коэффициент криминальной активности всего населения — 1 320 преступников на 100 000 человек населения в возрасте 14—59 лет; в 2010 г. — 1 140 и 1 180; в 2012 г. — 1 010 и 1 060; в 2013 г. — 1 080 и 1 070, соответственно⁹. Таким образом, за 2006—2010 гг. коэффициент криминальной активности несовершеннолетних снижался более быстрыми темпами, чем коэффициент криминальной активности всего активного населения, тем самым в 2010 г. значительно сократив разрыв между значениями данных показателей среди несовершеннолетних и всего активного населения (однако в 2013 г., наоборот, коэффициент криминальной активности несовер-

шеннолетних увеличился на 70, а аналогичный показатель всего активного населения лишь на 10, что свидетельствует об опасности развития негативной тенденции преступности несовершеннолетних в дальнейшем). В целом, если девять лет назад и ранее справедливо отмечалось, что криминальная активность несовершеннолетних значительно превышает криминальную активность всего активного населения (в возрасте 14—59 лет), то в настоящее время коэффициенты криминальной активности указанных категорий лиц примерно одинаковы.

Как известно, преступность несовершеннолетних напрямую связана с проблемами беспризорности и безнадзорности. Как гласит ст. 1 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 02.04.2014) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» безнадзорным является «несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц»; беспризорный — «безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания». С увеличением числа безнадзорных и особенно беспризорных в стране растет число преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Однако в России отсутствуют единые официальные данные о численности беспризорных («распыленных» по подъездам, подвалам, вокзалам, чердакам и т.д. больших городов)¹⁰, и, соответственно, ее динамике. В то же время беспризорные составляют, по некоторым оценкам, до 40 % от общей численности малолетних нарушителей¹¹. Представляется, что прослеживая тенденцию распределения численности несовершеннолетних, доставленных в отделы внутренних дел за совершение правонарушений в течение последних десяти лет, можно судить о тенденции численности беспризорных (как наиболее криминогенно опасной из доставленных в отделы внутренних дел групп) и, тем самым, о тенденции численности несовершеннолетних преступников.

В 2003 г. в отделы внутренних дел за совершение правонарушений было доставлено 784 700 несовершеннолетних в возрасте 14—17 лет; в 2004 г. — 815 100; в 2005 г. — 832 800; в 2006 г. — 858 700; в 2007 г. — 808 000; в 2008 г. — 718 800; в 2009 г. — 612 900; в 2010 г. — 496 400; в 2011 г. — 396 700;

⁸ См.: Иванцов С. В., Калашников И. А. Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 135.

⁹ Расчет основан на данных ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России и данных Росстата о распределении населения по возрастным группам (см.: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 31.07.2014)).

¹⁰ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: Социологический портрет. М.: ЦСПИМ, 2010. С. 485.

¹¹ См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 484.

в 2012 г. — 334 80012. Как видно из приведенных данных, с 2007 г. происходит непрерывное снижение числа несовершеннолетних правонарушителей, доставленных в отделы внутренних дел. Отсюда можно предполагать, что с 2007 г. произошло снижение численности беспризорных в стране. С этими данными коррелируют сведения о том, что с 2008 г. стал снижаться коэффициент преступности несовершеннолетних.

Обратимся к аналогичным данным в отношении несовершеннолетних, не достигших 14 лет. Так, в 2003 г. в отделы внутренних дел за совершение правонарушений было доставлено 302 000 несовершеннолетних в возрасте до 14 лет (13 лет включительно); в 2004 г. — 300 300; в 2005 г. — 287 600; в 2006 г. — 273 000; в 2007 г. — 246 200; в 2008 г. — 209 500; в 2009 г. — 162 500; в 2010 г. — 131 300; в 2011 г. — 112 100; в 2012 г. — 99 000¹². Как видно, за исследуемый период (2003—2012 гг.) происходило непрерывное снижение числа несовершеннолетних, доставленных в отделы внутренних дел за совершение правонарушений. Отчасти это может быть связано с демографическими причинами. Но лишь отчасти, поскольку снижение численности данной категории несовершеннолетних нарушителей за указанные десять лет произошло в 3,05 раза, что значительно превышает размеры изменений численности детей в возрасте до 14 лет за этот же период времени в стране. Тем самым повышение благополучия в развитии детей более младшего возраста (до 14 лет) должно положительно отразиться на количественных показателях преступности несовершеннолетних в будущем, иными словами, предопределяет снижение преступности несовершеннолетних.

С 2005 по 2012 гг. происходит устойчивое снижение удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, в общем числе расследованных преступлений (см. таблицу 1). За указанные восемь лет их доля снизилась в 1,92 раза (с 9,8% в 2004 г. до 5,1% в 2012 г.). Если десять лет назад несовершеннолетними совершалось каждое десятое расследованное преступление, то в настоящее время — каждое восемнадцатое — девятнадцатое. Это свидетельствует о том, что тенденция снижения числа преступлений, совершенных несовершеннолетними,

является не просто отражением общей картины снижения числа всех зарегистрированных преступлений в стране (наблюдаемой с 2007 г.¹⁴), а происходит более выражено, чем в отношении всей преступности.

В структуре преступников также с 2005 года наблюдается устойчивое снижение доли выявленных лиц, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет. В 2003 г. доля последних составила 11,8% (145 577 человек); в 2004 г. — 12,4% (151 890); в 2005 г. — 11,6% (149 981); в 2006 г. — 10,9% (148 595); в 2007 г. — 10,0% (131 965); в 2008 г. — 8,6% (107 890); в 2009 г. — 7,0% (85 452); в 2010 г. — 6,5% (72 692); в 2011 г. — 6,3% (65 963); в 2012 г. — 5,9% (59 461); в 2013 г. — 6% (60 761)¹⁵. Как видно из представленных данных, за 2004—2013 гг. удельный вес выявленных лиц, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет, в структуре всех преступников, снизился в 2,06 раза. Если в 2004 г. каждый восьмой преступник являлся несовершеннолетним, то в 2013 г. — каждый семнадцатый, что свидетельствует о благоприятной тенденции. «Согласно экспертным оценкам для успешной борьбы с преступностью и контроля ее основных показателей необходимо, чтобы доля несовершеннолетних преступников составляла не более 4 — 5%. В противном случае преступность начинает развиваться лавинообразно»¹⁶. Следует отметить, что на протяжении последних десяти лет в России доля несовершеннолетних преступников постепенно приближается к названному учеными показателю. Однако рост преступлений, совершенных несовершеннолетними, и коэффициента их криминальной активности в 2013 г. в совокупности с иными указанными ниже изменениями в ее динамике, указывают на возможное замедление темпов приближения к этому значению или же вообще отдаление от него в будущем.

На протяжении исследуемого периода (2004—2013 гг.) с 2008 по 2013 гг. происходит устойчивое снижение абсолютного числа осужденных лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте (с 84 099

¹² См.: Социальное положение и уровень жизни населения России : статистический сборник. М. : Росстат, 2007. С. 450 ; Социальное положение и уровень жизни населения России : статистический сборник. М. : Росстат, 2013. С. 273.

¹³ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007. С. 450 ; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013. С. 273.

¹⁴ В 2006 г. зарегистрировано 3 855 373 преступления ; в 2007 г. — 3 582 541 преступление ; в 2008 г. — 3 209 862 ; в 2009 — 2 994 820 ; в 2010 — 2 628 799 ; в 2011 г. — 2 404 807 ; в 2012 г. — 2 302 168 ; в 2013 г. — 2 206 249 преступлений (см.: Преступность и правонарушения (2004—2008). С. 13 ; Преступность и правонарушения (2008—2012). С. 13 ; Состояние преступности в России на январь—декабрь 2013 года. С. 6.

¹⁵ См.: Преступность и правонарушения (2004—2008). С. 20 ; Преступность и правонарушения (2008—2012). С. 20 ; Состояние преступности в России на январь—декабрь 2013 года. С. 38.

¹⁶ Иванцов С. В., Калашников И. А. Указ. соч. С. 134.

в 2007 г. до 29 200 в 2013 г.)¹⁷. Данная тенденция наблюдается на фоне устойчивого снижения с 2008 по 2013 гг. общего числа осужденных в стране (с 929 025 в 2007 г.

до 735 605 в 2013 г.)¹⁸. При этом динамика удельного веса несовершеннолетних осужденных в структуре всех осужденных не имеет устойчивой тенденции (см. таблицу 2).

Таблица 2

Удельный вес осужденных, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет, в структуре всех осужденных

Год	Всего, %	Из них		
		доля мужчин, %	доля лиц в возрасте 16—17 лет, %	доля лиц, совершивших преступление в группе, %
2003	12,5	93,4	66,6	66,5
2004	12,3	93,2	67,5	63,8
2005	11,3	92,6	68,3	61,1
2006	9,0	92,5	68,9	58,7
2007	9,2	92,2	69,5	56,7
2008	7,9	92,0	70,5	51,1
2009	6,3	91,6	72,1	48,6
2010	4,0	91,5	70,8	48,0
2011	4,9	92,5	69,8	49,0
2012	4,4	92,6	69,7	48,5
2013	4,0	93,0	69,5	47,5

На протяжении 2004—2013 гг. среди осужденных, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет, традиционно преобладают мужчины (это связано с психологическими, психическими и физическими особенностями мальчиков, различием в воспитании мальчиков и девочек, в интересах, большей активностью и предприимчивостью лиц мужского пола). Однако с 2004 по 2010 гг. наблюдалась устойчивая тенденция увеличения доли женщин среди несовершеннолетних осужденных (с 6,8% в 2004 г. до 8,5% в 2010 г.) — так называемая «феминизация». В 2011 г. доля женщин среди осужденных, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет, снизилась до 7,5%; в 2012 г. — 7,4%; в 2013 г. — 7%. Среднегодовое значение данного показателя для женщин в 2003—2013 гг. составило 7,5%. Следовательно, последние три года доля женщин среди несовершеннолетних осужденных ниже среднегодового показателя, характерного для 2003—2013 гг., и тенденция феминизации не наблюдается.

По возрасту наиболее криминогенной традиционно остается группа несовершеннолет-

них 16—17 лет (это связано в первую очередь тем, что за подавляющее большинство преступлений уголовная ответственность установлена с шестнадцатилетнего возраста). На протяжении 2003—2013 гг. наблюдаются две устойчивые тенденции в динамике значений данного показателя: рост до 2009 г. (включительно) и снижение с 2010 г. В среднем на протяжении указанных одиннадцати лет удельный вес осужденных в возрасте 16—17 лет составил 69,7% среди всех осужденных, совершивших преступление в возрасте 14—17 лет.

С 2004 по 2010 гг. происходит устойчивое снижение доли осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте в группе: с 66,5% в 2003 г. до 48% в 2010 г. В 2011 г. их доля увеличилась до 49%, в 2012 г. составила 48,5%; в 2013 г. — 47,5%. В среднем в год на протяжении 2003—2013 гг. осуждено 54,5% несовершеннолетних, совершивших преступление в группе (это связано с психологическими особенностями лиц несовершеннолетнего возраста, которые стремятся к утверждению себя в группе сверстников; легче поддаются влиянию группы антиобщественной направленности, чем взрослые; не имеют достаточного жизненного опыта, умений, знаний и навыков

¹⁷ См.: Основные показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы : статистический сборник. М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2008. С. 5 ; Основные показатели состояния судимости в России за 2008—2013 годы : статистический сборник. М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2014. С. 6.

¹⁸ См.: Основные показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы. С. 3 ; Основные показатели состояния судимости в России за 2008—2013. С. 3.

для успешного самостоятельного совершения планируемых преступлений; в группе преодолевают чувство страха). Следует отметить, что на протяжении 2008—2013 гг. данный показатель имеет значение ниже указанного среднегодового. Это может свидетельствовать об углублении антиобщественной направленности личности несовершеннолетних преступников и, соответственно, повышении общественной опасности их индивидуального преступного поведения.

В 2004—2012 гг. происходит снижение доли особо тяжких и тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних¹⁹. Так, доля убийств и покушений на убийство, изнасилований и покушений на изнасилование, причинения тяжкого вреда здоровью снизилась с 3,9% в 2004 г. до 2,0% в 2012 г. Кроме этого, произошло снижение доли разбоев и грабежей (с 16,0% в 2004 г. до 12,5% в 2012), доли хулиганств (с 0,9% в 2004 г. до 0,1% в 2012 г.), доли вымогательств (с 2,1% в 2004 г. до 1,1% в 2012 г.). При этом для крупных экономически развитых регионов страны с высоким уровнем мигрантов (иностранцев граждан и лиц без гражданства) характерно изменение мотивации преступлений против личности, увеличение доли среди них тех, которые совершаются на почве национальной нетерпимости. В частности, в обобщении Московского областного суда судебной практики за 2005—2009 гг. по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, указано, что «все чаще как убийства, так и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью со смертельными последствиями совершаются в группе лиц, на почве национальной нетерпимости, из хулиганских побуждений. Отмечается особая дерзость несовершеннолетних, изощренность их действий при совершении подобных преступлений»²⁰.

За исследованный период значительно увеличился удельный вес краж (с 54,3% в 2004 г. до 60,4% в 2012 г.), а также доля случаев незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки, пересылки либо сбыта наркотических средств или психотропных веществ (с 2,3% в 2004 г. до 3,4% в 2012 г.). Кроме этого, устойчиво растет число несовершеннолетних, осужденных за неправомерное завла-

дение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (с 7,6% в структуре несовершеннолетних осужденных в 2005 до 11,1% в 2013 г.)²¹.

Таким образом, основные, устойчивые изменения на протяжении 2004—2013 гг. в структуре преступности несовершеннолетних (снижение доли тяжких и особо тяжких преступлений на фоне роста числа корыстных преступлений, не связанных с применением насилия) следует оценить как благоприятные.

Вместе с тем, помимо отмеченных выше некоторых негативных изменений в динамике преступности несовершеннолетних, которые без должного реагирования на них со стороны государственных органов могут стать устойчивыми тенденциями, сопровождающимися повышенными общественно опасными последствиями, обращают на себя внимание следующие два.

Первое. На фоне непрерывного увеличения доли осужденных, совершивших преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами в несовершеннолетнем возрасте (с 2,4% в 2005 г. до 7,3% в 2013 г.), происходит устойчивое (хотя и незначительное для рассматриваемого периода времени) снижение удельного веса осужденных, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения (с 0,6% в 2003 г. до 0,4% в 2013 г.). Представляется, что несовершеннолетние все чаще являются участниками незаконного оборота наркотиков (наркобизнеса) и сами наркотики, как правило, не употребляют. Дальнейшее развитие данной тенденции будет сопровождаться повышением организованности преступности несовершеннолетних. Возникнут отношения раздела сфер влияния (отсюда — начнет расти уровень криминального насилия), устранения конкурентов (отсюда — повышение числа заказных убийств), нейтрализация противодействия наркобизнесу со стороны государства (отсюда — установление коррупционных связей или иные преступные деяния). Таким образом, оборот наркотиков, в который все чаще включаются несовершеннолетние и который не связан с применением насилия, может перерасти в организованную преступность, связанную с криминальным насилием.

Второе. Последние три года среди лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, существенно увеличилась доля тех, кто ранее отбывал наказание в воспитательных колониях (учтены

¹⁹ См.: Преступность и правонарушения (2004—2008). С. 49 ; Преступность и правонарушения (2008—2012). С. 20 ; Состояние преступности в России на январь—декабрь 2013 года. С. 49.

²⁰ Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними [Электронный ресурс]: обобщение Московского областного суда от 01.06.2010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Основные показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы. С. 5 ; Основные показатели состояния судимости в России за 2008—2013 годы. С. 6.

лица в возрасте 14—20 лет) (см. таблицу 3)²². Ни в одном из указанных в таблице предыдущих лет (2003, 2004, 2005... 2010 гг.) в воспитательных колониях не содержалось столько лиц, ранее отбывавших наказание в воспитательных колониях, сколько содержалось в 2011, 2012 или 2013 гг. Причем данная динамика происходит на фоне ежегодного (с 2003

по 2013 гг.) снижения числа лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте и осужденных к реальному лишению свободы (в 2003 г. — 25 236 человек; в 2004 г. — 20 831; в 2005 г. — 23 530; в 2006 г. — 19 898; в 2007 г. — 17 685; в 2008 г. — 16 520; в 2009 г. — 11 678; в 2010 г. — 8 644; в 2011 г. — 6 065; в 2012 г. — 5 053; в 2013 г. — 4 604)²³.

Таблица 3

Число лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, которые ранее отбывали наказание в воспитательных колониях

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
848 (6,2%*)	597 (4,5%)	684 (8,5%)	524 (4,1%)	642 (6%)	391 (4,6%)	267 (4,5%)	195 (4,8%)	1366 (48,6%)	1118 (48,8%)	963 (48,6%)

* Удельный вес среди всех лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних

С одной стороны, это свидетельствует о серьезных недостатках в деятельности органов внутренних дел, прокуратуры, суда (в части установления всех обстоятельств по делу и назначения соответствующего общественной опасности преступления, характеристике личности виновного и иным обстоятельствам, наказания за преступление, совершенное несовершеннолетним впервые), учреждений уголовно-исполнительной системы (в части эффективного применения средств исправления ценностно-нормативной сферы личности осужденного), иных органов государства (в части обеспечения эффективной ресоциализации несовершеннолетних, освободившихся из воспитательных колоний). В результате цель наказания — предупреждение совершения лицом нового преступления — не достигнута.

С другой стороны, высокая степень концентрации в воспитательных колониях лиц, ранее отбывавших в них наказание, ведет к усилению эффекта «вторичного заражения», характерного для мест лишения свободы, распространению криминальных обычаев и традиций как во времени, так и в пространстве. «Рецидивная преступность, культивируя криминальные традиции и обычаи, создает питательную среду для первичной»²⁴.

Поэтому исходя из сложившейся ситуации необходимо планирование и осуществление эффективного комплекса мер по социальной реабилитации (в том числе финансовому обеспечению социальных программ, связанных с увеличением рабочих мест для лиц, освободившихся из воспитательных колоний, решением жилищных вопросов и т.д.) и контролю со стороны органов внутренних дел за поведением тех лиц, которые будут освобождаться из воспитательных колоний (главным образом из числа ранее отбывавших наказание в воспитательных колониях) в первую очередь в период до 2020 г. (поскольку указанной категории несовершеннолетних преступников наказание в виде лишения свободы назначается на срок не свыше 10 лет (ч. 6 ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁵)).

Как известно, важнейшим субъектом социализации ребенка является семья. В свою очередь, на возможности семейного участия в формировании направленности личности ребенка оказывают влияние доминирующие тенденции в обществе (социально-экономического и духовно-нравственного характера). Поэтому важную роль в процессе социализации подрастающего поколения играет государство, от которого зависит создание условий для благополучного развития детей в семье (обеспечение для родителей или иных законных представителей возможностей осуществления трудовой деятельности за соответствующее труду вознаграждение, реализации права на отдых, права на предусмотренное законом социальное обеспечение, на жилище, на медицинскую помощь и т.д.), иных институтах социализации (школах, досуговых учреждениях, местах, предоставляющих несовершеннолетним,

²² См.: Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL://http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK (дата обращения: 25.07.2014).

²³ См.: Основные показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы. С. 10; Основные показатели состояния судимости в России за 2008—2013 годы. С. 11.

²⁴ Антонян Ю. М. Многократный рецидив преступлений: монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. Параграф 1 главы 1. Общий взгляд и основные понятия. С. 21.

²⁵ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

достигшим 16-ти лет, работу, и т.д.), а также формирование духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения (через средства массовой информации, должностных лиц, общающихся с ребенком (например, работники школ, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, проводящие занятия с детьми в школах, и т.д.)).

Представляется, что позитивные тенденции по всем количественным и качественным показателям преступности несовершеннолетних, наблюдаемые в 2008—2012 гг., связаны с некоторым улучшением условий, в которых росли несовершеннолетние, родившиеся после смены общественно-политического строя (после 1993 г.), по сравнению с теми несовершеннолетними, которые были рождены в 1988—1990 гг. Факторы, обусловленные переходным периодом (сложности адаптации подавляющего большинства населения и выхода из политического кризиса), оказали непосредственное влияние на характер и степень участия семьи и государства в развитии детей.

Таким образом, исследование статистических данных, разносторонне характеризующих динамику преступности несовершеннолетних в течение 2003—2013 гг., позволило выявить следующие благоприятные тенденции количественного и качественного характера. Во-первых, снижение с 2006 г. абсолютных и с 2008 г. относительных показателей объема совершенных несовершеннолетними преступлений (по 2012 г.); во-вторых, сокращение с 2005 г. вдвое удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, в структуре всей преступности и доли несовершеннолетних прес-

тупников среди всех преступников (по 2012 г.); в-третьих, снижение с 2004 г. доли тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних (по 2012 г.). На протяжении 2008—2012 гг. зафиксированы все из указанных положительных тенденций.

Выявлены и негативные изменения в динамике преступности несовершеннолетних последних лет, которые, несмотря на продолжение существования в будущем имеющих благоприятных условий государственной политики и семейных отношений для социально позитивного развития подрастающего поколения, способны негативно сказаться на динамике преступности несовершеннолетних. К ним относятся: интенсивное включение в течение 2004—2013 гг. несовершеннолетних в наркобизнес и высокая степень концентрации на протяжении 2011—2013 гг. в воспитательных колониях лиц, которые ранее отбывали наказание в воспитательных колониях. Статистические данные за 2013 г. сигнализируют о начавшихся негативных изменениях в преступности несовершеннолетних: увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии (+4,6% в АППГ), увеличение доли данной группы преступлений в структуре преступности (+5,9% к АППГ), увеличение коэффициента криминальной активности несовершеннолетних (+6,9% к АППГ). Поэтому необходимо незамедлительное реагирование государства на данные изменения с целью пресечения их перерастания в устойчивые тенденции и минимизации порождаемых ими криминогенных явлений.

Библиография:

1. Борбат А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних в Москве // Преступность, статистика, закон / под ред. А. И. Долговой. — М., Криминологическая ассоциация. 1997. — С. 73—81.
2. Васькэ Е. В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ. — М.: Генезис, 2009. — 428с.
3. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2009. — 504 с.
4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: Социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — 592 с.
5. Гумирова Г. Ф. Преступность несовершеннолетних как социальная проблема // Российская юстиция. — 2008. — № 6. — С. 54—56.
6. Жилиева С. К. Проблемные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних // Российский следователь. — 2010. — № 1. — С. 22—28.
7. Иванцов С. В., Калашников И. А. Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. — 2010. — № 4. — С. 134—139.
8. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Преступления несовершеннолетних против личности: криминологическая характеристика и предупреждение // Российский следователь. — 2013. — № 12. — С. 34—36.
9. Многократный рецидив преступлений: монография / под ред. Ю. М. Антоняна. — Рязань: Академия ФСИН России, 2009. — 316 с.
10. Омигов В. И. Преступность несовершеннолетних: ее характеристика // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 3. — С. 13—16.
11. Токмаков Д. С. Анализ статистики насильственной преступности несовершеннолетних в России // Общество и право. — 2009. — № 5. — С. 225—227.

12. Хомиченко Ю. В. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 163—166.
13. Чапурко Т. М., Грицун И. М. Преступность несовершеннолетних и возможности государственного реагирования на нее // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 2. — С. 273—275.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2014 г.

TENDENCIES OF JUVENILE CRIME (2004-2013)

Volkonskaya, Ekaterina Konstantinovna – PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Region Filial Office of the Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.

[volkonskayaek@mail.ru]

1431100, Russia, Moskovskaya obl., Ruzskiy r-on, Staroteryaevu.

Review: *The author studies quality and quantity markers of the juvenile crime in its dynamics in order to single out the changes and tendencies, to explain the correlations between these tendencies and the current social processes in Russia. The author also compares the statistical data of the Main Information and Analysis Center of the MIA of the Russian Federation and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on criminal matters with the data provided by the public statistics and the observations of the author on certain matters in social reality, criminological forecasting. For the first time since the early 2000s the dynamics of juvenile crime were studied, the period involved the formation and completion of a sustainable modern development tendency. Throughout the period of 2004 to 2013 the following positive quality and quantity tendencies have appeared: a) the absolute (since 2006) and relative (since 2008) amounts of juvenile crimes have lowered (till 2012); b) the relative share of crimes committed by juveniles and crimes in which juveniles have co-participate within the structure of crimes and criminals lowered since 2005 to 2012; c) the share of grave and especially grave committed by juveniles was also lowered since 2005 to 2012. All of these tendencies in the period of 2008 to 2012 are beneficial. The author also noted some negative tendencies in the juvenile crime dynamics of the latest years, and in spite of beneficial state policy and family situations in favor of positive development of the youth, these tendencies are capable of having negative impact upon the juvenile crime dynamics. They include active involvement of juveniles in narcotic business in 2004-2013 and large number of repeated offenders among the offenders in the juvenile correctional facilities in 2011-2013. The article involves discussion of the negative effects of these crime-generating factors. The statistical data of 2013 also signal of the forming negative changes in juvenile crime: growing number of crimes committed by juveniles or crimes in which juveniles have co-participated (+4,6% to the analogous period of last year (APLY), growing share of this type of crime among the crimes (+5,9% to APLY), growing coefficient of juvenile criminal activities (+6,9% to APLY).*

Keywords: *crime, juvenile, latent, convict, drug business, dynamics, coefficient of crime, coefficient of criminal activity, homeless, structure.*

Bibliography:

1. Borbat, A.V. Problems of juvenile crime in Moscow. // Crime, statistics, law. / Ed. by A.I. Dolgovaya. – M., Kriminologicheskaya assotsiatsiya. 1997. P. 73 – 81.
2. Vaske, E.V. Evolution of juvenile crime in Russia: Psychological and legal analysis. M.: Genезis, 2009. – 428 p.
3. Gilinskiy, Y.I. Criminology: theory, history, empirical basis, social control. 2nd. Ed., amended. SPb.: Izd-vo R.Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2009. – 504 p.
4. Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. The youth of Russia: sociological portrait. M.: TsSPiM, 2010. – 592 p.
5. Gumirova, G.F. Juvenile crime as a social problem. // Rossiyskaya yustitsiya. 2008. N. 6. P. 54 – 56.
6. Zhilyaeva, S.K. Topical issues of prophylactics of juvenile crime. // Rossiyskiy sledovatel. 2010. N. 1. P. 22 – 28.
7. Ivantsov, S. V., Kalashnikov, I.A. Organized character as a criminological specificity of juvenile crime. // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2010. N. 4. P. 134 – 139.
8. Lelekov, V.A., Kosheleva, E.V. Juvenile crimes directed against persons: criminological characteristics and prevention. // Rossiyskiy sledovatel. 2013. N. 12. P. 34 – 36.
9. Multiple repeated crimes. A monograph. / Ed. by Y.M. Antonyan. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2009. – 316 p.
10. Omigov, V.I. Juvenile crime: its characteristics. // Juvenile justice issues. 2012. N. 3. P. 13 – 16.
11. Tokmakov, D.S. Statistical analysis of the violent crimes in Russia. // Obshchestvo i pravo. 2009. N. 5. P. 225 – 227.
12. Khomichenko, Y.V. Group juvenile crime and its prevention. // Obshchestvo i pravo. 2010. N. 5. P. 163 – 166.
13. Chapurko, T.M., Gritsun, I.M. Juvenile crime and possibilities of state reaction to it. // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. 2008. N. 2. P. 273 – 275

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НОВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

Т. К. Агузаров*,
Ю. В. Грачева**,
А. И. Чучаев***

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье обосновывается необходимость самостоятельной уголовно-правовой охраны главы государства. Взятый сам по себе, как таковой, он обладает социальной ценностью, которая была поставлена под защиту в дореволюционной России и как это сделано в настоящее время в абсолютном большинстве стран мира. При этом авторы исходят из того, что общественные отношения, характеризующие главу государства как олицетворение страны внутри нее и за рубежом, несомненно более ценны, чем отношения, характеризующие, скажем, государственный порядок управления, поставленный под защиту действующим уголовным законодательством. В связи с этим рассматриваются вопросы социально-правовой обусловленности уголовно-правовой охраны Президента РФ исходя из наличия в Конституции РФ специальной нормы о неприкосновенности главы государства (ст. 91), имеющей два аспекта, во-первых, как гарантии его деятельности; во-вторых, как запрет физического или психического воздействия на главу государства.*

В связи с разработкой модели уголовно-правовых норм, имеющих специальную цель охраны Президента страны, авторы решают как минимум еще три проб-

© Агузаров Т. К. , 2015

* Агузаров Тамерлан Кимович — кандидат юридических наук, Глава Республики Северная Осетия — Алания.

[apinf@rso-a.ru]

362038, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, пл. Свободы, 1.

© Грачева Ю. В., 2015

** Грачева Юлия Викторовна — доктор юридических наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

[uvgracheva@mail.ru]

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

© Чучаев А. И., 2015

*** Чучаев Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[moksha1@rambler.ru]

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

лемы: 1) о месте этих норм в системе Особенной части УК РФ; 2) о круге социальных ценностей, подлежащих самостоятельной уголовно-правовой охране; 3) о наборе криминообразующих признаков в конкретных составах преступлений. В статье представлена теоретическая модель главы «Преступления против главы государства — Президента Российской Федерации».

В заключение авторами делается вывод: уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности главы государства есть объективная необходимость. Принятие специальных уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на него усилит защиту конституционных основ государственной власти, а значит и российской государственности.

Ключевые слова: глава государства, Президент РФ, уголовно-правовые средства охраны, исторический опыт, зарубежный опыт, социальная обусловленность, социальные ценности, подлежащие охране, криминообразующие признаки, модель главы УК «Преступления против главы государства — Президента Российской Федерации».

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.060-072

1. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны главы государства

Нормы об охране главы государства, по сути, имеют те же основы, что и нормы об охране власти вообще. При этом следует иметь в виду, что общественные отношения, характеризующие главу государства как олицетворения страны внутри нее и за рубежом, несомненно более ценны, чем отношения, характеризующие, скажем, государственный порядок управления. Посягательств на этот объект в принципе не может быть много, хотя, как показывает мировой опыт, исключать их нельзя¹. Глава государства, взятый сам по себе, как таковой, обладает социальной ценностью, предопределяющей необходимость его самостоятельной уголовно-

правовой охраны, как это было в дореволюционной России и как это сделано в настоящее время, в отличие от России, в абсолютном большинстве стран мира.

В конституционном праве главой государства принято считать высшее должностное лицо или государственный орган, юридически занимающее высшее место в системе органов власти². Б. С. Эбзеев отмечает, что «действующая Конституция определила статус Президента в качестве главы государства, а не “высшего должностного лица и главы исполнительной власти”, как это было на начальном этапе российской президентуры, что, в свою очередь, повлекло изменение его места и роли в механизме государственной власти, обновление функций и полномочий, характера взаимоотношений с парламентом, правительством и т.п.»³.

¹ Например, например, первым американским Президентом США, на которого было совершено покушение, был Эндрю Джексон. 30 января 1835 г. в здании Капитолия в него дважды стреляли, но оба раза пистолет дал осечку. 14 апреля 1865 г. в ложе театра был ранен и на следующий день скончался Абрахам Линкольн. Сидевший рядом с ним госсекретарь США Уильям Сьюард получил ранения, но выжил. 2 июля 1881 г. на вашингтонском вокзале в упор расстреляли президента Джеймса Гарфилда (умер 19 сентября). 6 сентября 1901 г. во время церемонии открытия Панамериканской выставки в Буффало (штат Нью-Йорк) был тяжело ранен Уильям МакКинли (скончался 14 сентября). 14 октября 1912 г. было совершено покушение на кандидата в президенты США Теодора Рузвельта (рана оказалась не смертельной). 15 февраля 1933 г. преступник стрелял в Франклина Делано Рузвельта, но промахнулся. Смертельно был ранен мэр Чикаго. 1 ноября 1950 г. была совершена попытка убийства президента Гарри Трумэна в его резиденции на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне. Один преступник был убит, второй задержан. 22 ноября 1950 г. в Далласе убит президент Джон Кеннеди; 5 июня 1968 г. — сенатор, кандидат в президенты Роберт Кеннеди. 15 мая 1972 г. в штате Мэриленд совершено покушение на кандидата в президенты Джорджа Уоллеса. 22 февраля 1974 г. в Балтиморе (штат Мэриленд) предотвращено покушение на Ричарда Никсона. 5 и 21 сентября были совершены покушения на президента Джеральда Форда (в первый раз произошла осечка, во второй преступница промахнулась). 30 марта 1981 г. в Вашингтоне тяжело ранен Рональд Рейган.

По некоторым данным, на жизнь Билла Клинтона покушались около 30 раз, только с 12 сентября 1993 по 23 мая 1994 г. — четыре раза. Неоднократные попытки покушений совершались на президента Джорджа Буша-младшего. Предпринимались такие попытки и в отношении Барака Обамы.

4 декабря тяжело ранен президент Гвинеи Мусу ДадиКамара. 22 февраля 2012 г. совершено очередное покушение на президента Александра Анкваба.

11 сентября 2013 г. осужден к лишению свободы сроком на 10 лет гражданин Казахстана И. Пьянзин, готовивший покушение на жизнь Президента РФ В.В. Путина.

Этот список, разумеется, неполный (по материалам интернет-изданий).

² См.: Кутафин О. Е. Глава государства. М., 2012. С. 4.

³ Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России : Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 210.

Ему принадлежит право представлять государство во внутригосударственных, в межгосударственных и международных отношениях. «Глава государства — это его внешний представитель внутри и вне страны и вместе с тем символ единства нации (народа) и государства. Он может быть главой государства номинально или реально. Однако в условиях любого политического кризиса, когда остальные государственные органы по тем или иным причинам не в состоянии управлять страной, именно глава государства призван найти выход из сложившейся ситуации, являясь своего рода резервом государственной власти»⁴.

Юридическая форма главы государства различна. Например, из Средневековья пришли такие ее единоличные формы, как монарх и президент. Встречаются коллегиальные органы, выступающие в качестве рассматриваемого государственного института, а также государственные органы, не являющиеся таковыми, но фактически исполняющие функции главы государства наряду с другими функциями⁵.

Согласно ст. 80 Конституции РФ главой государства является президент⁶. Это обстоятельство обусловило наделение его «полномочиями, обеспечивающими единство государственной власти, устойчивость системы управления государственными делами, согласованное функционирование ветвей власти в условиях конституционного разделения властей»⁷.

В указанной же статье в общем виде определен конституционно-правовой статус главы государства. Президент объявлен гарантом Конституции Российской Федерации. Как гарант он обладает обширными полномочиями: назначает выборы Государственной Думы; распускает Государственную Думу; назначает ре-

ферендум; вносит законопроекты в Государственную Думу; подписывает и обнародует федеральные законы; обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (ст. 84 Конституции РФ)⁸. Глава государства выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина. Другими словами, Президент ответственен за создание условий, обеспечивающих фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод всех и каждого⁹. Примечательно, что в присяге президента, произносимой при вступлении им в должность, выделена указанная правозащитная функция: «Клянусь... уважать охранять права и свободы человека и гражданина...» (ст. 82 Конституции РФ)¹⁰.

По сути, нет ни одного субъективного права или свободы человека и гражданина, в реализации которого у Президента не было бы возможности принять участие. Он направляет деятельность всего государственного аппарата по их обеспечению, оперативно реагирует на нарушения, принимает необходимые меры для восстановления нарушенных прав и свобод. В этих целях Конституцией РФ ему предоставлено право, например, приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения вопроса судом (ч. 2 ст. 85); использовать вето (ч. 3 ст. 107)¹¹; вводить на территории РФ или в отдельных ее частях чрезвычайное положение, когда необходимо защитить права и свободы личности (ст. 88), и др.

Президент располагает специальным аппаратом, выполняющим функции, связанные с защитой указанных прав и свобод: Совет при пре-

⁴ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Б. А. Страшуна. М., 2005. С. 691.

⁵ Так, в Конституциях СССР и конституциях союзных республик не содержится упоминания о главе государства, фактически же таковым являлся ЦИК СССР и аналогичные органы союзных республик (см. об этом подробно: Кутафин О. Е. Глава государства. С. 8—9).

⁶ В оценке места Президента РФ в системе государственных органов в конституционном праве России нет единого мнения. Подробно об этом см.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2006; Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М., 1996; Суворов В. Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Чиркин В. Е. Президент и исполнительная власть в системе разделения властей: реалии современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2003; Шмавонян Г. А. Юридический характер президентской власти в российской системе разделения властей // Конституционный строй России. Вып. 4. М., 2003 и др.

⁷ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л. В. Лазарева. М., 2009. С. 493.

⁸ Пределы власти главы государства ограничены Конституцией РФ. В связи с этим В. О. Лучин замечает, что Президента «как главу государства и гаранта Конституции не следует абсолютизировать, ведь эти и все другие свои функции он должен осуществлять в соответствии с Конституцией, а не произвольно» (Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 465).

⁹ См. об этом подробно: Снежко О. А. Президент Российской Федерации — гарант прав и свобод граждан // Право и политика. 2005. № 2. С. 69.

¹⁰ Следует согласиться с Л. Д. Воеводиным, что в демократическом, правовом государстве гарантом является не какое-либо должностное лицо, даже пусть и высшее, а народ. Именно народ возлагает на президента обязанность защищать права и свободы человека и гражданина, для реализации которой наделяет его широкими полномочиями (см.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 257).

¹¹ Вето президента является не абсолютным, а отлагательным (суппензивным); Конституцией РФ предусмотрен механизм его преодоления.

зиденте по содействию развитию институтов гражданского общества по правам человека; Управление по работе с обращениями граждан; Управление по обеспечению конституционных прав граждан и др.

Глава государства принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, что непосредственно вытекает из ч. 3 ст. 4 Конституции РФ. «Территориальная целостность — это сохранение суверенитета государства над имеющейся у него территорией. ...Неприкосновенность территории государства — это ее защищенность от любых попыток захвата со стороны иностранных государств»¹².

Обширны полномочия президента в области обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. По мнению О.Е. Кутафина, в этом случае речь идет не обо всех, а только о подчиненных непосредственно главе государства органах исполнительной власти (например Министерство обороны РФ)¹³. Иное толкование данной функции нарушало бы принцип независимости законодательных органов и суда.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции РФ президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Эти и другие функции свидетельствуют, что глава государства, избираемый в результате всенародного голосования, занимает самостоятельное и главенствующее положение в системе органов государственной власти. Причем в Конституции РФ он назван первым, до Федерального Собрания — представительного и законодательного органа Российской Федерации, Правительства РФ, осуществляющего исполнительную власть, и судебной власти, реализуемой посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Таким образом, при совершении преступления против главы государства имеет место посягательство на основы конституционного строя России. В этом случае может сложиться впечатление, что выделение в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны президента страны излишне, дублирует уже имеющиеся уголовно-правовые нормы. Но это далеко не так. В гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ, по сути, лишь ст. 277 охватывает посягательство на личную неприкосновенность главы государства. При этом обращает на себя внимание, что ответственность по данной

статье не дифференцируется в зависимости от конституционно-правового статуса потерпевшего — в один ряд поставлены как Президент страны, так и иные государственные и общественные деятели, хотя институт главы государства — особый, олицетворяемый с самим государством. Общественная опасность посягательства на него неизмерима с общественной опасностью деяния, совершаемого в отношении других государственных и общественных деятелей. Между тем уголовно-правовая репрессия не может быть уравнивающей, «не должно быть одномасштабного, усредненного подхода к различным категориям преступлений и преступников»¹⁴.

Общественная опасность составляет важнейшее социальное свойство преступления. В законодательстве она отражается одним из трех способов: 1) указанием на объект преступления; 2) закреплением вреда, причиняемого деянием; 3) сочетанием в формулировке нормы как объекта уголовно-правовой охраны, так и преступных последствий. При самостоятельной криминализации деяний против главы государства может быть использован любой из указанных приемов законодательной техники. Однако так или иначе объект уголовно-правовой охраны будет учтен во всех специальных нормах, посвященных защите президента страны средствами уголовного права, тем самым в том числе будет подчеркиваться и особая общественная опасность посягательств на него. Эта опасность не зависит от правовой оценки его законом, она отражает объективное свойство деяния, но становится свойством преступления после такой оценки, поэтому квалификация посягательства на главу государства, скажем, по ст. 277 УК РФ, не будет учитывать фактическую опасность содеянного. Именно в том числе и в связи с этим необходима самостоятельная криминализация деяний, посягающих на президента страны.

Уголовно-правовая норма должна быть социально обусловлена. Это предопределено тем, что «общество основывается не на законе... Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства, интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума»¹⁵. В данном случае указанная обусловленность в первую очередь находит подтверждение в социальной значимости объекта уголовно-правовой охраны, а следовательно, в общественной опасности посягательств на него.

¹² Кутафин О. Е. Глава государства. С. 330.

¹³ См.: Там же. С. 340.

¹⁴ Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. С. 94.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 259.

Глава 29 УК РФ содержит лишь одну норму, направленную на защиту главы государства. Поэтому действующий Уголовный кодекс не обеспечивает уголовно-правовую охрану иных интересов главы государства, например, чести, достоинства и т.д. Квалификация подобного рода деяний по нормам о преступлениях против личности не будет учитывать их социальную направленность и мотивацию, иначе говоря, субъективную составляющую, что также убеждает в целесообразности дополнения УК РФ главой о преступлениях против Президента страны.

В пользу сказанного свидетельствует и наличие в Конституции РФ специальной нормы о неприкосновенности главы государства (ст. 91). В конституционно-правовой литературе выделяются два ее аспекта: во-первых, как гарантия деятельности. «Эта гарантия выходит за рамки общих принципов неприкосновенности личности, установленных Конституцией (ст. 22 и 23), носит публично-правовой характер и призвана обеспечить повышенную охрану Президента в силу осуществляемых им государственных функций. Президента нельзя привлечь к уголовной и административной ответственности, подвергнуть обыску, досмотру, иным мерам принудительного характера. Неприкосновенность Президента не ограничивается личной неприкосновенностью. Она распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые личные и служебные транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы, вещи»¹⁶.

Во-вторых, неприкосновенность рассматривается как запрет физического или психического воздействия на главу государства. С. А. Авакьян, например, пишет: его неприкосновенность означает, что «никто не может применить в отношении президента физического или психического насилия»¹⁷. Данное обстоятельство представляется очень важным, оно непосредственно указывает на необходимость самостоятельной уголовно-правовой защиты главы государства.

В литературе подчеркивается двойственная правовая природа конституционных норм: с одной стороны, они регулируют общественные отношения, которые входят исключительно в предмет конституционного права как отрасли законодательства; с другой стороны, регламентируют отношения, являющиеся базовыми, главными для других отраслей права¹⁸. В связи с последним утверждением в уголовном праве

о соотношении с конституционным правом высказаны два достаточно близких мнения:

1) Конституция РФ является базой для уголовного законодательства¹⁹; в этом случае Основной закон страны признается актом, содержащим общие принципы уголовно-правового регулирования²⁰, главные принципы уголовной политики²¹, поэтому учитываются законодателем, которым конституционные положения «конкретизируются в уголовном законе»²². Некоторые авторы утверждают, что Конституция РФ сама содержит отдельные уголовно-правовые нормы²³, с чем вряд ли можно согласиться;

2) Конституция РФ признается основой, источником уголовного законодательства²⁴.

Надо иметь в виду, что Конституция РФ как источник уголовного права в литературе рассматривается, во-первых, в материальном смысле; в этом случае берется во внимание вся совокупность экономических, политических, идеологических, социальных и иных оснований, оправдывающих существование уголовно-правовых норм²⁵. Во-вторых, она толкуется в формальном,

¹⁹ См., например: Адоевская О. А. О системообразующих связях уголовного права с другими отраслями права // Вест. Самарской гуманитарной академии. Сер. 11. Право. 2007. № 1.

²⁰ См., например: Тирский В. В. О некоторых моментах взаимосвязи Конституции и уголовного законодательства // Новая Конституция СССР и вопросы государства и права. Томск, 1979.

²¹ См., например: Третьяков А. В. Источники уголовной политики современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 1.

²² См., например: Тирский В. В. Указ. соч. С. 142.

²³ См.: Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб., 2006. С. 47. Более того, Ю. Е. Пудовочкин и С. С. Пирвагидов, предлагая суброгировать норму, предусмотренную ст. 1 УК РФ, считают целесообразным в качестве источников в ней указать: «...нормы Конституции Российской Федерации, регулирующие отношения, возникающие в связи с совершением преступления...» (Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 158). В этом случае нарушается отраслевой принцип регулирования отношений.

²⁴ См., например: Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001.

²⁵ См.: Бошно С. В. Соотношение понятий источник и форма права // Юрист. 2001. № 10. С. 21. К. О. Копшева вообще утверждает, что Конституция РФ порождает уголовно-правовые нормы (см.: Копшева К. О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9. 21). Указанные нормы в первую очередь обусловлены иными причинами, которые в уголовно-правовой литературе именуются как основания норм уголовного права или как основания, критерии, принципы криминализации (см.: Антонов А. Принципы криминализации общественно опасных деяний в уголовно-правовой науке // Вест. Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 79—89; Плакси-на Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. 2006. № 5. С. 41—47; Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 48 и др.).

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л. В. Лазарева. С. 529.

¹⁷ Авакьян С. А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вест. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1998. № 1. С. 32.

¹⁸ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 51.

т.е. в собственном смысле; в этом случае имеется в виду непосредственное применение норм Конституции РФ при рассмотрении уголовных дел²⁶.

Изложенное выше показывает, насколько сложен и неоднозначно воспринимаем в теории уголовного права вопрос о соотношении конституционного и уголовного права, но при этом оно нисколько не подрывает утверждение о необходимости самостоятельной уголовно-правовой защиты главы государства. Конституция РФ как акт высшей юридической силы имеет политическое, нравственное и иное содержание. В конституционно-правовой литературе выделяются политические функции Конституции РФ²⁷; утверждается, что она закрепляет цели для национального права, содержит общеправовое целеполагание, базовые для всех отраслей права ценности²⁸; выступает «научно-политической предпосылкой развития уголовного законодательства»²⁹.

Значение Конституции РФ как идеологического документа подчеркивает С. А. Авакьян³⁰.

Таким образом, Конституция РФ, провозгласив неприкосновенность главы государства, по сути, поставила перед отраслями российского законодательства задачу обеспечить ее соответствующими правовыми средствами, в том числе и мерами уголовно-правового характера. В. Е. Бондаренко подчеркивает, что основанием уголовно-правовой охраны выступает наличие урегулированных позитивными отраслями права общественных отношений, терпящих урон от общественно опасных посягательств. Правовой фактор, каковым в рассматриваемом случае является конституционно-правовая норма о неприкосновенности главы

государства, автором включается в объективное основание такой охраны³¹.

И, наконец, еще одно обстоятельство, о котором необходимо упомянуть, обосновывая необходимость самостоятельной криминализации деяний, посягающих на неприкосновенность президента страны — крайне редкое (единичное) применение соответствующих норм на практике. Подрывает ли оно сделанный вывод? Применительно к подобного рода ситуациям в отношении других, уже имеющих уголовно-правовых норм, А. И. Коробеев пишет: «Действительно, некоторые уголовно-правовые нормы предусматривают ответственность за деяния, крайне редко встречающиеся в жизни. Но они могут служить гарантией соблюдения конституционных принципов и положений либо вытекать из международных соглашений, в которых участвует Россия... Неприменение данных норм на практике не может исключить право на существование их в законе. Круг уголовно-правовых норм с заведомо низкой применяемостью на практике в перспективе, видимо, будет даже расширяться...

...Учитывая исключительно важный характер охраняемых общественных отношений, следует признать вполне оправданным стремление законодателя обеспечить возможно более полную защиту конституционных прав граждан, распространив ее и на те случаи, когда вероятность их нарушения является небольшой. Отсюда представляется обоснованным не только дальнейшее сохранение в уголовном законодательстве подобных норм, но и до известных пределов увеличение их числа»³².

2. Теоретическая модель норм об охране главы государства

Прежде чем представить модель уголовно-правовых норм, имеющих специальную цель охраны президента страны, необходимо, на наш взгляд, решить как минимум три проблемы:

- 1) о месте этих норм в системе Особенной части УК РФ;
- 2) о круге социальных ценностей, подлежащих самостоятельной уголовно-правовой охране;
- 3) о наборе криминообразующих признаков в конкретных составах преступлений.

Как показало исследование законодательства зарубежных стран³³, в уголовном праве не

²⁶ В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 16 апреля 2013 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указаны случаи непосредственного применения Конституции РФ в уголовном судопроизводстве (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1; 2013. № 6). По этому вопросу также см., например: Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 207.

²⁷ См.: Кравец И. И. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Новосибирск, 2002. С. 107; Фадеев В. И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex Russica. 2013. № 12. С. 1292—1307; Михалева Н. А. Конституция 1993 года: юридическая модель настоящего и будущего России // Там же. С. 1307—1318 и др.

²⁸ См.: Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение, структура // Правоведение. 1998. № 1. С. 15 и др.

²⁹ Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 49.

³⁰ См.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 14—15.

³¹ См.: Бондаренко В. Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 10.

³² Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 2 : Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. С. 13—14.

³³ См. об этом подробно: Агузаров Т. К. Уголовно-правовое обеспечение функционирования государственной власти: сравнительно-правовое исследование. Владикавказ, 2010.

существует единого подхода к расположению норм об ответственности за посягательства на главу государства. В какой-то степени решение того или иного законодателя может быть обусловлено рядом обстоятельств: системой органов власти и месте в них главы государства, общей архитектурой уголовного кодекса, традицией и др.

Особенная часть УК РФ в целом уже сложилась исходя из особенностей родовых и видовых объектов преступлений, которые ранжированы в ее разделах и главах³⁴. «Последовательность расположения указанных групп преступлений в системе Особенной части уголовного права определяется иерархией (степенью значимости) соответствующих ценностей (благ, интересов), охраняемых уголовным законом. В связи с этим определен порядок распределения преступлений по их объектам (от наиболее опасных к менее опасным) не является раз и навсегда устоявшимся, а зависит от официально существующей в данном обществе оценки соответствующих ценностей, производной от социально-политических, экономических, национальных и культурно-нравственных основ общества»³⁵. Таким образом, при определении места конструируемых норм надо исходить из той системы ценностей, которые уже поставлены под охрану Уголовного кодекса РФ. Кроме того, необходимо иметь в виду, что классификация в законодательстве — это не только доктринальная, но и неоспоримая прикладная ценность, выражающаяся в гносеологическом потенциале данного приема юридической техники³⁶.

Нормы о преступлениях против главы государства в некоторых постсоветских странах, как правило, указаны в главе о преступлениях против порядка управления; в законодательстве англосаксонской правовой системы, стран Азиатско-Тихоокеанского региона, исламского права и т.д. имеется их существенный разброс в рамках системы Особенной части уголовного законодательства. Сам по себе, взятый изолированно, подобного рода прием расположения норм в системе Особенной части, по сути, не говорит ни о чем: он может восприниматься как положительно, так и отрицательно, поскольку в этом случае необходимо оценивать весь массив законодательства, а не отдельно взятые уголовно-правовые нормы.

³⁴ В работе не ставится цель критического анализа системы Особенной части УК РФ. См. об этом подробно: Благов Е. В. Особенная часть уголовного права. М., 2012.

³⁵ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2. С. 8.

³⁶ См. об этом подробно: Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве. Н. Новгород, 2005. С. 118—119.

Институт главы государства по Конституции РФ отнесен к основам его конституционного строя. Следовательно, опыт постсоветских стран для российского уголовного законодательства является неприемлемым. Нормы, обеспечивающие неприкосновенность президента страны, в главе о преступлениях против порядка управления будут чужеродными, не будут согласованы с видовым объектом посягательств, исходя из которого сформирована гл. 32 УК РФ.

На первый взгляд указанные нормы могут войти в гл. 29 УК РФ, содержащую нормы о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. Включение их в данную главу в целом не нарушает принципа классификации норм Особенной части УК, но является нецелесообразным по ряду причин. Во-первых, в какой-то степени оно может нарушить логику указанной главы, во-вторых — и это, пожалуй, основное — затушет специфику уголовно-правовых норм, специальной целью которых является обеспечение неприкосновенности главы государства.

Таким образом, лучше всего создать специальную главу, которую расположить сразу после гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ, назвав ее «Преступления против главы государства — Президента Российской Федерации».

Согласно законодательству зарубежных стран, под уголовно-правовую защиту поставлен различный круг социальных ценностей. Так, в ряде стран ограничиваются охраной жизни и здоровья главы государства, в других — к указанным социальным ценностям добавляются его честь и достоинство, в третьих — собственность и т.д. По нашему мнению, посягательства на собственность и некоторые другие интересы не затрагивают и не могут затронуть конституционные основы власти, следовательно, они не могут быть объектом специальной уголовно-правовой охраны в рамках обеспечения неприкосновенности главы государства. При их совершении достаточен уже имеющийся потенциал средств Уголовного кодекса РФ. Под уголовно-правовую охрану необходимо поставить жизнь, здоровье, личную свободу, честь и достоинство, т.е. тот набор интересов президента страны, нарушение которых, безусловно, может оказать негативное воздействие на основы власти, закрепленные в Конституции РФ.

Более сложным является вопрос о выборе криминообразующих признаков конкретных составов преступлений. Это объясняется по крайней мере двумя моментами. Во-первых, самой сутью указанных признаков, являющихся комплексными, синтезированными; в их основе лежит, с одной стороны, учение о составе

преступления, с другой — теория криминализации как метод уголовно-правовой политики.

В юридической литературе под рассматриваемым признаком предлагается понимать признак состава преступления, относящийся к одному из его элементов, который служит основным для конструирования состава преступления в процессе криминализации и отграничивает преступление от непроступного деяния либо смежные (сходные) преступления друг от друга. Такой признак выступает базовым, именно от него зависит наличие или отсутствие конкретного состава преступления. Криминообразующий признак всегда указан в диспозиции уголовно-правовой нормы. Важнейшим его свойством является способность отражать общественную опасность криминализируемого деяния. Именно по данному свойству следует проводить разграничение между криминообразующими и иными признаками, характеризующими деяние.

С известной долей условности их можно подразделить на объективные и субъективные, постоянные и переменные, позитивные и негативные; вместе с тем к ним неприменимо деление на обязательные и факультативные. Такие признаки не могут являться факультативными, поскольку они всегда учитываются в процессе квалификации как неотъемлемые юридически значимые свойства преступления³⁷.

Рассматриваемые признаки, «характеризующие объективные и субъективные свойства криминализируемых деяний и подлежащие учету в процессе законотворческой деятельности с целью создания оптимальных моделей уголовно-правовых норм»³⁸, должны быть положены в основу норм об охране главы государства.

Таким образом, необходимость закрепления конкретного признака в качестве криминообразующего обусловлена объективными характеристиками общественной опасности, которая с неизбежностью распространяется на самодеяние, объявляемое преступным.

Вторая проблема обусловлена тем, что нормы об охране главы государства будут специальными, т.е. будут находиться в конкуренции с другими нормами уголовного права. Причем могут иметь место несколько видов

конкуренции, в первую очередь общей и специальной нормы, специальных норм³⁹. Первый вид конкуренции обусловлен тем, что нормами гл. 16 и 17 УК РФ уже охраняются жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство личности. Следовательно, при создании специальных норм необходимо учитывать данное обстоятельство, формулировать их таким образом, чтобы в них более полно и точно проявилась правовая природа преступления. Это достигается за счет того, что в специальной норме отражаются все характеристики общей нормы и в то же время ей придаются свойства, которые позволяют выделить ее из последней. В противном случае эти нормы сольются, будет невозможно их различать.

При конкуренции общей и специальной нормы имеет место различие по объему. Если первые в качестве потерпевшего предполагают общего потерпевшего, то вторые — специального (главу государства). Чаще всего (но совсем необязательно) в специальной норме предусматривается более строгая ответственность, чем в общей. В рассматриваемом случае это в полной мере соответствует не только правилам законодательной техники, но и необходимости дифференциации уголовной ответственности, особой значимости и опасности криминализируемых деяний.

Дополнение Уголовного кодекса РФ специальной главой, содержащей нормы об ответственности за преступления против главы государства, неизбежно приведет к специальной конкуренции первых с нормами гл. 29, 31 и 32 УК РФ, которые предусматривают ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или производство предварительного расследования (ст. 295), угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317) и др. Это обстоятельство также необходимо учитывать при конструировании указанных норм.

Криминообразующим признаком рассматриваемых норм, исходя из предлагаемого названия новой главы, следует признавать только специального потерпевшего — президента страны. В уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран наряду с главой государства охраняются интересы и других лиц — руководителя высшего законодатель-

³⁷ См. об этом подробно: Гейн А. К. Цель как криминообразующий признак : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

³⁸ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Проблемы криминализации и пенализации. С. 88. По этому вопросу также см.: Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001 ; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004 и др.

³⁹ См. об этом подробно: Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. М., 2002.

ного органа страны, главы правительства, руководителей судов, органов прокуратуры, уполномоченного по правам человека и его представителей, руководителя Счетной палаты, «иных политических должностных лиц» и т.д. На наш взгляд, в российском уголовном праве нецелесообразно расширять круг потерпевших и включать их в специальные нормы об ответственности за посягательства против главы государства, и не потому, что это вступает в противоречие с названием главы, а потому, что это не вызывается необходимостью. Интересы указанных и других лиц обеспечивается повышенной уголовно-правовой охраной в рамках уже действующих уголовно-правовых норм.

Достаточно сложным для решения является вопрос о признании в качестве криминообразующего признака обстоятельств, характеризующих субъективную связь содеянного, скажем, только с конституционно-правовым статусом потерпевшего как главы государства или необходимо ее увязать с деятельностью потерпевшего на посту президента страны. Другими словами, следует ли такими признаками считать цель и мотив совершения преступления, отражаемые в законе, как правило, формулой «в связи...»?

По нашему мнению, исходя из статуса главы государства, закрепленного в Конституции РФ, его места в системе государственной власти, выполняемых функций, наконец, олицетворения института президентства в стране и за рубежом с самим государством для криминализации деяния достаточным является сам факт его направленности против указанного лица. При таком подходе будет обеспечиваться принцип вины (субъективного вменения) и в том случае, если деяние совершается по личным мотивам, поскольку все равно вред причиняется конституционным основам власти в стране, что осознается лицом и в указанной ситуации.

Разумеется, при описании конкретного деяния в основу его криминализации могут быть положены и другие обстоятельства, отражающие специфические особенности преступления, например признак публичности в клевете на главу государства.

Сказанное в полной мере относится и к дифференциации ответственности за преступления против главы государства. Выделение квалифицированных составов преступления возможно только в случае, если выделяемый квалифицирующий признак отвечает соответствующему статусу: полностью или частично не входит в признаки основного состава преступления, однозначно влияет на повышение

общественной опасности деяния и т.д. Социальные основания квалифицирующего признака близки с социальными основаниями криминализации деяния (уголовно-правовой нормы), но не совпадают с ними. Как обоснованно отмечает Т. А. Плаксина, их можно определить «как социальную потребность в более строгой уголовно-правовой охране общественных отношений от характеризующегося резко повышенной степенью общественной опасностью деяния или личности субъекта вида какого-либо преступления, а также порождающие эту потребность социальные факторы, которые в своей совокупности являются причинами выделения квалифицированного состава и детерминируют содержание квалифицирующего обстоятельства и соответствующей санкции»⁴⁰.

Суммируя изложенное, теоретическую модель главы «Преступления против главы государства — Президента Российской Федерации» можно представить в следующем виде:

«Глава... ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА — ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья... Покушение на жизнь главы государства — Президента Российской Федерации

1. Покушение на жизнь главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

2. Убийство главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается пожизненным лишением свободы либо смертной казнью.

Статья... Умышленное причинение вреда здоровью главы государства — Президента Российской Федерации

1. Причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

2. Причинение тяжкого вреда здоровью главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок до четырнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, — наказыва-

⁴⁰ Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. С. 44.

ется лишением свободы на срок до восемнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Статья... Незаконное лишение свободы

1. Незаконное лишение свободы главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Статья... Клевета в отношении главы государства — Президента Российской Федерации

1. Клевета в отношении главы государства — Президента Российской Федерации, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

2. Клевета, соединенная с обвинением главы государства — Президента Российской Федерации в совершении преступления, — наказывается лишением свободы на срок до четырех лет.

Статья... Оскорбление главы государства — Президента Российской Федерации

Публичное оскорбление главы государства — Президента Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок до трех лет лишения свободы».

В норме, направленной на охрану жизни главы государства, вместо терминов «убийство» и «посягательство», используемых в Уголовном кодексе РФ, предлагается деяние обозначить понятием «покушение на жизнь». Во-первых, оно является легальным, имеет, в отличие, скажем, от термина «посягательство», четкую характеристику: это умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам (ч. 3 ст. 30 УК РФ). Во-вторых, такая формулировка обусловлена спецификой преступления и его особой общественной опасностью, требующих адекватного уголовно-правового реагирования.

В-третьих, аналогичный опыт имеется в законодательстве зарубежных стран⁴¹.

Оценочное понятие «тяжкие последствия» как критерий для дифференциации ответственности за незаконное лишение свободы используется, например, в ст. 127 УК РФ, содержащей общую норму об ответственности за незаконное лишение свободы любого другого лица.

Наконец, на наш взгляд, клевета и оскорбление достигают необходимого для преступления уровня общественной опасности при их совершении публично, что и предлагается отразить в качестве одного из криминообразующих признаков. Квалифицирующим признаком клеветы рекомендуется признать ее соединение с обвинением в совершении преступления, независимо от его категории.

В уголовном законодательстве некоторых стран (например, ч. 2 ст. 367 УК Республики Беларусь и др.) квалифицированный вид состава преступления образуется только в случае клеветы, сопряженной с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Вид и категория преступления указаны как основание для отрешения Президента РФ от должности. Согласно ст. 93 Конституции РФ «Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключения Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения». Однако никакой связи между этим положением и квалифицированным видом клеветы нет; ограничивать повышенную ответственность категориями преступления нет ни социальных, ни правовых оснований.

В целом же уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности главы государства есть объективная необходимость. Принятие специальных уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на него усилит защиту конституционных основ государственной власти, а значит и российской государственности.

⁴¹ См.: Агузаров Т. К. Уголовно-правовое обеспечение функционирования государственной власти: сравнительно-правовое исследование.

Библиография:

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — М., 2000.
2. Авакьян С. А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вест. Моск. ун-та. — Сер. 11. Право. — 1998. — № 1.
3. Адоевская О. А. О системообразующих связях уголовного права с другими отраслями права // Вест. Самарской гуманитарной академии. — Сер.11. Право. — 2007. — № 1.
4. Антонов А. Принципы криминализации общественно опасных деяний в уголовно-правовой науке // Вест. Моск. ун-та. — Серия 11. Право. — 2000. — № 4.
5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М., 2003.
6. Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве. — Н. Новгород, 2005.
7. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. — СПб., 2006.
8. Благов Е. В. Особенная часть уголовного права. — М., 2012.
9. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. — М., 1999.
10. Бошно С. В. Соотношение понятий источник и форма права // Юрист. — 2001. — № 10.
11. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. — М., 1997.
12. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. — СПб., 2001.
13. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений. — М., 2002.
14. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. — М., 2007.
15. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М., 2006.
16. Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение, структура // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 15.
17. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л. В. Лазарева. — М., 2009.
18. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Б. А. Страшуна. — М., 2005.
19. Кравец И.И. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — Новосибирск, 2002.
20. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М., 2001.
21. Кутафин О. Е. Глава государства. — М., 2012. — С. 4.
22. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. — СПб., 2004.
23. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. — М., 2002.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6.
25. Михалева Н. А. Конституция 1993 года: юридическая модель настоящего и будущего России // Lex Russica. — 2013. — № 12.
26. Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. — М., 1996.
27. Плаксина Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. — 2006. — № 5.
28. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. — СПб., 2008.
29. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. — СПб., 2003.
30. Снежко О. А. Президент Российской Федерации — гарант прав и свобод граждан // Право и политика. — 2005. — № 2.
31. Тирский В. В. О некоторых моментах взаимосвязи Конституции и уголовного законодательства // Новая Конституция СССР и вопросы государства и права. — Томск, 1979.
32. Третьяков А. В. Источники уголовной политики современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2008. — № 1.
33. Фадеев В. И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex Russica. — 2013. — № 12.
34. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. — СПб., 2004.
35. Чиркин В. Е. Президент и исполнительная власть в системе разделения властей: реалии современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. — М., 2003.
36. Шмавонян Г. А. Юридический характер президентской власти в российской системе разделения властей // Конституционный строй России. — Вып. 4. — М., 2003.
37. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. — М., 2014.

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2014 г.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aguzarov, Tamerlan Kimovich – PhD in Law, Head of the Republic of North Ossetia-Alania.
[apinf@rso-a.ru]
362038, the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, pl. Svobody, 1.

Gracheva, Yulia Viktorovna – Doctor of Law, Professor of the Scientific Research University – Higher School of Economics.
[uvgracheva@mail.ru]
101000, Russia, Moskva, ul. Myasnitskaya, 20.

Chuchayev, Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University.
[moksha1@rambler.ru]
125993, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article substantiates the need for the independent criminal law protection of the head of the state. The President as such has a social value, which would have been protected in the pre-Revolution Russia, and is protected in most states of the world. The authors support the position that the social relations characterizing the head of the state, representing the state both domestically and abroad, as undoubtedly more valuable than the relations characterizing the public administration matters, which are protected by the current criminal legislation. That is why, the authors study the issues of social and legal prerequisites for the criminal law protection of the President of the Russian Federation based upon the presence of the special provisions on head of the state immunity in Art. 91 of the Constitution of the Russian Federation, the said immunity serving, firstly, as a guarantee of his activities, and, secondly, as a prohibition against physical or psychological influence upon the head of the state. Due to the development of specialized provisions model for the criminal law for the purpose of the protection of the President, the authors are able to resolve three more problems: 1) place of these provisions within the system of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) the range of social values worthy of independent criminal law protection; 3) the set of crime-forming elements within the elements of certain crimes. The article contains a theoretical model of the chapter: “The crimes against the head of the state – the President of the Russian Federation”. Finally, the authors draw a conclusion that criminal law guarantees of the immunity of the head of the states are objectively necessary. The adoption of specialized criminal law provisions on the responsibility for the encroachments against him shall strengthen the protection of the constitutional fundamentals of the state power and Russian statehood.*

Keywords: *head of the state, the President of the Russian Federation, the criminal law protective means, historical experience, foreign experience, social prerequisites, social values in need of protection, crime-forming elements, model of the Chapter of the Criminal Code of the Russian Federation “The crimes against the head of the state – the President of the Russian Federation”.*

Bibliography:

1. Avakyan, S.A. Constitution of the Russian Federation: nature, evolution, modernity. M. 2000.
2. Avakyan, S.A. The President of the Russian Federation: evolution of the constitutional legal status. // Vest. Mosk. un-ta. Ed. 11. Law. 1998. N. 1.
3. Adoievskaya, O.A. On system-forming connections between criminal law and other branches of law. // Vest. Samarskoy gumanitarnoy akademii. Ser. Pravo. 2007. N. 1.
4. Antonov, A. Principles of criminalization of publicly dangerous acts in the science of criminal law. // Vest. Mosk. un-ta. Ed. 11. Law. 2000. N. 4.

5. Baglay, M.V. The Constitutional Law of the Russian Federation. M., 2003.
6. Baranov, V.M., Chumanov, E.V. Classification in the Russian legislation. N. Novgorod, 2005.
7. Bibik, O.N. Sources of criminal law in the Russian Federation. SPb., 2006.
8. Blagov, E.V. Special part of criminal law. M., 2012.
9. Boskholov, S.S. The fundamentals of the criminal policy: constitutional, criminological and informational aspects. M., 1999.
10. Boshno, S.V. Correlation of terms: source and form of law. // Yurist. 2001. N. 10.
11. Voevodin, L.D. Legal status of a person in Russia. M., 1997.
12. Zvecharovskiy, I.E. Modern criminal law: definition, principles, policy. SPb., 2001.
13. Inogamova-Hegai, L.V. Competition of criminal law provisions on qualification of crimes. M., 2002.
14. Kaufman, M.A. Gaps in criminal law: definition, causes, means to overcome them. M., 2007.
15. Kozlova, E.I., Kutafin, O.E. The Constitutional Law of Russia. M., 2006.
16. Kokotov, A.N. Constitutional law in Russian law: definition, purpose, structure. // Pravovedenie. 1998. N. 1. P. 15
17. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. / Ed. by L.V. Lazarev. M., 2009.
18. Constitutional (state) law of the foreign states. In 2 v. V.1 General part./Ed. by B.A. Strashun. M.. 2005.
19. Kravets, I.I. Formation of the Russian constitutionalism (problems of theory and practice). Novosibirsk, 2002.
20. Kutafin, O.E. Subject of the constitutional law. M., 2001.
21. Kutafin, O.E. Head of the state. M., 2012. P. 4.
22. Lopashenko, N.A. Fundamentals of the criminal law influence: criminal code, criminal law, criminal law policy. SPb., 2004.
23. Luchin, V.O. The Constitution of the Russian Federation: Implementation problems. M., 2002.
24. Marks K., Engels F. Collected works. V.6.
25. Mikhaleva, N.A. The Constitution of 1993: legal model for now and for the future. // Lex Russica. 2013. N. 12.
26. Okunkov, L.A. The President of the Russian Federation. Constitution and political practice. M., 1996.
27. Plaksina, T.A. The fundamental bases for criminal law provisions, criminal legal prohibition, criminalization: definition and correlation. // Gosudarstvo i pravo. 2006. N. 5.
28. Complete course of criminal law. In 5 v. V.1 Crime and punishment. Ed. by A.I. Korobeev. SPb., 2008.
29. Pudovochkin, Y.E., Pivragidov, S.S. Definition, principles and sources of criminal law: comparative legal analysis of the legislation of Russia and Commonwealth of Independent States Member States. SPb., 2003.
30. Snezhko, O.A. The President of the Russian Federation – the guarantor of the rights and freedoms of the citizens. // Pravo i politika. 2005. N. 2.
31. Tirskiy, V.V. On some issues regarding the interrelation between the Constitution and the criminal legislation // The new Constitution of the USSR and the issues of stae and law. Tomsk, 1979.
32. Tretyakov, A.V. Sources of criminal policy of the modern Russia. // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2008. N. 1.
33. Fadeev, V.I. The Constitution of the Russian Federation: problems of development and stability. // Lex Russica. 2013. N. 12.
34. Filimonov, V.D. Provision of criminal law. SPb., 2004.
35. Chirkin, V.E. The President and the executive branch of government within the system of separation of powers: modern Russian reality. // History of formation and the modern situation in the executive branch of government in Russia. / Ed. by N.Y. Khamanov. M., 2003.
36. Shmavonyan, G.A. Legal character of the Presidential power within the Russian system of separation of powers. // Konstitutsionnyy stroy Rossii. Ed. 4. M., 2003.
37. Ebzeev, B.S. Constitution, power and freedom in Russia: the experience of synthetic study. M., 2014.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

Аннотация. Предметом исследования выступают международные договоры, послужившие основанием криминализации конвенциональных преступлений, т.е. такие договоры в сфере уголовного права, принятие обязательств по которым повлекло необходимость имплементации их норм в текст уголовного закона России. В статье дается понятие конвенциональных преступлений, а затем анализируются международные договоры (в общем виде), послужившие их источниками. Кроме того, анализируется понятие международного договора на основе российского законодательства и международных норм, рассматриваются их виды, порядок их ратификации и затрагиваются некоторые вопросы имплементации. Методологической основой исследования является диалектический метод познания явлений и процессов объективной реальности. Также использовались современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы: сравнительный, системно-структурный, нормативно-логический, исторический и др. Научная новизна характеризуется широким кругом анализируемых проблем с учетом современного подхода к содержанию и сущности конвенциональных преступлений. В работе сформулировано понятие конвенциональных преступлений, анализируются понятие международного договора на основе российского законодательства и международных норм, рассматриваются их виды, порядок их ратификации и затрагиваются некоторые вопросы имплементации. В работе сформулирован ряд выводов и предложений по совершенствованию действующего российского законодательства.

Ключевые слова: международный договор, конвенциональные преступления, имплементация, криминализация, кодификация, Уголовный кодекс РФ, международные преступления, преступления международного характера, конвенционные преступления, транснациональные преступления.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.073-086

Конвенциональные преступления в теории международного и российского уголовного права специально не выделяются. Данное понятие не употребляется для обозначения какой-либо группы деяний. Как правило, речь идет о конвенционных, международных, трансграничных и иных подобных преступлениях. Однако ни один из предложенных терминов не позволяет определить сущность общественно опасных деяний, которые вытекают из международных договоров, посвященных вопросам уголовного права.

Ф. Ф. Мартенс писал, что «всякое преступление есть посягательство на общий правовой

порядок, обнимающий все государства»¹. П. Казанский указывал: «Право каждого образованного государства содержит в себе уголовно-правовые постановления, касающиеся разных нарушений международного права»².

А. Фердросс, развивая эту мысль, отмечал, что «государства обязаны на основе международного права преследовать определенные

¹ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. СПб., 1883. Т. 2. С. 360.

² Казанский П. Введение в курс международного права. Одесса, 1901. С. 176. Эту же мысль уже в середине XX в. повторил В. М. Шуршалов (см.: Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора. М., 1959. С. 345).

неправомерные деяния, которые регулируются отчасти общим международным правом, а отчасти международными договорами»³.

Конвенционные преступления, как наиболее часто употребляемый термин в теории международного и уголовного права для характеристики преступного деяния, основанием криминализации которого послужила норма международного договора, традиционно рассматриваются совместно с так называемыми международными преступлениями. Д. Анцилотти, например, объединял обе эти группы посягательств общим понятием «международный деликт», понимая под ним любое нарушение обязательства, налагаемого в силу международно-правовой нормы, или противоречащее обещанию, данному одним государством другим государствам⁴.

Рассматриваемые преступления учеными именуется по-разному. Так, О. Н. Шибков предлагает называть эти деяния международными преступлениями⁵, А.А. Цветков — транснациональными⁶, А. Г. Кибальник, Р. А. Адельханян — преступлениями в международном уголовном праве⁷.

Некоторые авторы наряду с двумя указанными выше группами выделяют третью — общеуголовные преступления, осложненные «иностранным элементом»⁸ (с международными связями⁹), иными словами, это преступления, совершенные иностранцами на территории другого государства или против иностранцев¹⁰.

³ Фердросс А. Международное право / пер. с нем. Ф. А. Кублицкого, Р. Л. Нарышкиной; под ред. и с предисл. Г. И. Тункина. М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 148.

⁴ См.: Анцилотти Д. Курс международного права : в 2 т. / пер. с 4-го итал. издн. А. Л. Сакетти и Э. М. Фабрикова ; под ред. и с предисл. Д. Б. Левина. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1 Введение — Общая теория. С. 394.

⁵ См.: Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 121.

⁶ См.: Цветков А. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права как часть российской уголовно-правовой системы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 75—90.

⁷ См.: Кибальник А. Г. Влияние международного уголовного права на Российское уголовное право : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 132 ; Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М. : МЗ ПРЕСС, 2002. С. 12.

⁸ См.: Яковлев С. П., Савченко М. С. О некоторых особенностях преступных посягательств на культурные ценности в международном аспекте // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала ГОУ ВПО «Российская таможенная академия». 2003. № 1 (20). С. 66.

⁹ См.: Номоконов В. А. Международное уголовное право. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2001. С. 5.

¹⁰ См.: Карпец И. И. Международная преступность. М. : Наука, 1988. С. 97.

И. И. Лукашук рассматриваемые деяния считает транснациональными и понимает под ними общеуголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию двух и более государств. «В одних случаях такие преступления совершаются в одном государстве, а последствия проявляются в другом. В других случаях часть преступных действий совершается в одном государстве, а часть в другом»¹¹.

Л. Н. Шестаков относит к транснациональным преступлениям общеуголовные преступления, не посягающие на международный правопорядок и не затрагивающие интересы международного сообщества, отправление правосудия по которым невозможно без помощи других государств¹².

В литературе в качестве самостоятельного вида транснациональных преступлений предлагается выделять посягательства, выходящие за пределы какого-либо одного государства и приобретающие международный характер лишь в конкретной ситуации в связи с появлением в составе преступления «иностранный» элемента. В данную группу включаются хищения и некоторые другие преступления, по поводу которых заключаются соглашения о правовой помощи¹³.

Таким образом, по вопросу о сущности преступных посягательств, запрещенных международными договорами, нет единства мнений, как нет и общего термина, охватывающего все подобные деяния. Наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой все преступления, вытекающие из международных актов, делятся на две группы: международные преступления и преступления международного характера.

Под *международными преступлениями* понимаются опасные для всех народов посягательства на мирные отношения народов и государств, на интересы всего человечества, запрещенные международными актами.

Их объектом является вся система международных правовых отношений, т.е. междуна-

¹¹ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 430. В. Ф. Цепелев, придерживаясь сходной точки зрения, отмечает, что такие преступления затрагивают интересы двух и более государств, однако они, как правило, конвенциями не предусмотрены (см.: Цепелев В. Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 191).

¹² См.: Международное право / редкол.: Л. Н. Шестаков [и др.] М. : Юридическая литература, 1999. С. 340. Такую же позицию занимает Л. Н. Захарова (см.: Захарова Л. Н. Международное право. М. : РИОР, 2005. С. 105).

¹³ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В., Трунцевский Ю. В. Ответственность за транснациональные преступления. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. С. 15.

родный правопорядок, под которым понимается целостная система «правовых отношений, существующих между носителями международных прав и обязанностей на основе действующей системы международно-правовых норм и других международно-правовых актов»¹⁴. Применительно к сфере географической направленности международного преступления можно утверждать об универсальной социальной опасности деяния¹⁵.

Специалисты в области уголовного права подобным преступлением признают наиболее серьезное нарушение международного права, наносящее ущерб или угрожающее международному сообществу в целом. Решающим обстоятельством, позволяющим отнести нарушение международного обязательства к международным преступлениям, является объект посягательства — важнейшие интересы международного сообщества; такие деяния посягают на свободу и самое существование целых народов¹⁶. В качестве объекта международного преступления можно выделить различные общественные отношения, вытекающие из международного обязательства государства, направленного на защиту наиболее важных, наиболее ценных международных благ, таких как мир и безопасность человечества, права человека и др.

Для определения международных преступлений описания только их объекта недостаточно. Необходимо также указать на особую опасность посягательства, что означает наступление или возможность наступления тяжких последствий для одного или группы государств и особую опасность конкретных правонарушений, которая должна быть предусмотрена международным правом¹⁷.

Международные преступления можно охарактеризовать как наиболее серьезные, наиболее существенные нарушения международного права, запрещенные различными международными договорами, наказуемость которых установлена в рамках национального закона. Уголовную ответственность за них несут физические лица, а политическую (мо-

ральную) — государства. Эти преступления обладают повышенной общественной опасностью, так как посягают на интересы не какого-то конкретного государства, а всего международного сообщества в целом.

Указанные преступления нельзя рассматривать обособленно от преступлений международного характера. Их необходимо изучать в совокупности, так как они являются составной частью одного явления — конвенциональных преступлений.

В международном праве под *преступлениями международного характера* понимаются посягательства на законные интересы и прерогативы нескольких или всех государств, представляющие собой вследствие этого международную общественную опасность, признаваемые таковыми по договоренности между государствами, получая в многосторонних конвенциях соответствующую международно-правовую оценку¹⁸. Эти преступления совершаются вне связи с той или иной государственной политикой, ими нарушаются национальный и международный правопорядок¹⁹.

Надо иметь в виду, что если относительно деяния нет специального соглашения о борьбе с ним, оно не может считаться преступлением международного характера и преследоваться как угрожающее нормальному функционированию международных отношений²⁰. В отношении подобного деяния должна быть принята специальная международная конвенция либо положения о нем могут содержаться в международной конвенции, носящей общий характер.

Преступления международного характера — это предусмотренные международными договорами и имплементированные во внутреннее законодательство посягательства на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений, а также причиняющие вред организациям и гражданам.

В литературе предлагается использовать и иные понятия, обозначающие посягательства, имеющие связь с международными договорами.

А. Н. Трайнин, например, употребил термин *«интернациональный деликт»*, под которым понимал посягательство на мирные отношения между государствами. «Как ни велика социальная опасность таких преступлений, как

¹⁴ Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев : Вища школа, 1976. С. 89—91.

¹⁵ См.: Саркисян М. А. Квалифицирующие признаки международного преступления // Государство и право. 2005. № 8. С. 83.

¹⁶ См.: Шахуняц Е. А. Международно-правовые обязательства и внутригосударственное уголовное законодательство. М. : ИНИОН, 1993. С. 7. Сходную позицию занимает А. Г. Князев (см.: Князев А. Г. Проблемы действия уголовного закона в пространстве. Владимир, 2006. С. 37).

¹⁷ См.: Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений // Советский ежегодник международного права. 1971. М., 1973. С. 118.

¹⁸ См.: Международное право / отв. ред. Г. И. Тункин. М. : Юридическая литература, 1982. С. 356.

¹⁹ См.: Курс международного права : в 7 т. / отв. ред. И. И. Лукашук. М. : Наука, 1992. Т. 6. Отрасли международного права. С. 195 ; Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М. : Норма, 2004. С. 445.

²⁰ См.: Гетьман-Павлова И. В. Международное уголовное право и российское уголовное законодательство. М. : МГОУ, 2004. С. 96, 98.

торговля женщинами, подделка денег и др., как ни полезна порой скоординированная борьба с ними, эти преступления не являются посягательствами на мирные международные отношения. Следовательно... деликты, охватываемые этими конвенциями, не являются международными деликтами.

И напротив, вполне мыслимы и реально существуют многие деликты, представляющие серьезное посягательство на мирное сожительство народов, следовательно, интернациональные деликты, которые остались за пределами интернациональных конвенций»²¹.

В. А. Василенко предлагал ввести в обращение понятие «*квазимеждународный деликт*», определяя его как «преступное деяние физического лица, противоречащее предписаниям международных соглашений или обычаев, равно как и сформулированным на их основе нормам внутригосударственного (национального) права»²².

Некоторыми авторами рассматриваемые посягательства назывались *преступлениями против международного права* (преступлениями согласно международному праву), под которыми понимались деяния, представляющие опасность в международном масштабе и признаваемые государствами преступными, а также требующими объединения усилий для борьбы с ними»²³.

А. Г. Кибальник и Р. А. Адельханян используют понятие «*преступление в международном уголовном праве*» — это нарушающее мировой правопорядок виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве»²⁴.

Как представляется, ни один из терминов, упомянутых выше, не соответствует в полной мере смысловому значению определяемого ими понятия. Более того, они отражают, по сути, сходные явления.

Думается, что все рассмотренные выше преступления целесообразно именовать конвенциональными²⁵, под которыми предлагает-

ся понимать все предусмотренные международными договорами общественно опасные посягательства в международно-правовой сфере, наказуемость которых должна быть установлена в национальном законодательстве.

Эти преступления могут причинять вред как всему человечеству, так и отдельным гражданам, организациям и государствам. Таким образом, конвенциональными являются все преступления, предусмотренные международными договорами, независимо от степени тяжести посягательства и наименования международного договора.

Такое преступление, как правило, двух-объектно: нарушаются общественные отношения, на защиту которых, собственно, и было направлено заключение международного договора (это могут быть любые отношения — мир и безопасность человечества, свобода личности, безопасность государства и др.), а также отношения, характеризующие выполнение международного обязательства, т.е. соблюдение принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), поэтому оно обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с иными преступлениями.

Таким образом, можно выделить следующие специфические *признаки конвенциональных преступлений*:

- 1) они появляются в связи с международным договором, причем его вид и наименование значения не имеют;
- 2) они посягают на различные объекты: нормальные межгосударственные отношения, мир и безопасность человечества, международный правопорядок в конкретной сфере и др.;
- 3) их наказуемость должна быть установлена в национальном законодательстве.

Выделение конвенциональных преступлений в самостоятельную группу позволит определить соответствие норм о них принятым международным обязательствам и сложившейся системе уголовного законодательства РФ. Необходимость употребления данного понятия в уголовном праве состоит в том, чтобы обособить такие посягательства от всех иных, указать на их специфику — *наличие связи с международным договором*.

Еще Ф. Лист указывал, что «путем международного соглашения государство может быть обязываемо к введению в свое национальное законодательство известных норм уголовного права»²⁶, а Н. Коркунов отмечал, что международная уголовная репрессия распространяется в виде изъятия на «некоторые преступления против прав публичных, международное при-

²¹ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М. : Юридическое изд-е НКЮ СССР, 1937. С. 99—100.

²² Василенко В. А. Указ. соч. С. 171.

²³ См.: Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. М. : НИМП, 1999. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. С. 419—420.

²⁴ См.: Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. С. 138 ; Адельханян Р. А. Указ. соч. С. 12.

²⁵ Конвенциональный (< лат. *conventionalis* — соответствующий договору, условию) — условный, принятый, соответствующий установившимся традициям (см.: Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Алехина и проф. Ф. Н. Петрова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Гос. изд-во иностран. словарей, 1954. С. 347).

²⁶ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев (Дерпт), 1912. С. 321.

знание которых в чем-либо специально выразилось в договорах или законах»²⁷.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры Российской Федерации являются составной частью российской правовой системы. В п. «а» ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» указано, что международный договор представляет собой международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования²⁸.

Это правовое положение имеет своим источником Венскую конвенцию о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.²⁹, согласно которой международным договором признается соглашение между государствами независимо от его конкретного наименования.

Ф. Ф. Мартенс писал: «Под международными договорами, в значении источников международного права, мы разумеем всякого рода обязательства, взаимно принимаемые на себя государствами, — выражены ли они в трактатах и конвенциях или в нотах и декларациях»³⁰.

Различные наименования международных договоров едины в своей служебной роли, сводящейся к согласованию воли двух или нескольких государств. Кроме того, все они одинаково подлежат исполнению. «Однако многообразие наименований соглашений, как правило, отражает собой различные формы фиксации обязательств сторон, вследствие чего форма соглашения не лишена определенного практического значения»³¹. По сути, наименование международного договора не имеет принципиального значения для уголовного права³².

Следует также обратить внимание, что нормы о посягательствах на мир и безопасность человечества (или, как их еще называют, международные преступления) базируются на международных договорах, в том числе конвенциях. На их основе осуществляется криминализация деяний, предусмотренных международными договорами, независимо от степени тяжести посягательства³³.

Международные договоры играют существенную роль в процессе надлежащего толкования и применения уголовных законов. В связи с этим все договоры, с точки зрения их внутрисударственного уголовно-правового значения, классифицируются на две группы: 1) специальные международные конвенции, посвященные регламентации сотрудничества государств в борьбе с определенными преступлениями, прежде всего с теми, которым присуща международная общественная опасность; 2) иные международные договоры, отдельные нормы которых устанавливают обязательства государств о предотвращении и наказании определенных преступлений либо содержат положения, прямо или опосредованно связанные с предписаниями уголовных законов³⁴.

И. И. Лукашук и А. В. Наумов на основе Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» выделяют три вида договоров: межгосударственные (заключены от имени Российской Федерации), межправительственные (заключены от имени Правительства РФ) и ведомственные (заключены от имени органов исполнительной власти), однако приоритетному применению подлежат лишь правила договора, согласие на обязательность которого было выражено в форме федерального закона³⁵.

Главной функцией общих для всех государств международных норм, имеющих уголовно-правовое содержание, должно быть устранение конфликтов (противоречий) уголовных законов разных государств. Эти нормы: а) должны содержаться в международных соглашениях относительно уголовно-правовой охраны и международного правопорядка

²⁷ Коркунов Н. Опыт конструкции международного уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. Кн. 1. С. 120—121.

²⁸ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

²⁹ Конвенция вступила в силу для СССР 29 мая 1986 г. // ВВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³⁰ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 187.

³¹ Шуршалов В. М. Указ. соч. С. 19.

³² О значении различных наименований договоров см.: Лукашук И. И. О наименованиях международных договоров // Вопросы теории и практики современного международного права. Вып. 3 / под ред. Л. А. Моджорян. М., 1960. С. 68—87.

³³ Некоторые авторы уже указывали на «конвенционный характер» международных преступлений (см., например: Кибальник А. Г., Соломошенко И. Г., Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2000. С. 65 ; Иногамова-Хегай Л. В. Система преступлений в международном и российском уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Юрист, 2006. С. 277 и др.).

³⁴ См.: Игнатенко Г. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Свердловск : УрГУ, 1980. С. 39.

³⁵ См.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М. : Спарк, 1999. С. 21.

и в первую очередь мира и безопасности человечества; б) являются договорными и создают для вступающих в договор государств международно-правовые обязательства издать соответствующий уголовный закон или непосредственно применять их в национальном законодательстве (благодаря исполнению таких обязательств возникает одинаковое по содержанию право в различных государствах)³⁶. Но это отнюдь не означает, что все государства должны иметь одинаковые законы. Наоборот, учет национальных особенностей необходим. Следует лишь стремиться к унификации законодательства.

Некоторые ученые отмечают, что конвенции более или менее подробно описывают соответствующий уголовно-правовой запрет (в первую очередь объективную сторону состава преступления)³⁷.

Международные договоры в области уголовного права могут иметь различную «направленность»: некоторые из них напрямую определяют состав преступления (например, в Конвенции об открытом море от 29 апреля 1958 г.³⁸ и Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) от 10 декабря 1982 г.³⁹ состав пиратства), другие же обозначают необходимость его разработки на национальном уровне, т.е. содержат лишь общее описание либо общее обязательство государства установить уголовную ответственность за совершение того или иного посягательства (например Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.⁴⁰).

Однако независимо от того, как запрет сформулирован в международном договоре, наказание за его нарушение должно быть установлено в УК РФ. Также следует иметь в виду, что санкция международно-правовой нормы никогда не может располагаться во внутригосударственном праве, но это не исключает возможности, что нормы внутригосударственного права, в том числе и их санкции, могут быть направлены на обеспечение международно-правовых норм⁴¹.

³⁶ См.: Сунцов Е. А., Трунцевский Ю. В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 93—94.

³⁷ См.: Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 54.

³⁸ Конвенция вступила в силу для СССР 30 сентября 1962 г. // ВВС СССР. 1962. № 46. Ст. 457.

³⁹ Конвенция вступила в силу для России 11 апреля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

⁴⁰ Конвенция вступила в силу для России 29 марта 2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

⁴¹ См.: Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 35.

Любой международный договор по уголовно-правовым вопросам приобретает юридическую силу для данного конкретного государства только после его *ратификации*. Последняя представляет собой акт утверждения международного договора высшими органами государственной власти, выражающий согласие на его обязательность. В соответствии с Конституцией Российской Федерации ратификация международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федерального закона. Предложение о ратификации международного договора должно содержать заверенную копию официального текста международного договора, обоснование целесообразности его ратификации, определение соответствия договора законодательству Российской Федерации, а также оценку возможных финансово-экономических и иных последствий ратификации договора, включая при необходимости предусмотренное ст. 104 Конституции Российской Федерации заключение Правительства Российской Федерации.

Государственная Дума рассматривает предложения о ратификации международных договоров и после предварительного обсуждения в комитетах и комиссиях Государственной Думы принимает соответствующие решения. Принятые Государственной Думой федеральные законы о ратификации международных договоров Российской Федерации подлежат в соответствии с Конституцией Российской Федерации обязательному рассмотрению в Совете Федерации.

Принятый Федеральным Собранием Российской Федерации федеральный закон о ратификации международного договора Российской Федерации направляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования.

На основании федерального закона о ратификации международного договора Российской Федерации Президентом Российской Федерации подписывается ратификационная грамота, которая скрепляется его печатью и подписью министра иностранных дел Российской Федерации.

Обмен ратификационными грамотами и сдача грамот о ратификации международных договоров Российской Федерации на хранение депозитариям производятся, если не имеется иной договоренности, Министерством иностранных дел Российской Федерации либо по его поручению дипломатическим представительством Российской Федерации в иностранном государстве или представительством Российской Федерации при международной организации.

Кроме того, необходимо, чтобы нормы о конвенционных преступлениях были импле-

ментированы во внутреннее законодательство. Под имплементацией следует понимать принятие норм внутригосударственного права во исполнение международно-правовых норм, а также в целях создания условий для непосредственной реализации международно-правовых норм на территории государства⁴².

При имплементации важно обеспечить соответствие уголовного закона международным актам. Она может осуществляться по нескольким направлениям:

1) если в международном акте существует лишь общая норма, не содержащая конкретного состава преступления, то национальному законодателю необходимо самостоятельно сформулировать уголовно-правовую норму. Это наиболее выгодный вариант, так как законодатель не ограничен жесткими рамками, вправе дать описание состава преступления по своему усмотрению (так, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.⁴³ и некоторые другие международные акты провозглашают право человека на жизнь. Национальные законодатели вправе самостоятельно устанавливать признаки преступлений против жизни);

2) текстуальное воспроизведение международно-правового запрета. Международно-правовая норма практически без переработки становится нормой внутреннего закона (например норма Международной конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.⁴⁴ практически без изменений воспроизведена в УК РФ);

3) сужение содержания международно-правовой нормы при формулировании состава преступления национальным законодателем. Такая ситуация имеет место либо при невнимательности национального законодателя, когда упускаются из вида отдельные признаки посягательства, либо когда законодатель намеренно игнорирует некоторые из них. Кроме того, в некоторых случаях сужение нормы необходимо для исключения конкуренции норм, например, когда какой-то аспект уже учтен в другой норме, запрещающей сходное посягательство (например, имплементируя положения Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфлик-

тов (Протокол I)⁴⁵, российский законодатель несколько сузил понятие наемника);

4) расширение содержания международно-правовой нормы при формулировании внутригосударственного уголовно-правового запрета, т.е. криминализация некоторых деяний, которые не охватываются международной нормой (как при имплементации норм Конвенции Совета Европы по предупреждению терроризма от 16 мая 2005 г., установившей ответственность за публичное подстрекательство к совершению террористического преступления. Статья же 2052 УК РФ устанавливает ответственность не только за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, но и за публичное оправдание терроризма).

Нельзя сказать, что последние два способа имплементации препятствуют выполнению международно-правовых обязательств. Наоборот, являясь «гибкими» способами, в отличие от «жесткого» текстуального воспроизведения, они дополняют, обогащают национальный закон, помогают адаптировать международные нормы к внутренним особенностям законодательства имплементирующего государства. Поэтому имплементация должна осуществляться с учетом традиций, специфики, особых качеств государства. «Допущение более широкого содержания нормы национального уголовного законодательства по сравнению с соответствующей международной нормой дает возможность государству и выполнять взятые на себя международные обязательства, и учитывать национальные особенности борьбы с преступностью»⁴⁶.

Поскольку нормы международных договоров в уголовно-правовой сфере не могут применяться без соответствующей имплементации их норм в текст уголовного закона, необходимо дополнить ст. 1 УК РФ ч. 3 следующего содержания: «3. При ратификации нового международного договора, содержащего нормы уголовно-правового характера, положения такого договора одновременно должны быть имплементированы в настоящий Кодекс». Такое указание будет способствовать своевременному включению законодателем новых норм, имеющих своим источником международные соглашения, ставшие для России обязательными.

Так, уголовное законодательство России требуется привести в соответствие со многими договорами (например, с Вашингтонской конвенцией о международной торговле ви-

⁴² См.: Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части). Ульяновск, 2006. С. 82.

⁴³ Международное публичное право : сб. документов. М., 1996. Т. 1. С. 460—464.

⁴⁴ Конвенция вступила в силу для СССР 3 июня 1983 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 99—105.

⁴⁵ Протокол вступил в силу для СССР 29 марта 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134—182.

⁴⁶ Шахунянц Е. А. Указ. соч. С. 30.

дами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.⁴⁷, Международной конвенцией о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г., Международной конвенцией по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г.⁴⁸ и др.).

В то же время нельзя не отметить, что в некоторых случаях законодатель довольно оперативно реагирует на вступление в силу международного договора. Так, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма заключена 16 мая 2005 г. Россия подписала ее 17 ноября 2005 г., ратифицировала Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ⁴⁹. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ⁵⁰ в Уголовный кодекс РФ были внесены соответствующие изменения.

Своевременное закрепление норм о конвенционных преступлениях в уголовном законе позволяет не только вовремя и в полном объеме исполнить международные обязательства, но и адекватно оценить общественную опасность подобных деяний с учетом его признаков, закрепленных в международном договоре.

Также следует ч. 1 ст. 2 УК РФ изложить в такой редакции: «1. Задачами настоящего Кодекса являются: *охрана международных отношений и международного правопорядка, прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений*».

Включение охраны международных отношений и международного правопорядка в число задач УК РФ позволит особо выделить и отразить специфику данных объектов посягательства и будет ориентировать правоприменителя на необходимость учета соответствующих положений международных актов.

⁴⁷ Конвенция вступила в силу для СССР 8 декабря 1976 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 549—562.

⁴⁸ СССР признал Конвенцию имеющей силу для СССР Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 2 февраля 1926 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. 1926. № 31. Ст. 190.

⁴⁹ СЗ РФ. 2006. № 17 (1 ч.). Ст. 1785.

⁵⁰ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // РГ. 2006. 29 июля.

Имплементируя уголовно-правовые положения международных договоров, российский законодатель рассредоточил их в Особенной части УК РФ, поместив их в различные главы, более или менее соответствующие содержанию норм. Как представляется, все конвенциональные преступления в первую очередь посягают на международно-правовую обязанность государства по выполнению принятых обязательств, следовательно, позиция законодателя должна быть несколько иной. Презюмируется, что в УК РФ выделение разделов происходит по родовому объекту посягательства. Следовательно, в данном случае необходимо выделение самостоятельного раздела, посвященного реализации международно-правовых обязательств, то есть необходимо все конвенциональные преступления объединить в один раздел. При этом его следует поместить в самое начало Общей части, перед разделом «Преступления против личности». При разработке нового УК РФ структура раздела «Конвенциональные преступления» можно представить следующим образом:

Глава А. Преступления против мира и безопасности человечества

Статья 1⁵¹. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны

Статья 2. Публичный призыв к развязыванию агрессивной войны

Статья 3. Совершение незаконных действий с оружием массового уничтожения

Статья 4. Нарушение законов и обычаев ведения вооруженных конфликтов

Статья 5. Геноцид

Статья 6. Апартеид

Статья 7. Наемничество

Статья 8. Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой

Глава Б. Преступления против основных прав и свобод человека

Статья 9. Убийство

Статья 10. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации

Статья 11. Похищение человека

Статья 12. Торговля людьми

Статья 13. Обращение в рабство и эксплуатация человека

Глава В. Преступления против основных политических, экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина

Статья 14. Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина

Статья 15. Нарушение неприкосновенности частной жизни

Статья 16. Нарушение тайны переписки,

⁵¹ Нумерация статей будет начинаться с 1 для удобства восприятия.

телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений

Статья 17. Нарушение неприкосновенности жилища

Статья 18. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий

Статья 19. Фальсификация избирательных документов, документов референдума

Статья 20. Фальсификация итогов голосования

Статья 21. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет

Статья 22. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат

Статья 23. Нарушение авторских и смежных прав

Статья 24. Нарушение изобретательских и патентных прав

Статья 25. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий

Статья 26. Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них

Глава Г. Преступления против несовершеннолетних

Статья 27. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Статья 28. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Статья 29. Подмена ребенка

Статья 30. Незаконное усыновление (удочерение)

Статья 31. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

Статья 32. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей

Глава Д. Преступления, совершаемые в открытом море

Статья 33. Пиратство

Статья 34. Разрыв или повреждение подводного кабеля или подводного трубопровода

Статья 35. Несанкционированное вещание из открытого моря

Глава Е. Преступления против культурных ценностей

Статья 36. Хищение либо вымогательство предметов, имеющих культурную ценность

Статья 37. Контрабанда культурных ценностей

Статья 38. Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей

Статья 39. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры

Глава Ж. Преступления против законной экономической деятельности

Статья 40. Легализация доходов, полученных в результате совершения преступления

Статья 41. Монополистическая деятельность либо недобросовестная конкуренция

Статья 42. Незаконное использование товарного знака

Статья 43. Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг

Статья 44. Контрабанда алкогольных товаров
Глава 3. Преступления против общественной безопасности

Статья 45. Террористический акт

Статья 46. Содействие террористической деятельности

Статья 47. Публичный призыв к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма

Статья 48. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности

Статья 49. Организация террористического сообщества и участие в нем

Статья 50. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации

Статья 51. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава

Статья 52. Совершение акта насилия в аэропорту

Статья 53. Уничтожение или повреждение оборудования и сооружений аэропорта или воздушного судна, не находящегося в эксплуатации

Статья 54. Захват заложника

Статья 55. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)

Статья 56. Организация объединения, посягающего на личность и права граждан

Статья 57. Хулиганство во время спортивных мероприятий

Статья 58. Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики

Статья 59. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, использование, передача, преобразование, разрушение или иное уничтожение ядерных материалов или радиоактивных веществ

Статья 60. Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ

Статья 61. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Статья 62. Незаконное изготовление оружия

Статья 63. Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Глава И. Преступления против законного оборота и потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

Статья 64. Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества

Статья 65. Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества

Статья 66. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ

Статья 67. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества

Статья 68. Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ

Статья 69. Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ

Статья 70. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры

Статья 71. Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ

Статья 72. Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ

Глава К. Преступления против общественной нравственности

Статья 73. Вовлечение в занятие проституцией

Статья 74. Организация занятия проституцией

Статья 75. Изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, запрещенных к обороту

Статья 76. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних

Статья 77. Незаконное изготовление или оборот порнографических материалов или предметов, разрешенных к обороту

Статья 78. Жестокое обращение с животными

Глава Л. Экологические преступления

Статья 79. Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений

Статья 80. Загрязнение вод

Статья 81. Загрязнение атмосферы

Статья 82. Загрязнение морской среды

Статья 83. Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации

Статья 84. Порча земли

Статья 85. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов

Статья 86. Незаконная охота

Статья 87. Уничтожение критических местобитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации

Статья 88. Торговля видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения

Статья 89. Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов

Глава М. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта

Статья 90. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена

Статья 91. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

Статья 92. Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие

Статья 93. Нарушение правил международных полетов

Глава Н. Преступления в сфере компьютерной информации

Статья 94. Неправомерный доступ к компьютерной информации

Статья 95. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ

Статья 96. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей

Глава О. Преступления против безопасности государства

Статья 97. Сепаратизм

Статья 98. Публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности

Статья 99. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

Статья 100. Организация экстремистского сообщества

Статья 101. Возобновление либо продолжение деятельности экстремистской организации

Глава П. Преступления против государственной власти и порядка управления

Статья 102. Пытка

Статья 103. Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, иного документа, заменяющего паспорт гражданина Российской Федерации, либо документов на въезд в Российскую Федерацию или выезд из Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации

Статья 104. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации

Статья 105. Организация незаконной миграции

Глава Р. Коррупционные преступления⁵²

Статья 106. Злоупотребление полномочиями

Статья 107. Нецелевое расходование бюджетных средств

Статья 108. Нецелевое расходование средств внебюджетных фондов

Статья 109. Превышение полномочий

Статья 110. Получение взятки

Статья 111. Дача взятки

Статья 112. Посредничество во взяточничестве

Глава С. Преступления против правосудия

Статья 113. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования

Статья 114. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование

Статья 115. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования

Статья 116. Принуждение к даче показаний

Статья 117. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу

В заключение можно отметить следующее. Роль и значимость норм международного права в последнее время резко возросли. Ощутимее становится «неполноценность» государства на

международной арене, правовые акты которого не соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным обязательствам этого государства, в том числе в уголовно-правовой сфере.

Установление признаков многих преступлений невозможно без учета положений соответствующих договоров, так как нормы международного права играют существенную роль в толковании и применении норм уголовного закона.

Россия приняла на себя определенные обязательства, подписав и ратифицировав международные договоры. Специфика межгосударственных соглашений в области уголовного права состоит в том, что они не могут быть реализованы без имплементации их положений в УК РФ, поскольку как минимум нормы таких соглашений не имеют санкций. Поэтому выполнение международных обязательств России возможно только посредством включения конвенционных положений в российский закон.

Однако Российская Федерация не полностью имплементировала обязательные для нее положения международных актов. В связи с этим необходимо сопоставлять ратифицированные Россией договоры и российский уголовный закон и выявлять их соотношение. УК РФ не всегда текстуально воспроизводит положения международно-правовых источников, но при анализе имеющихся расхождений нельзя безусловно признавать наличие в УК РФ пробелов в связи с неимплементацией международных договоров в полном объеме. С одной стороны, это может быть обусловлено тем, что российский уголовный закон запрещает данное посягательство иной нормой, с другой — особенностями российской правовой системы и уровнем законодательной техники, когда отдельное положение международного акта невозможно имплементировать в силу объективных причин. Оценивая общественную опасность конвенционных преступлений с учетом признаков, закрепленных в договоре, законодатель, признав наличие пробела и в этой связи конструируя новые составы преступлений, должен опираться не только на определения преступных деяний в конвенциях, но и на особенности и традиции национального законодательства, чтобы не превратить признаки преступлений в набор фраз из положений международных актов.

⁵² Они включают преступления, совершенные как должностными лицами, так и не должностными.

Библиография:

1. Адельханян Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву. — М. : МЗ ПРЕСС, 2002. — 37 с.
2. Анцилотти Д. Курс международного права: в 2 т. Т. 1. Введение — Общая теория / пер. с 4-го итал. изд. А. Л. Сакетти и Э. М. Фабрикова ; под ред. и с предисл. Д. Б. Левина. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. — 447 с.
3. Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. — Киев : Вища / школа, 1976. — 267 с.
4. Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части). — Ульяновск: УлГУ, 2006. — 216 с.
5. Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений // Советский ежегодник международного права — 1971. — М., 1973. — С. 117—127.
6. Гетьман-Павлова И. В. Международное уголовное право и российское уголовное законодательство. — М. : МГОУ, 2004. — 208 с.
7. Захарова Л. Н. Международное право. — М. : РИОР, 2005. — 186 с.
8. Игнатенко Г. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. — Свердловск: УрГУ, 1980. — 75 с.
9. Иногамова-Хегай Л. В. Система преступлений в международном и российском уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. — М. : Юрист, 2006. — С. 277—281.
10. Казанский П. Введение в курс международного права. — Одесса, 1901. — 400 с.
11. Карпец И. И. Международная преступность. — М. : Наука, 1988. — 112 с.
12. Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право. — Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. — 272 с.
13. Кибальник А. Г., Соломонович И. Г., Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. — Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2000. — 79 с.
14. Князев А. Г. Проблемы действия уголовного закона в пространстве. — Владимир, 2006. — 136 с.
15. Коркунов Н. Опыт конструкции международного уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. — 1889. — Кн. 1. — С. 120—121.
16. Курс международного права : в 7 т. Т. 6. Отрасли международного права / отв. ред. И. И. Лукашук. — М. : Наука, 1992. — 312 с.
17. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. — Юрьев (Дерпт), 1912. — 574 с.
18. Лукашук И. И. О наименованиях международных договоров // Вопросы теории и практики современного международного права. Вып. 3 / под ред. Л. А. Моджорян. — М., 1960. — С. 68—87.
19. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. — М. : Спарк, 1999. — 286 с.
20. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 1. — СПб., 1882. — 468 с.
21. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 2. — СПб., 1883. — 686 с.
22. Наумов А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. — № 6. — С. 48—57.
23. Номоконов В. А. Международное уголовное право. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2001. — 49 с.
24. Рассказов Л. П., Упоров И. В., Трунцевский Ю. В. Ответственность за транснациональные преступления. — Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2000. — 118 с.
25. Саркисян М. А. Квалифицирующие признаки международного преступления // Государство и право. — 2005. — № 8. — С. 82—90.
26. Сунцов Е. А., Трунцевский Ю. В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. — 1997. — № 2. — С. 92—99.
27. Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. — М. : Юридическое издание НКЮ СССР, 1937. — 216 с.
28. Фердросс А. Международное право / пер. с нем. Ф. А. Кублицкого, Р. Л. Нарышкиной ; под ред. и с предисл. Г. И. Тункина. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. — 652 с.
29. Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. — М. : Междунар. отношения, 1993. — 294 с.
30. Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. — М. : НИМП, 1999. — 531 с.
31. Шахунянц Е. А. Международно-правовые обязательства и внутригосударственное уголовное законодательство. — М. : ИНИОН, 1993. — 82 с.
32. Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора. — М., 1959. — 472 с.

Материал поступил в редакцию 15 марта 2014 г.

INTERNATIONAL TREATY AS THE FOUNDATION FOR RECOGNIZING ACTS AS CRIMINAL

Knyazkina, Anastasia Konstantinovna – PhD in Law, Senior Lecturer of the Kuban State University.

[knyazkina_a@mail.ru]

350063, Russia, Krasnodar, ul. Oktyabrskaya, 25.

Review: *The object of studies involves international treaties, serving as grounds for recognizing conventional crimes as criminal deeds, these are the treaties involving obligations of implementation of their provisions into the text of the provisions of the criminal law of Russia. The article includes the definition of the conventional crimes. Then the author analyzes the definition of an international treaty according to the Russian law and international provisions, studying their types, ratification procedures and some issues regarding their implementation. The methodological basis for the study was found in the dialectic cognition method for matters and processes in the objective reality. The author also used modern general scientific, specific scientific and specialized methods: comparative, systemic-structural, normative-logical, historical, etc. The scientific novelty is characterized with the wide range of issues being analyzed with due consideration to the modern approach to elements and nature of conventional crimes. The article includes a definition of conventional crimes, the author studies the definition of an international treaty based upon the Russian legislation and international law provisions, taking into consideration their types, ratification procedures and some issues regarding their implementation. The article involves a number of conclusions and proposals for the improvement of the current Russian legislation.*

Keywords: *international treaty, conventional crimes, implementation, criminalization, codification, the Criminal Code of the Russian Federation, international crimes, crimes of international character, conventional crimes, transnational crimes.*

Bibliography:

1. Adelhanyan, R.A. Criminality of an act according to the international criminal law. M.: MZ PRESS, 2002. – 37 p.
2. Anzilotti, D. Course of international law. In 2 v., V.1. Introduction. General theory. Translated from the 4th Italian edition by A.L. Saketti and E.M. Fabrikov; Ed., Preface D.B. Levin. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1961. – 447 p.
3. Vasilenko, V.A. State responsibility for international offences. Kiev: Izdatel'skoe ob"edinenie «Vishcha shkola», 1976. – 267 p.
4. Vdovin, V.A. Implementation of international legal norms in criminal law of the Russian Federation (General Part issues). Ulyanovsk: UIGU, 2006. – 216 p.
5. Galenskaya, L.N., Petrovskiy, Y.V. Responsibility of natural persons for the commission of international crimes. 1971. M., 1973. – P. 117–127.
6. Getman-Pavlova, I.V. International criminal law and Russian criminal legislation. M.: MGOU, 2004. – 208 p.
7. Zakharova, L.N. International law. M.: RIOR, 2005. – 186 p.
8. Ignatenko, G.V. International cooperation in fighting crime. Sverdlovsk: UrGU, 1980. – 75 p.
9. Inogamova-Hegai, L.V. System of crimes in international Russian criminal law. // Criminal law: development strategy in the XXI century. Collected materials of the III International Scientific and Practical Conference. Ed. by A.I. Rarog. M.: Yurist, 2006. – P. 277–281.
10. Kazanskiy, P. Introduction into the course of international law. Odessa, 1901. – 400 p.
11. Karpets, I.I. International crime. M.: Nauka, 1988. – 112 p.
12. Kibalnik, A.G. Introduction into the international criminal law. Stavropol: Stavropolservisshkola, 2001. – 272 p.
13. Kibalnik, A.G., Solomonenko, I.G., Shibkov, O.N. Principles and provisions of international law as sources of criminal law. Stavropol: Stavropolservisshkola, 2000. – 79 p.
14. Knyazev, A.G. Problems of territorial application of criminal law. Vladimir, 2006. – 136 p.
15. Korkunov, N. Experience of construing international criminal law. // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava. 1889. Book 1. – P. 120–121.
16. The course of international law. In 7 v., V.6. Branches of international law./ Ed. by I.I. Lukashuk. M.: Nauka, 1992. – 312 p.

17. List, F. International law in systematic provisions. Yuryev (Derpt), 1912. – 574 p.
18. Lukashuk, I.I. On the titles of international treaties. // Issues of theory and practice of modern international law. Ed. 3. / Ed. by L.A. Modzhoryan. M., 1960. – P. 68–87.
19. Lukashuk, I.I., Naumov, A.V. International criminal law. M.: Spark, 1999. – 286 p.
20. Martens, F.F. Modern international law of civilized nations. In 2 v., V.1. SPb., 1882. – 468 p.
21. Martens F.F. Modern international law of civilized nations. In 2 v., V. 2. SPb., 1883. – 686 p.
22. Naumov, A.V. Crimes against peace and security of humankind and the crimes of international character. // Gosudarstvo i pravo. 1995. N. 6. P. 48–57.
23. Nomokonov, V.A. International criminal law. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 2001. – 49 p.
24. Rasskazov, L.P., Uporov, I.V., Truntsevskiy, Y.V. Responsibility for the transnational crimes. Krasnodar: Krasnodarskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 118 p.
25. Sarkisyan, M.A. Aggravating elements of an international crime. // Gosudarstvo i pravo. 2005. N. 8. – P. 82–90.
26. Suntsov, E.A., Truntsevskiy, Y.V. Theoretical problems of implementation of provisions of international criminal law in Russia. // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1997. N. 2. – P. 92–99.
27. Traynin, A.N. Protection of peace and criminal law. M.: Yuridicheskoe izd-e NKYu SSSR, 1937. – 216 p.
28. Ferdross, A. International law. / Translated from German by F.A. Kublitskiy, R.L. Naryshkina; Ed. by and Preface by G.I. Tunkin. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1959. – 652 p.
29. Chernichenko, S.V. International law: modern theoretical problems. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1993. – 294 p.
30. Chernichenko, S.V. Theory of international law. In 2 v. V.2 Theoretical problems old and new. M.: NIMP, 1999. – 531 p.
31. Shakhunyants, E.A. International legal obligations of the state and the domestic criminal legislation. M.: INION, 1993. – 82 p.
32. Shurshalov, V.M. Key issues of theory of the international treaties. M., 1959. – 472 p.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

А. Н. Тимонин*

АНГЛОСАКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА: К ДИСКУССИИ ОБ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ

Аннотация. Цель исследования — оспорить идею о необходимости широкомасштабного внедрения англосаксонской модели государства в государственно-правовую жизнь современной России. В предметном поле дискуссии оказываются: исторические пути, пройденные Англией, Америкой и Россией, их цивилизационная и геополитическая несхожесть, различия в идейно-теоретических основах. Все это потребовало тщательного изучения основных параметров англосаксонской модели государства, начиная с ее истоков. Особое внимание было уделено той версии происхождения государства, которая представлена в трудах Джона Локка.

Методология исследования: цивилизационный и формационный подходы, диалектический подход к анализу общего, особенного и отдельного, исторический, логический, проблемно-теоретический, сравнительный, сравнительно-правовой, текстологический методы.

Научная новизна и выводы. Англосаксонская модель государства выражает региональную специфику англо-американского мира. При ином подходе она возводится в ранг «общей закономерности», которой произвольно придается планетарный характер. Полное забвение категории «особенное», исторического характера российской государственной модели приведет к вечному метанию между левым и правым западничеством.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, понятие государства, теория государства, теоретики государства, англосаксонская модель государства, российская модель государства, государственно-правовые особенности, англосаксонские правовые особенности, историко-правовой опыт.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.087-099

После распада СССР и дискредитации его государственно-правового опыта на всем постсоветском пространстве активизировались поиски новых государственно-правовых моделей. Первые же шаги отечественной юриспруденции тогда были связаны с активным изучением государственно-правовых образцов, имевших западное, происхождение. Примером может служить точка зрения С. С. Алексеева, в соответствии с которой конечной целью развития самых разных государств, принадлежащих к разным типам цивилизаций, являются

государственные порядки, сложившиеся в Западной Европе и Северной Америке. Обращаясь к процессу их возникновения, он пришел к выводу о том, что «такого рода процесс особо четко обозначился в Европе, Северной Америке в XVIII—XX веках в результате буржуазных демократических революций»¹. При этом исследователи порой теряли чувство меры, некритично излагая весь комплекс проблем,

¹ Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1993. С. 20.

© Тимонин А. Н., 2015

* Тимонин Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор Башкирского государственного университета.

[timonin.anatoly2011@yandex.ru]

450005, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

так или иначе связанных с данной проблематикой. Особой популярностью у них пользовалась т.н. англосаксонская модель государства. Новейшим образцом подобного подхода может служить монография Ф. М. Раянова, которая посвящена триумфальному «шествию англосаксонской модели государственности по всей планете»². Подобный подход может и должен быть оспорен. Налицо необходимость повторного обращения к изучению англо-американского государственно-правового опыта. При этом особого внимания заслуживают идейно-теоретические основы англосаксонской модели государства.

Приступая к решению данной проблемы, следует подчеркнуть мысль о естественно-историческом происхождении англосаксонской модели государства. Она возникла в пределах островного государства, которое морем было веками надежно защищено от иноземных вторжений. По этой причине здесь долго не было потребности в крупной постоянной армии и, соответственно, — в бюрократии, обслуживающей эту армию. В подобных условиях самое широкое развитие приобретает знаменитое английское самоуправление, которое сопровождалось возникновением и развитием по крайней мере трех фундаментальных идей: ограничения королевской власти, «мифа хартии» и господства права. Они настолько глубоко укоренились в общественном сознании англичан, что их не удалось выкорчевать даже тем правителям этой страны, которых принято отождествлять с абсолютными монархами. Исследуя исторические особенности формирования государственного строя Англии, О. В. Мартышин подчеркивает: «Фикция полуреспубликанского-полумонархического правления стойко сохранялась в английском общественном мнении даже в те времена, когда страна была наиболее близка к неограниченной королевской власти»³. Все это стало питательной почвой для возникновения классического либерализма, который мирился с «людоедством» — уничтожением самого массового средневекового сословия — английского крестьянства, с работоторговлей и расизмом. Не стоит закрывать глаза на феномен «кровавого законодательства», на основе которого осуществлялись массовые репрессии по отношению к англичанам, покинувшим свои деревни не по своей воле, на феномен «работных домов»,

которые по своей сути мало чем отличались от концлагерей. Не стоит забывать и о красноречивых признаниях Адама Смита, любившего поговорить о «расе рабочих». Затем либеральные идеи перебрали за океан, и в Северной Америке пышным цветом расцвели работоторговля, расизм и геноцид индейцев («людоедство»). Иначе и быть не могло среди потомков кальвинистов, которые перенесли библейскую идею «избранного народа» на своих единомышленников. Итак, хваленые англосаксонские права и вольности всегда были достоянием немногих — сильных мира сего, провозгласивших себя «избранными».

Общеизвестно, что США появились на политической карте мира в результате войны за независимость. С оружием в руках американцы боролись с бывшей метрополией — Англией. В ходе этой войны американцы научились ненавидеть многое из того, что их связывало с бывшей метрополией. Результатом стал разрыв с англосаксонскими правовыми традициями. Наиболее ярко этот разрыв воплотился в Конституции США 1787 г., представляющей собой, по словам Р. Давида, закон романского типа⁴. Заслуживает внимания и процесс ее разработки. Наиболее подготовленным к такого рода деятельности оказался только один из участников конституционного Конвента — Джеймс Мэдисон, которого сами американцы называют «философом» или же архитектором Конституции. Это и понятно — за все время работы конвента с мая по сентябрь он проштудировал более 200 томов, которые ему переправлял через океан Томас Джефферсон — тогдашний американский посланник во Франции. Основная масса просветителей, как известно, происходила именно из этой страны. Поэтому совершенно не правы те, кто подобно Ф. М. Раянову считает духовным отцом американских конституционалистов одного только Дж. Локка⁵. На самом деле, не только Локк, и даже не столько Локк, повлиял на мировоззрение будущего классика политической и юридической науки. Какова же роль на этой стадии конституционного процесса другого отца-основателя — А. Гамильтона? Можно ли, подобно Ф. М. Раянову, приравнивать его к Д. Мэдисону⁶? Думается, что Ф. М. Раянов несколько опережает события, ибо Гамильтон — внебрачный сын шотландского дворянина, считавший себя учеником Гоббса и Юма, был поклонником всего английского. Он склонялся к мысли о том, что президент и сенат должны были править Аме-

² Раянов Ф. М. Проблемы теории и практики правового государства. Уфа, 2013. С. 25.

³ Мартышин О. В. Проблемы конституционализма в истории политической мысли Англии // История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1983. С. 69.

⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1988. С. 371.

⁵ Раянов Ф. М. Указ. соч. С. 18, 28 и др.

⁶ Там же. С. 18.

рикой пожизненно. Большинство участников конвента не разделяли олигархические идеалы Гамильтона. Поэтому ему пришлось смириться с тем проектом конституции, который во многом был основан на идеях Д. Мэдисона. Только после завершения процесса ее разработки он становится активным сторонником скорейшей ратификации Конституции. Только на данном этапе Гамильтон объединяет свои усилия с Мэдисоном в борьбе с антифедералистами. Не случайно в нашей стране он известен в качестве именно федералиста.

Но если не Конституция, то, быть может, Декларация независимости 1776 г. была написана Т. Джефферсоном всецело под влиянием концепций Джона Локка? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к учебнику В. Г. Графского, который отмечая своеобразие позиции Джефферсона подчеркивает: «Он не включал право собственности в число неотъемлемых и прирожденных прав». Для Локка же известная триада прирожденных прав была немыслима без права на имущество. Поэтому «в ответ на обвинение в плагиате у Дж. Локка Джефферсон заявил, что помимо Локка он перечитывал также античных авторов»⁷. Правда, Локк не считал «природное состояние лишь мифом, удобным для теоретических рассуждений», как представлялось Гоббсу. С его точки зрения, «это состояние действительно существовало, и при нем все люди, мужчины и женщины, были равны, а значит, и свободны»⁸. Налицо явная идеализация первобытного общества («естественного состояния» в терминологии Локка) в духе религиозно-мифологической концепции «золотого века». Вместо «полной свободы» подлинного равенства в позднепервобытном обществе, как установили современные ученые, уже наметилась тенденция к властному доминированию родоплеменной знати и военной верхушки. Поэтому даже советские этнографы вместо «военной демократии» предпочитали употреблять иные термины: «военная иерархия», «военная олигархия»⁹. Никакой тоски по «потерянному раю» или же «золотому веку» не ощущается и в творчестве американских антропологов. Одни из них, подобно М. Х. Фриду, различают эгалитарные, ранжированные и стратифицированные первобытные общества. Другие же идут по пути, предложенному Э. Р. Сервисом, который противопоставлял эгалитарным иерар-

хические общества¹⁰. Но даже на самой ранней стадии первобытности, которая в нашей стране отождествлялась с эпохой «первобытного коммунизма», а на Западе с эгалитарным обществом, не было и быть не могло полной свободы. Экскурс в область истории первобытности, осуществленный А. И. Косаревым, не оставляет никаких сомнений на этот счет. Он вполне обоснованно отмечает: «В то время внешний быт и внутренний мир человека были еще крайне примитивными, коллективное принятие решений соседствовало с “тиранией” стариков — хранителей религиозных традиций; обычаи были малоподвижны и сковывали творческую активность, самостоятельность членов рода, а утверждаемая ими “естественная” привычка к покорности граничила с добровольным рабством»¹¹.

Похоже, Локк столь же сильно презирал реальную историю, как и его коллеги — французские просветители. Поэтому вместо изучения подлинной истории человечества он конструировал политико-правовые фикции. Подобный подход породил множество идеализированных допущений, среди которых мы видим не только «полную свободу» и подлинное равенство, якобы царившие в позднем первобытном обществе. Стоит ли удивляться тому, что «это первоначальное состояние равенства и свободы опиралось» не на факты, а «на здравый смысл»¹². Локк, точно так же как и французские просветители, идеализировал античные республики и стремился возродить государственно-правовые порядки, свойственные им, в новых исторических условиях. Вопреки Локку и его американским поклонникам в политической жизни всех стран Запада, включая США, все большую роль ныне играют профессионалы. На это обстоятельство в свое время обратил внимание Макс Вебер — великий буржуазный антипод Маркса. В личной беседе с англо-американскими рабочими он обратился к ним со словами: «...почему они позволяют управлять собой часто продажным партийным функционерам...»? Они ответили: «...потому что “наша великая страна” предлагает такие большие возможности, что, даже если миллионы будут обворованы, задавлены и забиты, все равно останется еще достаточно источников прибыли...». При этом рабочие добавили: «...потому что эти “профессионалы” представляют собой касту, на которую “мы”... “глюем”...»¹³.

⁷ Графский В. Г. Всеобщая история государства и права. М., 2000. С. 437.

⁸ См.: Хесс Р. 25 ключевых книг по философии : пер. с фр. Челябинск, 1999. С. 105.

⁹ См.: Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде. М., 1986. Т. I. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. С. 15, 33.

¹⁰ См.: Там же. С. 138—139.

¹¹ Косарев А. И. О поступательном развитии права в эксплуататорских формациях // Правоведение. 1977. № 4. С. 85.

¹² Хесс Р. Указ. соч. С. 105.

¹³ Вебер М. Харизматическое господство // Мухаев Р. Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений : пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М., 2000. С. 619.

Профессионализация политики исключает прямые аналогии с античными демократическими республиками. Вместо непосредственной демократии античного типа на Западе утвердилась представительская демократия «общества массового потребления». Вместо того, чтобы посвятить свой досуг самому активному участию в управлении собственным государством, современный западный гражданин предпочитает сидеть у телевизора или в компании приятелей.

Обращает на себя внимание и трактовка Джефферсоном доктрины народного суверенитета. Дело в том, что «в этом вопросе он был близок к Руссо, считавшему народный суверенитет единым, неделимым, неотчуждаемым, и занимал более радикальную позицию, нежели другие американские демократы, вполне удовлетворявшиеся представительной формой народного суверенитета»¹⁴. Радикализм Джефферсона проявил себя и в том, что он наделял народ правом на восстание (на революцию). Поэтому американская декларация выгодно отличается от подобных документов других стран тем, что в ней народный суверенитет был закреплен в полном объеме. Третья важная доктрина, которая отразилась в американской декларации — доктрина общественного договора. Вот что пишет об этой доктрине шведский профессор Эрик Аннерс: «Идея общественного договора рассматривалась в качестве умозрительной модели, которая восходила к временам античности, точнее говоря, к Аристотелю»¹⁵. Строго говоря, прообраз договорной теории был создан именно Эпикуром, а не Аристотелем. Поэтому уточнение Аннерса должно быть оспорено. Бесспорно другое — отсутствие фактической основы у этой доктрины. Об этом совершенно откровенно поведал в свое время Жан-Жак Руссо. Рассуждая о происхождении и основаниях неравенства между людьми, он писал: «Начнем же с того, что отбросим все факты, ибо они не имеют никакого касательства к данному вопросу. Мы должны принимать результаты розысканий, которые можно провести по этому предмету, не за исторические истины, но лишь за предположительные и условные рассуждения, более способные осветить природу вещей, чем установить их действительное происхождение...»¹⁶.

В отличие от Руссо, Джон Локк предпринял попытку установить действительное происхожде-

ние «политических сообществ». Всякий исследователь генезиса цивилизации и государства сталкивается с множеством трудностей, среди них обнаруживает себя и такая, которая с известной долей условности может быть названа «принципом опрокинутой пирамиды». В соответствии с этим «принципом» чем глубже мы погружаемся в историю, тем меньше фактов доступно тому или иному ученому. На это обстоятельство не преминул обратить внимание и Джон Локк, заметив, что «государственный строй повсюду предшествует летописям». Поэтому «...с государствами происходит то же, что и с отдельными лицами: они обычно не имеют никакого представления о своем рождении и младенчестве»¹⁷. Убедившись в крайней скудости наших знаний о том, как возникали первые государства Земли, он стал восполнять пробелы в истории ранней древности при помощи самых рискованных гипотез. При этом он руководствовался старым научным идеалом, основанным на критерии очевидности. Данный критерий обнаруживает себя в высказывании о перуанцах, индейцах Флориды, Бразилии и других первобытных «нациях», которые «не имели королей». С его точки зрения, «...эти люди, совершенно очевидно, были действительно свободны... <...>, ...но по согласию были все равными, до тех пор пока по тому же согласию они не устанавливали у себя правителей»¹⁸. Дело осталось только за примерами, при помощи которых Джон Локк пытался убедить читателя в договорном происхождении первичных государств. В качестве таковых он использует Рим и Венецию, где возникновение государства «...произошло путем объединения нескольких свободных и независимых друг от друга людей»¹⁹. Своих идейных противников он предупреждает: «Тот, кто... допускает, что возникновение Рима и Венеции...» происходит иным путем «...тот должен обладать странной склонностью к отрицанию очевидных фактов, когда они не согласуются с его гипотезой»²⁰.

Воинственность римлян эпохи первых царей и даже ранней республики стала притчей во языцех. Проигнорировать ее мог только предвзятый читатель Плутарха, Тита Ливия и других древних авторов, чьи сочинения были вполне доступны современникам Джона Локка. Отказ от их использования свидетельствует о том, не только его идейные противники, но и сам Локк обладал «странной склонностью

¹⁴ Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. М., 1983. С. 98.

¹⁵ Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. / Ин-т Европы. М., 1994. С. 219.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Трактаты / изд. подгот.: В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, В. А. Полторацкий, А. Д. Хаутин ; отв. ред. А.З. Манфред. М., 1969. С. 46.

¹⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. : пер. с англ. и лат. / ред. и сост., авт. примеч.: А. Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. Кн. II. С. 320.

¹⁸ Там же. С. 320, 321.

¹⁹ Там же. С. 320.

²⁰ Там же.

к отрицанию очевидных фактов». По всей видимости, шаткость и неубедительность собственной гипотетической картины возникновения первичных государств, сформированной на основе допущений и дедуктивных построений, в какой-то мере создалась самим Джоном Локком. Примером может служить повествование об основании выходцами из Спарты Тарента — города в Италии, договорное происхождение которого ему приходится обосновывать при помощи надежды. Локк так и пишет: «И я надеюсь, что тем, кто покинул Спарту вместе с Фалантом... будет позволено быть свободными людьми, независимыми друг от друга, и создать государственное правление по своему собственному соглашению»²¹. Априоризм подобного подхода к решению проблемы возникновения первичных и вторичных государств очевиден. В результате Локку ничего не остается, кроме как уповать на мощь всемогущего разума. Его заключительный вывод не оставляет никаких сомнений на этот счет: «В заключение следует сказать: разум совершенно очевидно на нашей стороне, и он говорит, что люди по природе свободны». Более того, «...те государства, которые возникли на земле мирным путем, брали свое начало из этой основы и были созданы соглашением людей»²². Легко заметить, что вместо фактов Локк активно использует сугубо умозрительные предположения и рассуждения. При всей очевидной несхожести той версии происхождения государства, которая представлена в трудах Локка, с другими направлениями теории общественного договора, созданными Гоббсом и Руссо, между ними обнаруживается нечто общее — отношение к фактам. Как верно подметил американский антрополог Элман Сервис, «ни один из трех не связывал себя однозначно “историчностью” вновь заключенного соглашения между людьми в ходе развития из природного состояния». Поэтому «...нам не надо принимать это соглашение в качестве фактической основы теории происхождения государства»²³.

Особенно неудачной следует признать локковскую трактовку образования римского государства. Все, что мы знаем об изначальной агрессивности Рима, о вековом господстве патрициев над плебеями и рабами, говорит об элитарном происхождении римского государства. Сходным путем возникла и развивалась Спарта — самый известный из

полисов, основанных греками-дорийцами. Дорийский путь возникновения государства был связан с «завоеванием и подчинением местного населения», повсюду он «привел к установлению олигархических режимов»²⁴. Дорийское завоевание материковой Греции античными авторами было названо «возвращением Гераклидов» — внуков и правнуков Геракла, при помощи северных варваров мстивших ахейцам за своих отцов, изгнанных с исторической родины. Вот что писал об этом Фукидид: «Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения...». Касаясь роли дорийцев в этом процессе, он отмечал: «...а на восьмидесятом году после основания Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес»²⁵.

В иных исторических условиях передвижения племен и соплеменностей, нашествия варваров погубили Западную Римскую империю и привели к возникновению на территории ее бывших провинций множества германских королевств. Изучив этот процесс, Энгельс пришел к выводу: «...у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий...». О том, что это не случайная оговорка отца-основателя классовой теории можно убедиться на примере другого его высказывания: «Мы знаем, что господство над покоренными несовместимо с родовым строем. Здесь мы видим это в крупном масштабе»²⁶. При всех недостатках всемирно известной работы Энгельса отдельные ее положения до сих пор сохраняют свое научное значение. Они представляют собой яркое подтверждение принципиального сходства «германской», «спартанской» и «римской» форм государствообразования. Но Локк предусмотрительно умолчал о тех фактах из реальной истории Рима, Тарента и Венеции, которые совершенно не вписывались в его договорную теорию, так как они свидетельствовали о ведущей роли военного фактора в процессе возникновения всех этих государств. Повышенный интерес Локка к проблеме происхождения государства объясняется тем, что знание первоначал государства и права тогда считалось ключом к познанию их сущ

²¹ Там же. С. 321.

²² Там же. С. 321—322.

²³ Service E. R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution / Ed. by R. Cohen and E. Service. Philadelphia, 1978. P. 22.

²⁴ См. подр.: Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / АН УССР. Ин-т археологии; отв. ред. Е. П. Бунятян. Киев, 1989. С. 175.

²⁵ Фукидид. История / изд. подгот.: Г. А. Стратоновский, А. А. Нейхардт, Я. М. Боровский; отв. ред. Я. М. Боровский. М., 1993. С. 10.

²⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Морган. М.: Изд-во полит. лит., 1976. С. 189, 169—170.

ности. Происхождение государства и права из первоначал и Локком, и его предшественниками конструировалось на основе дедуктивно-рационалистического способа познания, важнейшие принципы которого были созданы в свое время Аристотелем²⁷. Как и Аристотель, он активно использовал аксиомы, полученные сугубо априорным путем.

Ярко выраженный априорно-рационалистический характер доктрины общественного договора вовсе не смущал тех ее сторонников, которые, подобно Джефферсону, включали данную доктрину в те или иные документы конституционно-правового характера. У истоков этой доктрины стояли Дж. Локк и другие просветители, постулирующие тезис о договорном происхождении если не всех, то очень многих государств. Поэтому она приобрела столь значительный авторитет, что договорную природу государства стали искать и «находить» не только у древних евреев и средневековых арабов, но и у новгородских славян и финнов, призвавших варягов. Коренные недостатки этой теории (антиисторизм и механистичность), как уже отмечалось, очевидны и для современных ученых США. Говоря о них, американский археолог и антрополог Роберт Карнейро пишет: «...Никакой подобный договор никогда не подписывался человеческими группами, и теория Общественного договора сегодня не более, чем историческая диковина»²⁸. Особенно явно идейное банкротство этой теории обнаруживает себя на родине Дж. Локка — в Британии. Здесь первые же шаги основателей ранних англосаксонских королевств были связаны с политикой настоящего геноцида по отношению к бриттам — коренному населению этой островной территории. Жестокие преследования англов, саксов и ютов, переселившихся в Британию из Ютландии, вынудили многих бриттов покинуть родную землю и переправиться на территорию современной Франции. Так в этой стране еще в эпоху раннего средневековья появляется новая геополитическая реальность — Бретань.

Надо сказать и о том, что незадолго до принятия декларации независимости в Северной Америке развернулась «памфлетная война». В ходе этой войны Джеймс Отис — один из американских лидеров «с удивлением обнаружил, что они (С. Пуффендорф и Г. Гроций. — А. Т.) не позаботились о разработке теории прав колониальных народов»²⁹. Тот же упрек можно было бы адресовать и основателям США, кото-

рые проигнорировали права коренного населения Америки и негров. Как видно, двойные стандарты появились одновременно с классическим либерализмом и сохраняются им вплоть до сего времени. Тем не менее для американских юристов «Гроций и особенно Пуффендорф имели еще большее значение, чем для англичан»³⁰. Эта мысль заслуживает всяческой поддержки, но здесь важно отметить другое отличие юристов двух стран. Оно сводится к тому, что «Авторы Конституции США 1787 г. отказались от принципа “парламентаризма”, от английского варианта разделения властей, основанного на верховенстве неограниченного в своих правах законодательного органа»³¹.

Налицо принципиальная неполнота эмпирической основы той схемы, которая предложена Ф.М. Раяновым. Насколько полна ее теоретическая основа? Прежде всего, отметим, что столь любимый им Локк не дает определения государства в духе институционального подхода, а без такого определения трудно представить себе англосаксонскую модель государства. Сказанное вовсе не следует понимать, так, что разработка концепции Локка в плане теории и истории государства совершенно бессмысленна. Важно себе отдавать отчет в том, что в научно-познавательном плане Дж. Локку предшествовал Т. Гоббс. Более того, без Томаса Гоббса, как обоснованно подчеркивает выдающийся историк и философ науки М. К. Петров, «не было бы ни Локка, ни Беркли, ни Юма, ни даже Канта и Гегеля». Мало того, «из четырех общепризнанных кандидатов в отцы науки предпочтение» им отдается «англичанам Бэкону и Гоббсу»³². Возникает правомерный вопрос: на каком же основании столь одиозная для многих отечественных юристов фигура, как Гоббс, выдвигается М. К. Петровым на роль отца-основателя всей европейской науки, как таковой? Поясняя свой выбор, Петров, прежде всего, подчеркивает мысль о том, что только Бэкон и Гоббс «располагали необходимым набором знакового материала». Его «источником выступал категориальный потенциал аналитического новоанглийского языка». Используя этот потенциал, Гоббс «приводит в целостность, систематизирует, очищает Бэкона». Для него станет совершенно неприемлемым то, что «Марк называет “афоризмами” и “теологическими непоследовательностями”»³³. Итак, Гоббс оказывается не только аналитиком, но и система-

²⁷ См. подр.: Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л., 1985. С. 65—68.

²⁸ Цит. по: Грот Л. П. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. М., 2013. С. 173—174.

²⁹ Согрин В. В. Указ. соч. С. 26.

³⁰ Аннерс Э. Указ. соч. С. 263.

³¹ См.: История государства и права зарубежных стран: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М., 2006. С. 201.

³² Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 285.

³³ Там же. С. 284—285.

тизатором, и даже корректором Бэкона. Важно учитывать и то, что «Гоббс вообще не жалуется античность, усматривая в увлечении античностью источник “полисных” иллюзий, огорчительных конфликтов и смут нового времени». Поэтому решая общенаучные задачи, он очищает «“латинизирующего” номиналиста-логику Бэкона... и от формальных причин, ...смещает и саму логику Бэкона в мир вещей...»³⁴.

В отличие от Гоббса, у Дж. Локка мы не увидим какой-либо духовной аллергии по отношению к античности. Описывая все преимущества гражданского правления, Локк, по наблюдениям Квентина Скиннера, активно использует латинские термины *civitas* и *respublica*. Для творчества Локка характерна преемственность и терминологическая, и содержательная. В полном соответствии с античной традицией он определяет республику как «любое независимое сообщество, которое латиняне обозначали словом *civitas*; этому слову в нашем языке лучше всего соответствует слово *commonwealth*»³⁵. По словам Скиннера, «ни один из этих традиционных терминов на самом деле не передавал нужный смысл адекватно»³⁶. Похоже, Локк не проявлял никакой озабоченности по поводу поиска тех понятийно-категориальных средств, которые могли бы выразить все модусы государства. Поэтому он избегает употребления таких терминов, как *status* и *state*, и даже «для обозначения *аппарата* (курсив наш. — А. Т.) гражданского правления» Дж. Локк использовал «термины *civitas* и *respublica*». Проблема заключается в том, что теми же терминами он обозначал «политическое общество (сообщество)», которое представляет собой иной «срез» такого сложного и полиморфного феномена, как государство. Более того, «Д. Локк, а вслед за ним и Кант, действительно отождествляли понятия “государство” и “гражданское общество”»³⁷. Если наблюдения Скиннера верны, то Локк, замкнувшись на «правлении гражданского или политического общества», не нашел места в своей концепции для государства как такового. У него нет такого концепта государства, как системы политических институтов, отличной от гражданского общества. Именно этот концепт обозначен Гоббсом, как *state* (государство), был подхвачен европейской наукой Нового времени, и определяется Скиннером в качестве «нововременной идеи государства».

Правда, в основном содержании работ Гоббса все еще сохраняются традиционные

термины *city* и *commonwealth*³⁸. Поэтому Скиннер обращает особое внимание на предисловия работ Гоббса, «где он абстрагируется от своих доводов» и «осознанно представляет себя теоретиком феномена под названием *state*»³⁹. Скиннер выявил тот самый концепт, для которого Гоббсом был использован термин *state*. Он стал использоваться для выражения «безличной формы политической власти». Той самой формы власти, которая «отличается как от правителей, так и от управляемых»⁴⁰. Скиннер заключает: «Гоббс был первым, кто заговорил систематично и незаинтересованно, в абстрактной и выдержанной манере нововременного теоретика государства»⁴¹. Столь тщательное и подробное изложение интерпретации взглядов Гоббса, принадлежащей Скиннеру — представителю кембриджской школы, понадобилось для того, чтобы лишний раз убедиться в том, что современное понятие государства восходит именно к Гоббсу. Это не скрывает и сам Скиннер: «Знакомое нам понятие государства» унаследовано «от более консервативной линии направления политической мысли начала Нового времени»⁴². Имеется в виду линия Гоббса, который отстаивал тезис о «верховной власти государства». В то время как Локк и «классические республиканцы» вопреки фактам продолжали рассуждать о «верховной власти народа». Факт остается фактом: именно контрреволюционера Гоббса англичане считают первым теоретиком государства. Точнее, той его модели, которая родилась в Англии в эпоху Нового времени.

Влияние взглядов отца-основателя *political science* велико и сегодня. Об этом можно судить на основании творчества такого известного ученого, как Карл Поппер. В пылу полемики с последователями Маркса он писал о том, что «марксисты не смогли осознать принципа..., согласно которому всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной». Развивая эту мысль, он подчеркивает: «Всякая демократическая долгосрочная политика — должна разрабатываться в рамках безличных институтов»⁴³. Таковы же по

³⁴ Там же. С. 285.

³⁵ Скиннер К. *The State* [пер. с англ. Д. Федотенко] // Понятие государства в четырех языках : сб. статей / под ред. О. Хорхордина. СПб.; М., 2002. С. 50.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ См.: Раянов Ф. М. Указ. соч. С. 19.

³⁸ Специалисты переводят английский термин *commonwealth*, как «общее благо». См.: Каленский В. Г. Становление конституционализма в США // История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1983. С. 120.

³⁹ Там же. С. 58.

⁴⁰ Там же. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 65—66.

⁴² Там же. С. 45.

⁴³ Поппер К. *Открытое общество и его враги* / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992. Т. 2 : *Время лжепророков*: Гегель, Маркс и другие оракулы. С. 152—153.

сути дела и взгляды антипода Маркса — Макса Вебера. С его точки зрения, государство — это структура политического общества, обладающая монополией на применение силы, или институт, характеризующийся наличием рациональных установлений и аппарата принуждения⁴⁴. Прямым продолжателем Вебера считает себя и другой известный современный ученый — Э. Геллнер. Он утверждает: «Государство — это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство — это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) — охрана порядка. Государство существует там, где из стихии социальной жизни выделились органы охраны порядка, такие, как полиция и суд. Они и есть государство»⁴⁵. Подобный перечень можно было бы и продолжить, подводя итог, позволим себе еще одну цитату. На сей раз она прозвучит из сферы политической антропологии. Проанализировав целый ряд дефиниций государства, сформулированных авторами самых разных софистицированных теорий, отечественная исследовательница — Э. С. Годинер приходит к весьма примечательному выводу. Он характеризуется тем, что авторы этих теорий, как «красные», так и «белые», сводят понятие государства к простому до банальности определению «специализированного института управления обществом»⁴⁶.

При таком подходе современное государство немислимо без соответствующих специалистов-чиновников, которые осуществляют свою деятельность, нередко только прикрываясь фикцией «общего блага». Это хорошо показал Пьер Бурдьё в своей работе «Дух государства». Опираясь на результаты его исследования, Олег Хархордин отмечает: «Сегодня слуги государства, якобы представляющие общий интерес, навязывают эту фикцию всем остальным»⁴⁷. И в этом состоит, по Пьеру Бурдьё, «реальная проблема современного государства», в котором «один индивид (или избранная группа) принимает на себя функцию говорить за всех и действовать на благо всех»⁴⁸.

⁴⁴ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 536—537.

⁴⁵ Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. М., 1991. С. 29.

⁴⁶ Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 51.

⁴⁷ Хархордин О. Что такое государство? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках : сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 217.

⁴⁸ Там же. С. 216.

Как видно, рассуждения о «господстве права», «верховой власти народа», «правовом государстве» неспособны ничего изменить в современных государствах Запада. Сегодня эти страны периодически сотрясаются скандалами, связанными с разоблачительной деятельностью Эдварда Сноудена, Джулиана Ассанджа и Брэдли Миннинга. Насколько современная Америка далека от идеалов «гражданского правления», «свободы, равенства и братства», навеянных Локком, можно судить из диалога Ника Рокфеллера с Аароном Руссо. Однажды «Рокфеллер спросил Руссо, не хочет ли он вступить в Совет по международным отношениям»? Аарон Руссо — голливудский продюсер и кинодокументалист отказался, заявив, что «он не хочет участвовать в порабощении людей». В отместку «Рокфеллер холодно спросил, почему он заботится о “рабах”»? Внимательный читатель может поставить правомерный вопрос, о каких же рабах может идти речь в XXI веке? Ответ Ника Рокфеллера более чем красноречив: «Наша конечная цель — добиться того, чтобы все были чипированы. Чтобы контролировать все общество, чтобы банкиры и элита контролировали мир»⁴⁹.

Иначе и быть не может в обществе, где меньшинство до сих пор довольно ловко манипулирует общественным сознанием, выдавая за всеобщие свои частные интересы. Одним из первых, кто создавал приемы подобной манипуляции, был Ф. Бэкон — любимейший из авторов отцов-основателей США. Он советовал: «Искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло было смягчено надеждой, а это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уж им не верят»⁵⁰.

О том, что основатели США были хорошо знакомы с подобными наставлениями Бэкона, говорят следующие примеры. Уже в период, непосредственно предшествующий войне за независимость, люди, окружавшие лидеров американцев, были довольно хорошо организованы — они состояли в масонских ложах. Масонами были и Вашингтон, и Джефферсон,

⁴⁹ См.: Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009. С. 8—9.

⁵⁰ Цит. по: Графский В. Г. Государство и технократия (историко-критическое исследование). М., 1981. С. 138.

и Мэдисон, и многие другие основатели. Именно масонские ложи стали той питательной средой, где началась «революция в умах». Именно на это намекают американские профессора А. Невинс и Г. Коммаджер, когда пишут: «До 1776 г. революция была в умах части народа, а борьба 1776 — 1781 гг. была борьбой за то, чтобы навязать ее всему народу и вынудить британское правительство к ее признанию»⁵¹. В ходе самой войны за независимость американское общество раскололось на три части: патриотов, лоялистов и «болото». Численность лоялистов была настолько велика, что в одной только Верхней Канаде и Приморских провинциях оказалось более 60 тысяч выходцев из бывших американских колоний. На этой же странице американские авторы, освещая нравы патриотов, приходят к весьма примечательному выводу: «Все считались равными, все спешили и почти все думали, главным образом, о долларе»⁵². Подобный вывод лишней раз свидетельствует, что США принадлежат к экономикоцентричной цивилизации, в которой право играет роль вторичной ценности. В том же ряду стоит и деятельность конституционного конвента, который, заседаая втайне от народа, превысил свои полномочия, отбросив прежнюю конституцию страны — Статьи конфедерации. По этому поводу «Джон У. Бёрджесс впоследствии заявил, что если бы подобную вещь сделал Наполеон, это было бы объявлено государственным переворотом»⁵³. Общеизвестно, что никакой ответственности за свои действия разработчики новой конституции США, представлявшие американскую элиту, не понесли. Об их истинном отношении к народу можно судить на основе выражения «одного возмущенного консерватора», по словам которого теперь «голосовать могло каждое платящее налоги “лесное двуногое”»⁵⁴.

Возвращаясь к роли Ф. Бэкона в истории США, стоит отметить, что еще в 1624 г. «крестным отцом американской республики» была написана «Новая Атлантида». Утопизм этого сочинения очевиден. Но «именно образ Атлантиды породил искру, ставшую Соединенными Штатами Америки. На самом раннем этапе своего зарождения США уже несли отпечаток образа самобытной мифопоэтической цивилизации и империи»⁵⁵. Конечно же, Джим Гаррисон — автор этих строк не мог оставить без внимания

фигуры отцов-основателей: Вашингтона, Джефферсона, Франклина, Мэдисона. Конечно же, он не мог упомянуть о том, что все они были воспитаны на трудах Локка, Смита, Юма, Декарта, Вольтера и Монтескье. Но здесь гораздо важнее отметить другое: «Они также являлись масонами — членами тайного общества, занимающегося изучением мистического христианства». Поэтому «они были погружены в эзотерические учения древнего Египта, Греции и Рима и преданы научному методу и мистическим писаниям Бэкона»⁵⁶. Развивая эту мысль, Гаррисон приходит к выводу о том, что отцы-основатели США, закладывая основы формы правления и внешней политики своего государства, считали себя учениками и Афин. Поэтому «Америка — в той же мере преемник Афин, как и Великобритания»⁵⁷. Не менее значима и роль Рима, которому удалось создать «рычаги “сдержек и противовесов” между законодательными и исполнительными ветвями власти, что вдохновляло революционеров XVIII века во Франции и в Америке»⁵⁸.

Наши оппоненты могут возразить, что такие определения Америки, как Новая Атлантида, Новые Афины, Новый Рим, Новый Израиль и Новый Иерусалим давно стали достоянием истории. Но до сих пор на каждой долларовой банкноте можно обнаружить правильную пирамиду, а на ее вершине — «всевидящее око Гора, египетского бога Солнца». Поэтому, безусловно, прав Джим Гаррисон, когда заключает: «Отцы-основатели сражались в Войне за независимость и создавали Конституцию Соединенных Штатов», соединив «воедино все эти знания, чтобы создать государство, основанное, на радикально новом понятии о человеческих возможностях»⁵⁹.

По сути дела, лидеры Северной Америки приступили к реализации беспрецедентного эксперимента, идейно-теоретической основой которого стали самые разнородные идеи, включая в себя и религиозные. Не стоит забывать и том, что «борьба между реализмом и мессианством, между теориями эксперимента и судьбы продолжается до настоящего времени». Более того, в современной Америке «теория избранной нации, нации-спасительницы стала почти официальной верой»⁶⁰. Если Гаррисон акцентировал внимание на мистическом христианстве и эзотерических учениях, то другой американский автор — Артур Шлезингер-младший — на мессианской идее «избранного народа». После войны

⁵¹ Невинс А., Коммаджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы. Нью-Йорк, 1991. С. 77.

⁵² Там же. С. 112.

⁵³ Там же. С. 129.

⁵⁴ Там же. С. 111.

⁵⁵ См.: Гаррисон Д. Америка: последняя империя / пер. с англ. А. Сударенко. М., 2009. С. 68.

⁵⁶ Там же. С. 73.

⁵⁷ Там же. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 183.

⁵⁹ Там же. С. 73.

⁶⁰ См.: Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / пер. с англ., закл. ст. В. И. Терехова. М., 1992. С. 37, 34.

за независимость «патриотический пыл распространял далеко за рамки евангелической общины идею об американцах как избранном народе, на который возложена священная миссия»⁶¹. Столь внушительное влияние религиозно-мистического фактора на государственную жизнь США настолько очевидно, что не заметить его мог только предвзятый мыслитель, всецело зацикленный на идеях Дж. Локка.

Представляется очевидным и то, что англосаксонская модель государства выражает страновую и региональную специфику англо-американского мира. В диалектической триаде категорий «общее — особенное — отдельное» она занимает особое место — место категории «особенное». При ином подходе без должных на то оснований в ранг «общей закономерности» возводится англо-американская специфика, которой произвольно придается всеобщий, планетарный характер. С момента своего возникновения государство и право нашей страны развивались независимо от англосаксонской государственно-правовой системы. Глубоко разнятся исторические пути, пройденные Англией и нашей страной. Российская история немыслима без дискретности, без скачков и великих потрясений, английская, напротив, — без плавного, поступательного, эволюционного развития. Не следует приуменьшать исторический характер российской модели государства. Несмотря на все крутые повороты истории, разрывы преемственности и революции, российская государственность по-прежнему сохраняет свой административно-командный характер. Можно сколько угодно третировать сторонников познания российской самобытности, называя их то «славянофилами», то «ретроградами». Но не следует забывать того, что даже славянофилы при всех их недостатках стремились не упустить главного — не потерять стремления к познанию историко-культурного своеобразия России. Поэтому не стоит «с порога» отвергать их взгляды, а вдумчиво и бережно относиться к научному наследию, оставленному нам всеми отечественными исследователями категории «особенное». Для них сохраняет свою актуальность расхожее определение прошедшей эпохи: «два мира — две системы». Для них очевидны различия двух миров. Никогда российскому праву не быть прецедентным, никогда российскому государству не стать минимальным государством. Никогда образ жизни англичан и американцев не станет образцом для подражания в России.

В случае полного забвения категории «особенное» российская интеллигенция будет

обречена на вечное метание между левым и правым западничеством. В октябре 1917 г. победу удалось одержать левым западникам, которые сумели оседлать и подчинить своим интересам крестьянские массы, настроенные против Запада. После 1985 г. многие бывшие «левые» стали позиционировать себя в качестве «правых». Подобные «качели» уже принесли много вреда нашей стране, и будут приносить его до тех пор, пока российские ученые не осознают значение категории «особенное». Именно забвением данной категории мы склонны объяснять отсутствие у Российской Федерации ясно выраженных и осознанных общегосударственных интересов. А ведь без осознания этих интересов у нашей страны никогда не будет сколько-нибудь внятной и эффективной внешней и внутренней политики. В результате и без того скудные по мировым меркам ресурсы (материальные и людские) будут израсходованы «на ветер». Стоит ли удивляться тому, что британские лидеры отводят нашей стране роль сырьевого придатка. По словам одного из них — Джона Мейджера, «...задача России после проигрыша холодной войны — обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужны всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек»⁶².

В подобных условиях отечественным ученым-юристам самое время задуматься о самосохранении государства Российского как такового. К этому же их обязывает широко распространявшийся в нашей стране государственный и правовой нигилизм, который почти на каждом шагу проявляется в жизнедеятельности новых «хозяев жизни». Им глубоко безразлично как будет называться Россия: правовым государством или же общенародным. Для «*gato povus*» гораздо важнее другое — несмотря на любые нормы, будь то правовые, моральные или религиозные, каждодневно обеспечивать свои частные интересы. Уход многих в частную жизнь оказался в поле зрения А.С. Панарина. Он утверждал: «администраторы делают свою работу, но их муравьиное усердие перечеркивается роцкером тех, кто уже знает, что государства нет, а есть одни только частные интересы»⁶³. Можно соглашаться или же оспаривать высказывание покойного политолога, но в нем ярко выражен весь трагизм положения, в котором оказались миллионы россиян после «ухода» государства из экономической и социальной сфер. В условиях растущей дисфункции государства множество россиян оказались беззащитными перед

⁶¹ Там же. С. 31.

⁶² Цит. по: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя зла. М., 2001. С. 264.

⁶³ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 101.

произволом сильных мира сего: чиновников и частных собственников. Растущее господство частных интересов в российском обществе связано не столько с частным правом, сколько с «правом сильного».

Впрочем, даже в Западной Европе было время, когда произвол доминировал над правом. Господство произвола особенно явно обнаружилось в эпоху раннего средневековья, когда частноправовые порядки доминировали в «варварских королевствах», пришедших на смену Западной Римской империи. В этих аморфных государствах были забыты многие публично-правовые понятия, разработанные римскими юристами. В том числе: *res publica* — «публичное, общественное дело», «государство», «государственная власть»; «концепция власти монарха как *ministerium* — “служение” этому “общественному делу”»⁶⁴. Значительным своеобразием отличался и политический режим, который доминировал в ранних германских королевствах. В них, по словам профессора Р. Феду, «на место господства бюрократии, тяжкого, но объединяющего, которое символизировало одновременно традиционную идею *res publica* и торжествующий этатизм, унаследованный от Диоклетиана, заступил режим военной банды»⁶⁵. Это высказывание актуально и сегодня. Оно звучит вполне современно тогда, когда возникает потребность отразить политическую деятельность полевых командиров, до сих пор совершающих преступления на Северном Кавказе.

⁶⁴ См.: Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990. С. 7.

⁶⁵ См.: Там же.

Но вернемся к западноевропейскому историко-правовому опыту. Следует подчеркнуть, что возрождение публичного права в Западной Европе происходит только в XII веке. Начиная с этого столетия, «легисты стали развивать концепцию внутренней компетенции государства, неотчуждаемой публичной власти короля, доктрину государственного интереса, общего блага»⁶⁶. Именно тогда здесь намечается формирование основ современного европейского государства и права. Западноевропейский опыт свидетельствует о том, что для прогрессирующего развития государства и права колоссальное значение имеет не только частное право и частные интересы, но и право публичное с публичными интересами. В российских условиях забвение государственных интересов по существу равнозначно крушению цивилизации и реставрации нового варварства.

Судя по всему, растущая деградация государственно-правовой жизни будет продолжаться до тех пор, пока ученые нашей страны не изучат достаточно полно, всесторонне государственно-правовые особенности России и создадут новую государственную идеологию. Если же этого не произойдет, то в «новой Римской империи», созданной на англо-американской основе, всегда найдется место для новых плебеев и новых рабов. Более того, на границах атлантического мира может появиться множество новых «клиентских государств» с бесправным, но несущим множество обязанностей населением.

⁶⁶ См.: Там же. С. 9.

Библиография:

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. — М., 1993. — 176 с.
2. Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. / Ин-т Европы. — М., 1994. — 397 с.
3. Вебер М. Харизматическое господство // Мухаев Р. Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений : пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. — М., 2000. — С. 606—619.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М., 1990. — С. 495—547.
5. Гаррисон Д. Америка: последняя империя / пер. с англ. А. Сударенко. — М., 2009. — 288 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. — М., 1991. — 320 с.
7. Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. — М., 1991. — С. 51—78.
8. Графский В. Г. Государство и технократия (историко-критическое исследование). — М., 1981. — 289 с.
9. Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009. — 400 с.
10. Грот Л. П. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. — М., 2013. — 368 с.
11. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. — М., 1988. — 496 с.
12. Каленский В. Г. Становление конституционализма в США // История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М., 1983. — С. 109—177.

13. Косарев А. И. О поступательном развитии права в эксплуататорских формациях // Правоведение. 1977. — № 4. — С. 84—91.
14. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя зла. — М., 2001. — 445 с.
15. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. : пер. с англ. и лат. / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. — М., 1988. — Т. 3. Кн. II. С. 262—405.
16. Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. — Л., 1985. — 161 с.
17. Мартышин О. В. Проблемы конституционализма в истории политической мысли Англии // История буржуазного конституционализма / отв. ред. В. С. Нерсесянц. — М., 1983. — С. 61—108.
18. Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). — Л., 1990. — С. 7—45.
19. Невинс А., Коммаджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы / пер. с англ. В. Оболенского и Б. Прянишникова. — Нью-Йорк, 1991. — 442 с.
20. Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / АН УССР. Ин-т археологии ; отв. ред. Е. П. Бунятян. — Киев, 1989. — 288 с.
21. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М., 1998. — 392 с.
22. Петров М. К. Язык, знак, культура. — М., 1991. — 328 с.
23. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы : пер. с англ. / под ред. В. Н. Садовского. — М., 1992. — 528 с.
24. Раянов Ф. М. Проблемы теории и практики правового государства. — Уфа, 2013. — 300 с.
25. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / изд. подгот.: В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, В. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин ; отв. А. З. Манфред. — М., 1969. — 704 с.
26. Свод этнографических понятий и терминов. Т. I. Социально-экономические отношения и социо-нормативная культура / отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде. — М., 1986. — 240 с.
27. Service E. R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government // Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution / Ed. by R. Cohen and E. Service. — Philadelphia, 1978. — P. 21—34.
28. Скиннер К. The State / пер. с англ. Д. Федотенко // Понятие государства в четырех языках : сб. статей / под ред. О. Хархордина. — СПб.; М., 2002. — С. 12—74.
29. Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. — М., 1983. — 177 с.
30. Фукидид. История / изд. подгот.: Г. А. Стратоновский, А. А. Нейхардт, Я. М. Боровский ; отв. ред. Я. М. Боровский. — М., 1993. — 544 с.
31. Хархордин О. Что такое государство? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках : сб. статей / под ред. О. Хархордина. — СПб.; М., 2002. — С. 152—247.
32. Хесс Р. 25 ключевых книг по философии : пер. с фр. — Челябинск, 1999. — 366 с.
33. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / пер. с англ., закл. ст. В. И. Терехова — М., 1992. — 688 с.
34. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. — М. : Изд-во полит. лит., 1976. — 240 с.

Материал поступил в редакцию 5 ноября 2014 г

ANGLO-SAXON STATE MODEL: CONCERNING THE DEBATE ON IDEOLOGICAL AND THEORETICAL FUNDAMENTALS

Timonin, Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Professor of the Bashkir State University.

[timonin.anatoly2011@yandex.ru]

450005, Russia, Ufa, ul. Dostoevskogo, 131.

Review: *The goal of the study is to dispute the idea of the necessity of the large-scale introduction of the Anglo-Saxon state model in the public legal life of the modern Russia. The subject-matter field of study involves the historical paths of England, America and Russia, their civilization-related and geopolitical differences, as well as differences in their ideological and theoretical fundamentals. All of the above have required a thorough study of the key parameters of the Anglo-Saxon state model starting from its origins. Special attention was paid to the version of origins of the state according to John Locke. The methodology of studies involved civilization and formation approaches, dialectic approach towards the formation of general, specific and singular, historical, logical problem-oriented theoretical, comparative, comparative legal and text analysis methods. The scientific novelty and conclusions are as follows: the Anglo-Saxon state model reflects regional specificities of the Anglo-American world. A different approach is to position it as a general discretionally planetary pattern. The complete oblivion of the category of "special" historical character of the Russian state model may lead to permanent zigzags between Left-wing and Right-wing pro-Western approaches.*

Keywords: *jurisprudence, state, definition of state, theory of state, theoreticians of state, Anglo-Saxon state model, Russian state model, state peculiarities, Anglo-Saxon legal specificities, historical legal experience.*

Bibliography:

1. Alekseev, S.S. State and law. Basic course. M., 1993. – 176 p.
2. Anners, E. History of European law. (Den europeiske rettens historie translated from Swedish) /In-t Evropy. M., 1994. – 397 p.
3. Weber, M. Charismatic rule. // Muhaev, R.T. Chrestomathies on theory of state and law, political studies, history of political and legal teachings. Manual for higher educational institutions, law schools and humanities faculties. M., 2000. – P. 606-619.
4. Weber, M. On some categories of understanding social studies. // Select works: Translated from German. / Collected, Ed., and Postscript by Y. N. Davydov; Preface by P. P. Gaydenko. M., 1990. - P. 495-547.
5. Garrison, J. America As Empire. /Jim Garrison [Translated from English by A. Sudarenko]. M., 2009. – 288 p.
6. Gellner, E. Nations and nationalism. Translated from English by T.V. Brednikova, M.K. Tyunkina. / Ed. and postscript by I.I. Krupnik. M., 1991. – 320 s.
7. Godiner, E.S. Political anthropology and the origin of the state. // Ethnological science abroad: problems, searches, solutions. M., 1991. – P. 51-78.
8. Grafskiy, V.G. State and technocracy (historical critical study). M., 1981. – 289 p.
9. Gracheva, T.V. Hidden Khazaria. Geopolitical algorithms and the strategies of the secret global wars. Ryazan, 2009. – 400 p.
10. Grot, L.P. Calling for the Varangians, or the Normanns, who did not exist. / Lidiya Grot. M., 2013. – 368 p.
11. David, R. Major legal systems in the world today. / Translated from French and Preface by V.A. Tumanov. M., 1988. – 496 p.
12. Kalenskiy, V.G. Formation of Constitutionalism in the USA. // History of Bourgeois Constitutionalism./ Ed. by V.S. Nersesyants. M., 1983. – P. 109-177.
13. Kosarev, A.I. On consecutive development of law in exploiting formations. //Pravovedenie. 1977. N. 4. - P. 84 - 91.
14. Lisichkin, V.A., Shelepin, L.A Global Empire of Evil. M., 2001. – 445 p.
15. Locke, J. Two Treatises of Government. // Writings. In 3 v. /Translated from English and Latin, V.3. Book II/ Ed. and footnotes by. A.L. Subbotin. M., 1988. –P . 262-405.
16. Lukovskaya , D.I. Political and legal teachings: historical and theoretical aspects. L., 1985. – 161 p.
17. Martyshin, O.V. Problems of constitutionalism in the history of English political thought. // History of Bourgeois Constitutionalism. /Ed. by V.S. Nersesyants. M., 1983. – P. 61-108.
18. Medvedev, I.P. Some legal aspects of the Bysanthean statehood. // Political structures of the feudal epoch in the Western Europe (VI-XVII centuries). L., 1990. - P. 7- 45.
19. Nevins A., Commager, H. History of the USA. From the English colony to the World Power. /translated from English by V. Obolenskiy and B. Pryanishnikov. New York, 1991. – 442 p.
20. Pavlenko, Y.V. Early class societies (genesis and paths of development). /AN USSR. In-t arkhologii; Otv. red. E.P. Bunyatyan. Kiev, 1989. – 288 p.
21. Panarin , A.S. Revanche of history: Russian strategic initiative in the XXI century. M., 1998. – 392 p.
22. Petrov, M.K. Language, symbol, culture. M., 1991. – 328 p.
23. Popper K.R. The open society and its enemies. V.2: The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath. Translated from English, Ed. by V. N. Sadovskiy. M., 1992. - 528 p.
24. Rayanov, F.M. The problems of theory and practice of the rule of law state. Ufa, 2013. – 300 p.
25. Rousseau, J. J. Treatises. /Ed. by V.S. Alekseev-Popov, Y.M. Lotman, V.A. Poltoratskiy, A.D. Khayutin; Resp. A.Z. Manfred. M., 1969. – 704 p.
26. The Code of Ethnographic Terms and Definitions. V I. Social and economic relations and social normative culture. /Ed. by. A.I. Pershits, D. Trayde. M., 1986. – 240 p.
27. Service E. R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government //Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution /Edited by R. Cohen and E. Service. Philadelphia, 1978. – P. 21-34.
28. Skinner K. The State [translated from English by D. Fedotenko] // Definition of state in 4 languages. Collected articles. /Ed. by O. Khorkhordin. SPb.; M., 2002. – P. 12-74.
29. Sogrin, V.V. The founders of the USA: historical portraits. M., 1983. – 177 p.
30. Thucydides. History /Published by Podgot. G.A. Stratonovskiy, A.A. Neykhardt, Y.M. Borovskiy; Ed. by Y.M. Borovskiy. M., 1993. – 544 p.
31. Kharkhordin, O. What is state? The Russian term in the European context. //Definition of state in 4 languages. Collected articles. /Ed. by O. Khorkhordin. SPb.; M., 2002. – P. 152-247.
32. Hess, R. 25 key books on philosophy. Translated from French. Chelyabinsk, 1999. 366 p.
33. Schlezinger Jr., A.M. The Cycles of American history. Translated from English and postscript by Terekhov V.I. M., 1992. – 688 p.
34. Engels, F. The Origin of the family, private property and state. The studies of L.G. Morgan. M.: Izd-vo polit. lit., 1976. – 240 p.

Е. А. Устюжанинова*

МОДЕЛИ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ: ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Аннотация. Одним из направлений конституционной реформы в Великобритании в отношении обеспечения реального разделения властей стал процесс деволюции (devolution), означающий децентрализацию власти, т.е. передачу (делегирование) властных полномочий от центра на места. Децентрализация политической власти в Великобритании существенно увеличилась не только в связи с членством Соединенного Королевства в Европейском Союзе, но и в связи с делегированием власти Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии на внутригосударственном уровне, начиная с 1998 г. В унитарном государстве, каким является Великобритания, делегирование полномочий от центрального правительства правительствам данных регионов обеспечивает учет интересов отдельных субъектов и ограничивает вмешательство центральных органов власти в дела их администраций. Делегированное управление было рекомендовано Королевской Комиссией по конституционным вопросам в 1973 г. В настоящее время принято законодательство о передаче делегированных полномочий Шотландскому парламенту, Ассамблее Северной Ирландии и, в меньшей степени, Ассамблее Уэльса. Законодательные положения о делегировании полномочий трем территориям имеют многие общие черты, но и важные отличия в отношении каждого региона. Модели деволюции в Великобритании отличаются одна от другой. Наибольшие полномочия имеет Шотландия, Уэльсу делегируются лишь административные полномочия, а деволюция в Северной Ирландии существенно осложнена политической борьбой между националистами и унионистами. Тем не менее законодательство, касающееся делегирования полномочий от центрального правительства законодательным и исполнительным органам регионов, постоянно совершенствуется, и процесс деволюции не останавливается. Особенности данного процесса в отношении каждого из регионов Великобритании, а также основные положения законодательства о деволюции анализируются в данной статье.

Ключевые слова: деволюция, разделение властей, конституционная реформа, делегирование полномочий, делегированное управление, Шотландский парламент, Ассамблея Северной Ирландии, Национальная Ассамблея Уэльса, «асимметричная деволюция», «Соглашение Сьюэла», «Белфастское соглашение», зарезервированные вопросы, законодательная компетенция.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.100-109

© Устюжанинова Е. А. , 2015

* Устюжанинова Екатерина Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[Kate.us@mail.ru]

610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

** Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития МГЮА имени О.Е. Кутафина; НИР «Конституционно-правовой статус органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации», проект № 2.4.1.6.

Несмотря на то что Конституция Великобритании не является писаной, в ней заложены принципы, на основе которых строится конституция любого демократического государства. Это суверенитет, верховенство права, приоритет основных прав и свобод человека и разделение властей. Последний принцип в своем классическом изложении означает, что вся власть в государстве не должна быть сосредоточена в руках одного лица или органа, поскольку это может привести к злоупотреблению ею, и все ветви власти должны взаимодействовать между собой и взаимно сдерживать друг друга. Данный конституционный принцип неоднократно признавался английской судебной практикой как один из основополагающих: «Разделение между судебной, законодательной и исполнительной ветвями государственной власти является твердым принципом нашей системы правления»¹; «Независимость судей (или, определяя негативным образом, защита судей от давления или вмешательства исполнительной власти) почти универсально признается как необходимая черта верховенства права»².

Теория разделения властей в строго формальном смысле никогда не применялась в Великобритании, хотя английская конституция после революции 1688 г. оказала существенное влияние на взгляды Монтескье, отразившиеся в его трактате «О духе законов»³. Однако в последние годы были предприняты глобальные конституционные реформы, направленные на усиление принципа разделения властей, начало которым было положено правительством Тони Блэра в 1998 г.

Закон о конституционной реформе 2005 г.⁴ изменил статус Лорда-канцлера, являвшегося одновременно спикером Палаты лордов, главой судебной власти и выполнявшим ряд функций исполнительной власти. В настоящее время его парламентские функции осуществляет Лорд-спикер Палаты лордов, функции исполнительной власти переданы Государственному секретарю по делам юстиции, а главой судебной власти стал Лорд-главный судья, который

является Председателем судов Англии и Уэльса. Закон также предусмотрел реформу судебной власти, результатом которой стало создание Верховного Суда Соединенного Королевства. В его состав вошли судебные лорды (Law Lords), до этого образующие Апелляционный комитет Палаты лордов. Таким образом, члены высшего законодательного органа перестали выполнять судебные функции, и была увеличена независимость судебной власти, в отношении которой, как отмечает Д. Элдер⁵, принцип разделения властей применяется наиболее жестко, так как ее независимость является неотъемлемой чертой верховенства права. По его мнению, разделение исполнительной и законодательной властей является более слабым, поскольку, в соответствии с конвенционным соглашением, министры должны быть членами парламента. В зависимости от политических и персональных влияний в настоящий момент исполнительная власть может быть либо подчинена парламенту, либо (что более вероятно) доминировать над ним.

Можно сказать, что посредством реформы разделение властей было весьма увеличено в институциональном и функциональном аспектах, но значительно меньше — в персональном. Тем не менее меры, предпринятые Великобританией с целью усиления принципа разделения властей на основе Закона о конституционной реформе 2005 г. и ряда других законодательных актов⁶, беспрецедентны.

Еще одним направлением конституционной реформы в отношении обеспечения реального разделения властей стал процесс деволюции (devolution), означающий децентрализацию власти, т.е. передачу (делегирование) властных полномочий от центра на места⁷.

Великобритания является унитарным государством. По словам П. Кэйна⁸, это означает, что в Соединенном Королевстве существовал только один законодатель с полномочием творить «первичное» законодательство — Вестминстерский

¹ R (Anderson) v Secretary of State for the Home Department [2002] UKHL 46 [2003] 1 AC 837 at [39] // Fordham M. Judicial Review Handbook. Fifth Edition. Hart Publishing Ltd. Oxford — Portland Oregon, 2008. P. 71.

² Independent Jamaica Council for Human Rights (1998) Ltd v Marshall-Burnett [2005] UKPC 3 [2005] 2 AC 356 at [12] // Ibid. P. 71.

³ Montesquieu C. The Spirit of the Laws (1748). Chapter 6. Of the Constitution of England <www.etext.lib.virginia.edu/etcbin/to...public&part=137&division=div2> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

⁴ Закон о конституционной реформе 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005) <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

⁵ Alder J. Constitutional and administrative law. Ninth Edition. Palgrave Macmillan Law Masters. TJ International Ltd, Padstow, Cornwall, Great Britain. — P. 129.

⁶ См., напр.: Акт о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. (Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007) <www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/15/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

⁷ См., напр.: Алебастрова И. А. Британские конституционные реформы: учреждение региональных органов власти // Представительная власть. 2002. № 5—6 (47—48). С. 55—59; Матюхина Т. В. Деволюция в Великобритании на рубеже XX—XXI вв. // Проблемы наук теории и истории государства и права: сборник научных статей. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. Вып. 2. С. 96—107; Казаков С. О. Деволюция в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 72 с.

⁸ Cane P. Administrative Law. Fourth Edition. Clarendon Law Series. Oxford University Press, 2004. P. 418 — 421.

парламент — и такое законодательство охватывало целую нацию. Однако этот факт не говорил о том, что правительственная власть была сконцентрирована целиком на национальном уровне. Местное управление, в той или другой форме, всегда играло значительную роль в государственных делах и в своем современном виде берет начало в XIX веке. Говоря строго юридически, контроль за деятельностью местных властей (т.е. выборных местных советов) не является вопросом конституционного права, в отличие от контроля за деятельностью правительства в целом. С другой стороны, положение местных властей до некоторой степени особое. Хотя они подчинены в правительственной иерархии парламенту и центральному правительству, они, тем не менее, избраны народом и выполняют функции национального значения, такие как обеспечение жильем, образование и широкий спектр социальных услуг. В отличие от центрального правительства, местные власти прежде всего сосредоточены на том, чтобы продвигать интересы своих собственных регионов. Но они, так же как и «кванго» (квазиавтономные неправительственные организации), не единственные центры конституционной власти вне Вестминстера и Уайтхолла. Диффузия и децентрализация политической власти существенно увеличились с членством Соединенного Королевства в Европейском Союзе. Это добавило наднациональный элемент в форме законодательных, исполнительных и судебных институтов Европейского Союза. В силу положений Акта о Европейских сообществах 1972 г.⁹, конфликты между правом ЕС и правом Соединенного Королевства (включая акты Парламента) должны были быть решены в пользу права ЕС. На внутригосударственном уровне процесс дефрагментации был усилен в связи с делегированием власти Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии в 1998 г.

Поскольку нет универсального способа, каким должно обеспечиваться в государстве разделение властей, существуют разные подходы к данному понятию¹⁰. Подобно организации власти в федеративном государстве, где разделение властей по вертикали обеспечивает учет интересов отдельных субъектов и ограничивает вмешательство центральных органов власти в дела их администраций, в унитарном государстве, каким является Великобритания, такие же цели преследует делегирование полномочий от центрального правительства правительствам Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии.

⁹ The European Communities Act 1972 <www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/68/contents/enacted> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

¹⁰ Alder J. Op. cit. P. 130, 341.

До введения в 2000 г. делегированного управления внутренними делами Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса ведала центральная исполнительная власть в форме «административного делегирования» министрам по каждой территории. Однако какого-либо специального демократического властного основания или механизма ответственности, связывающего министров с их регионами, не существовало, так как соответствующий министр мог иметь английский избирательный округ.

Начиная с конца XIX в. возникали предложения преобразовать Соединенное Королевство в федерацию с целью избежать предоставления Ирландии автономии¹¹. В 1973 г. Королевская комиссия по конституционным вопросам (Cmnd 5460, 1973) привела следующие аргументы против федеративного устройства Соединенного Королевства:

— возник бы дисбаланс между административными единицами, так как они весьма различаются по экономическим условиям, при доминировании Англии;

— федеративный режим противоречил бы нашим конституционным традициям, так как это поставило бы суды выше политического механизма;

— закрепилось мнение, что Соединенное Королевство нуждается в централизованном и гибком управлении экономикой, поскольку его ресурсы географически распределены неравномерно, а большинство территории представляет собой редко населенные возвышенности;

— за исключением Северной Ирландии, региональные вопросы не стояли в первую очередь на повестке дня основных партий, которые считали, что общественная заинтересованность в федерализме не была высокой. Однако недавние утверждения о том, что право Европейского Союза неподвластно Парламенту, и политическая сила процесса деволуции, особенно в Шотландии, означают, что тенденция к федерализму на политическом уровне возможна.

Королевская комиссия заявила, что управление в Соединенном Королевстве было сверхцентрализовано, и рекомендовала делегированное управление¹². Референдумы прошли одновременно в Шотландии и Уэльсе, но провалились, так как не было набрано необходимого для осуществления реформ большинства в 2/3. Правительство лейбористов в 1997 г. выступило за делегированное управление в качестве составной части программы конституционной реформы в стране с целью рассредоточения (децентрализации) власти. Последующие ре-

¹¹ Alder J. Op. cit. P. 15—16.

¹² Alder J. Op. cit. P. 341—343.

ферендумы показали (на этот раз требовалось только 51 % большинства) значительную общественную поддержку деволюции в Шотландии и существенную, но несколько меньшую, — в Уэльсе. После этого было принято законодательство о передаче делегированных полномочий Шотландскому парламенту (Акт о Шотландии 1998 г.¹³), Ассамблее Северной Ирландии (Акт о Северной Ирландии 1998 г.¹⁴) и, в меньшей степени, Ассамблее Уэльса (Акт об управлении Уэльсом 1998 г.¹⁵). Впоследствии полномочия, передаваемые Ассамблее Уэльса, были расширены (Акт об управлении Уэльсом 2006 г.¹⁶), но все еще являются уже, чем соответствующие полномочия Шотландии¹⁷ и Северной Ирландии. Статуты о деволюции можно трактовать как введение конституции на данных территориях. Основные положения о делегировании полномочий закреплены в статуте таким образом, что не могут быть изменены делегированными правительствами. С другой стороны, деволюционные положения не являются постоянными, так как Парламентом они могут быть изменены в любое время. Положения о делегировании полномочий трем территориям имеют многие общие черты, но и важные отличия в отношении каждого региона. Иногда это называют «ассимметричной деволюцией». Шотландия, например, с ее долгой историей в качестве независимого государства, с собственной правовой системой, имеет наибольшие делегированные полномочия. Различаются избирательные системы, посредством которых формируется исполнительная власть. Существенные ограничения по порядку формирования правительства имеет Северная Ирландия. В случаях с Шотландией и Северной Ирландией акты указывают вопросы, по которым регионы не могут законодательствовать. Уэльс, наоборот, может законодательствовать только по тем вопросам, которые специально отнесены к его ведению. Нормы, обеспечивающие, чтобы делегированные режимы оставались в пределах своего ведения, аналогичны во всех трех случаях и в основном относятся к судам. Положения о деволюции не предоставляют Парламенту

¹³ ScotlandTAct 1998 <www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

¹⁴ Northern Ireland Act 1998 <www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/47/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

¹⁵ Government of Wales Act 1998 <www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/38/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

¹⁶ Government of Wales Act 2006 <www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/32/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

¹⁷ Новый Акт о Шотландии 2012 г. получил королевскую санкцию 1 мая 2012 г. См.: Scotland Act 2012 <www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/11/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

Соединенного Королевства неограниченных полномочий по изданию законодательства для указанных регионов и пересмотру принятых делегированными правительствами актов (см. Акт о Шотландии 1998 г., ст. 28(7)). В составе Правительства Великобритании по-прежнему остаются министры, ответственные за каждое из делегированных правительств¹⁸. Положения о деволюции, включая структуру исполнительной власти и процедуру законодательных собраний, не могут быть изменены делегированными органами. Таким образом, существуют весьма ограниченные возможности для внесения изменений по желанию деволюционных регионов, и процесс деволюции остается централизованным. Однако нельзя сказать, что делегированные правительства никак не могут влиять на процесс принятия решений Парламентом Соединенного Королевства. Например, существуют юридически не обязательные «конкордаты» между каждым правительственным департаментом Соединенного Королевства и делегированной администрацией регионов. Они устанавливают принципы для координации деятельности правительств (например через создание совместного министерского комитета).

В качестве примера можно также привести известное «Соглашение Сьюэла» («Sewel Convention») ¹⁹. Это собирательный термин, обозначающий принятую правительством Соединенного Королевства политику относительно законодательной деятельности британского парламента по вопросам деволюции²⁰. Согласно ст. 28(7) Акта о Шотландии 1998 г., вестминстерский парламент имеет неограниченное полномочие издавать законы для Шотландии (как и для других частей Соединенного Королевства). Однако, как указывается в Пояснительной записке по вопросам деволюции 10 (Devolution Guidance Note 10)²¹, Правительство Соединенного Королевства согласилось, что три категории положений не будут введены обычным порядком в первичное законодательство Великобритании, пока Шотландский парламент не даст свое согласие:

— положения, относящиеся к законодательной компетенции Шотландского парламента

¹⁸ Например, согласно ст. 32 Акта об управлении Уэльсом 2006 г., Государственный секретарь по делам Уэльса правомочен принимать участие в заседаниях Ассамблеи, но не обладает правом голоса.

¹⁹ <<http://www.scotland.gov.uk/About/Government/Sewel/Background>> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

²⁰ Bowers P. The Sewel Convention. Parliament and Constitutional Centre. Standard Note: SN/PC/2084. 25 November 2005 <www.parliament.uk/briefing-papers/sn02084.pdf> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

²¹ <<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http://www.dca.gov.uk/constitution/devolution/guidance/dgn10.pdf>> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

та (т.е. «деволюционные положения», которые могли в качестве альтернативы регулироваться актом Шотландского парламента);

— положения, которые могли бы изменить законодательную компетенцию Шотландского парламента (т.е. изменения в перечень защищенных законов или зарезервированных полномочий — как указано в приложениях 4 и 5 к Акту о Шотландии 1998 г. — которые могли быть в качестве альтернативы введены Приказом в Совете в соответствии со ст. 30(2) данного Акта);

— положения, которые могли бы расширить исполнительную компетенцию шотландских министров (т.е. полномочия, которые в качестве альтернативы могли быть возложены Приказом в Совете в соответствии со ст. 63 Акта о Шотландии 1998 г.).

Таким образом, если предлагается включение в билль положений, подпадающих под любую из указанных категорий (или любую их комбинацию), необходим механизм, позволяющий Шотландскому парламента обозначить, дает он свое согласие или нет. Такой механизм, независимо от категорий спорных положений, известен в целом как предложение о законодательном согласии (Legislative Consent Motion) (ранее известное как «предложение Сьюэла», по имени лорда Сьюэла (Lord Sewel), министра правительства Соединенного Королевства, который во время прохождения в парламенте Акта о Шотландии дал обязательство, что «Вестминстер не будет в обычном порядке законодательствовать по делегированным Шотландии вопросам без согласия шотландского парламента»)²².

Как отмечается в английской юридической литературе²³, в действительности существовало три возможных направления для конституционного развития Шотландии: унионизм (объединение) status quo, независимость/отделение или унионизм на основе автономии/деволюции. Попытка начать процесс деволюции в этой части Соединенного Королевства была предпринята еще в 70-х гг., но в то время она оказалась безуспешной в связи с провалом на референдуме в марте 1979 г. Лишь в 1998 г. программа деволюции, предложенная в Акте о Шотландии 1998 г., была поддержана парламентским большинством. Непосредственно Билль о Шотландии (116 статей и 8 разделов на 88 страницах), начинавшийся с энергичного

заявления: «Утверждается Шотландский парламента» (ст. 1(1)), был внесен в Палату общин 17 декабря 1997 г.

По словам П. Кэйна²⁴, шотландская деволюция касается деления законодательной власти между шотландским и вестминстерским парламентами. Конституционный статус законодательства Шотландского парламента неясен. Оно является «высшим» по отношению к обычному делегированному законодательству, например принятому местными властями и государственными министрами. С другой стороны, оно не рассматривается как «первичное законодательство» для целей Акта о правах человека 1998 г. Это означает, что оно является недействительным в случае его несовместимости с Конвенцией о правах человека. Наоборот, хотя акты (Вестминстерского) парламента могут быть объявлены несовместимыми с Конвенцией, такая несовместимость не влияет на их действительность. Более того, Вестминстерский парламента сохраняет полномочие принимать законодательство, применимое к Шотландии, даже в сферах, в которых Шотландский парламента имеет законодательную компетенцию. Шотландское законодательство недействительно в случае любой несовместимости с вестминстерским.

Предложенные акты Шотландского парламента называются биллями. Билль становится актом после прохождения в Шотландском парламенте и получения королевской санкции. Согласно Приложению 5 к Акту о Шотландии 1998 г., к зарезервированным, т.е. к вопросам, по которым Шотландский парламента не может законодательствовать, относятся следующие конституционные вопросы: Корона, включая престолонаследие и регентство; уния королевств Шотландии и Англии; Парламент Соединенного Королевства; продолжающееся существование Высшего уголовного суда²⁵ как уголовного суда первой инстанции и апелляционного; продолжающееся существование Сессионного суда²⁶ как гражданского суда первой инстанции и апелляционного (ст. 1). Кроме того, к зарезервированным вопросам относятся: международные отношения, включая отношения за пределами Соединенного Королевства, отношения с Европейским Союзом (и его институтами), другими международными организациями, регулирование международной торговли и помощь в поддержку международного развития (ст. 7); защита Королевства, военно-морские, армейские или воздушные силы

²² <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/316157/MoU_between_the_UK_and_the_Devolved_Administrations.pdf> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

²³ Winetrobe B. K. Enacting Scotland's "Written Constitution": The Scotland Act 1998 // A Century of Constitutional Reform. Edited by P. Norton. Wiley-Blackwell for The Parliamentary History Yearbook Trust, 2011. P. 85—100.

²⁴ Cane P. Op. cit. P. 422.

²⁵ High Court of Justiciary (высшая судебная инстанция Шотландии по уголовным делам).

²⁶ Court of Session (высшая судебная инстанция Шотландии по гражданским делам).

Короны, инспекции и т.д. (ст. 9); финансовая, экономическая и денежная политика, включая выпуск и оборот денег, налоги и акцизные сборы, государственные займы и кредиты, контроль над государственными расходами Соединенного Королевства, валютный курс и Банк Англии, за исключением местных налогов для финансирования расходов органов местного самоуправления (например, муниципальный налог и налог на нежилую недвижимость) (ст. А1 Части А) и др.

Согласно Акту о Шотландии 1998 г., Шотландское правительство официально называется шотландская исполнительная власть (The Scottish Executive)²⁷. В его состав входят Первый министр, назначаемый Ее Величеством из числа членов парламента и занимающий свою должность в течение установленного законом срока; министры, которых может назначать Первый министр из числа членов парламента с одобрения Ее Величества; Лорд-адвокат и Генеральный стряпчий²⁸ Шотландии. Члены шотландской исполнительной власти вместе называются шотландскими министрами. Однако Акт о Шотландии 2012 г. (ст. 12(1)²⁹) уточнил положение ст. 44 — в настоящее время в отношении исполнительной власти Шотландии используется термин «Шотландское правительство» (the Scottish Government).

Модель деволюции Уэльса существенно отличается от шотландской. Если в Шотландии речь идет о системе административной и законодательной деволюции, то деволюция в Уэльсе — исключительно административная³⁰. Полномочия, осуществляемые Национальной Ассамблеей Уэльса, ограничены по сравнению с теми, которые ранее осуществлялись министрами Короны по отношению к Уэльсу и которые специальными актами были переданы Ассамблее³¹ или иначе ею приобретены. Ассамблея Уэльса, таким образом, осуществляет по отношению к Уэльсу многие дискреционные полномочия, ранее осуществляемые министрами Короны. Она также может издавать подзакон-

ные нормативные акты, поскольку соответствующие полномочия были переданы ей. Однако полномочия издавать такое законодательство настолько широки, насколько это соответствует критериям, предусмотренным в соответствующем первичном (рамочном) законодательстве. С этой целью, Комиссия Ричарда (the Richard Commission)³², основанная Правительством Ассамблеи Уэльса (Welsh Assembly Government) исследовать вопросы деволюции в Уэльсе, недавно рекомендовала большее использование такого рамочного законодательства; а также чтобы в долгосрочной перспективе деволюция в Уэльсе строилась по контуру, сходному с шотландской моделью.

Национальная Ассамблея Уэльса (National Assembly for Wales), состоящая из 60 членов, была учреждена вышеупомянутым Актом об управлении Уэльсом 1998 г. Статьи 93—94 Акта об управлении Уэльсом 2006 г. предусматривают право Ассамблеи издавать законодательные акты, которые называются мерами Национальной Ассамблеи Уэльса (Measures of the National Assembly for Wales), в сферах, перечень которых определен Приложением 5 к данному акту. В перечень входят экономическое развитие, образование и воспитание, рыболовство, культура и др. (всего 20 предметных областей). Принятые Ассамблеей меры подлежат одобрению Королевой в Совете. Статья 33(1) Акта предусматривает обязанность Государственного секретаря по делам Уэльса в разумный срок после начала каждой сессии парламента провести с Ассамблеей консультацию по законодательной программе Правительства Соединенного Королевства на данную сессию, если он считает это уместным. Этот же акт (часть 2) учредил Правительство Ассамблеи Уэльса (Welsh Assembly Government), которое является ответственным перед Ассамблеей.

3 марта 2011 г. в Уэльсе был проведен референдум по вопросу о дальнейшем расширении законодательных полномочий Национальной Ассамблеи. На референдум был вынесен вопрос: «Хотите ли вы, чтобы Ассамблея сейчас могла издавать законодательные акты по всем вопросам в двадцати предметных областях, в которых она обладает полномочиями для этого?»³³ 63,5% населения Уэльса проголо-

²⁷ Scotland Act 1998, s. 44.

²⁸ Solicitor General for Scotland.

²⁹ Ст. 12 Акта о Шотландии 2012 г. была введена в действие 3 июля 2012 г. согласно Приказу 2012 г. (о введении в действие № 1) об Акте о Шотландии 2012 г. (The Scotland Act 2012 (Commencement No. 1) Order 2012) <www.legislation.gov.uk/ukSI/2012/1710/article/2/made> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³⁰ Elliott M., Beatson J., Matthews M. Administrative Law. Text and Materials. Third Edition. Oxford University Press, 2005. P. 24—25.

³¹ См.: SI 1999/672, National Assembly for Wales (Transfer of Functions) Order ; SI 1999/2787, National Assembly for Wales (Transfer of Functions) (No 2) Order <www.legislation.gov.uk/ukSI/1999/672/contents/made> и <www.legislation.gov.uk/ukSI/1999/2787/contents/made> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³² См.: Report of the Commission on the Powers and Electoral Arrangements of the National Assembly for Wales. Standard Note: SN/PC/3018. 22 April 2004. Author: Isobel White, Parliament and Constitution Centre. P. 4—9 <www.parliament.uk/briefing-papers/SN03018.pdf> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³³ См.: National Assembly for Wales. Results of the National Assembly for Wales Referendum 2011. March 2011. Jennings M. Paper number: 11/017 <www.assemblywales.org/11-017.pdf> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

совало на референдуме положительно. В соответствии со ст. 105 Акта об управлении Уэльсом 2006 г., после того, как большинство населения высказалось на референдуме «за», министры Уэльса должны разработать положения для части 4 данного Акта, которые вводятся в действие приказом (order). Такой приказ должен быть представлен министрами Национальной Ассамблеи и получить одобрение большинства ее членов на пленарном заседании перед тем, как вступить в силу.

Соответственно, в дальнейшем Национальная Ассамблея Уэльса сможет издавать законодательные акты по всем вопросам в двадцати делегированных областях без необходимости предварительно достигать соглашения об этом с Вестминстерским парламентом. Однако, как отмечается³⁴, результат референдума не означает, что Ассамблея сможет издавать законодательные акты в большем количестве областей, чем до этого.

Ассамблея Северной Ирландии была создана Белфастским Соглашением 1998 г. (Belfast Agreement 1998), также известным как «Соглашение Страстной Пятницы», в котором говорилось: «Данное соглашение предусматривает создание демократически избираемой Ассамблеи в Северной Ирландии, которая не ограничена в своем членстве, правомочна в осуществлении исполнительной и законодательной властей и обусловлена гарантиями для защиты прав и интересов всех сторон общества. ...Ассамблея будет осуществлять полную законодательную и исполнительную власть в отношении тех вопросов, за которые в настоящее время отвечают шесть правительственных департаментов Северной Ирландии, с возможностью принимать ответственность за другие вопросы, указанные где-либо в настоящем соглашении»³⁵. Что касается исполнительной власти, то данное Соглашение предусматривало³⁶, что от имени Ассамблеи ее осуществляют первый министр (First Minister), его заместитель (Deputy First Minister) и до десяти министров с ведомственной ответственностью. Первый министр и его заместитель должны совместно избираться на должности Ассамблеи, голосующей на межфракционной основе в соответствии с п. 5(d)(i) настоящего соглашения. Затем министерские посты распреде-

ляются между партиями по системе д'Онда, учитывая, сколько мест каждая партия имеет в Ассамблее. Помимо этого предусматривалось, что министры составляют Исполнительный комитет под председательством Первого министра и его заместителя, который должен быть площадкой для обсуждения и достижения соглашения по вопросам, представляющим собой сферу пересечения ответственности двух или более министров для определения приоритетных исполнительных и законодательных предложений и, если необходимо, для выработки общей позиции (например по вопросам внешних отношений).

Затем был принят Акт о Северной Ирландии 1998 г., во введении которого указывалось, что он принимается с целью имплементации соглашения, достигнутого на многопартийных переговорах. Однако деятельность Ассамблеи несколько раз приостанавливалась. Акт о Северной Ирландии, принятый в 2006 г.³⁷, призвал начать подготовку к восстановлению делегированного правительства в Северной Ирландии (ст. 1). Акт о Северной Ирландии 2009 г.³⁸ содержит некоторые положения относительно охраны общественного порядка полицией и осуществления правосудия. Совсем недавно был принят Акт о Северной Ирландии (разные положения) 2014 г.³⁹, которым, в том числе, прекращается практика двойных мандатов для членов Ассамблеи Северной Ирландии, заседающих одновременно как члены Палаты общин или члены нижней палаты ирландского парламента (ст. 3—5), меняется процесс назначения и освобождения от должности министра юстиции Северной Ирландии (ст. 8), предусматривается возможность уменьшения количественного состава Ассамблеи (ст. 6), расширяются полномочия по принятию подзаконных нормативных актов в отношении выборов в Ассамблею и местных выборов (ст. 23) и предпринимаются некоторые меры в отношении делегирования полномочий от Государственного секретаря Комиссии по делам гражданской службы Северной Ирландии и Комиссии по правам человека Северной Ирландии (ст. 10—12).

Статьей 27 Белфастского соглашения предусматривалось, что Ассамблея будет обладать компетенцией принимать законодательные акты в зарезервированных областях с одобре-

³⁴ <www.assemblywales.org/gethome/vote2011/get_involved-referendum.htm> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³⁵ Belfast Agreement 1998. Strand One. S. 1—4 <www.peacemaker.un.org/uk-ireland-good-friday98> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³⁶ Ibid. Strand One. S. 14—18.

³⁷ Northern Ireland (St Andrews Agreement) Act 2006 <www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/53/section/1/enacted> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³⁸ Northern Ireland Act 2009 <www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/3/contents> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

³⁹ Northern Ireland (Miscellaneous Provisions) Act 2014 <www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/13/enacted> (дата обращения: 10 октября 2014 г.).

ния Государственного секретаря и под контролем Парламента. В настоящее время в перечень зарезервированных (reserved) вопросов (Приложение 3 к Акту о Северной Ирландии 1998 г.) входят, в том числе: навигация, включая торговое судоходство, но не гавани или внутренние воды; гражданская авиация, но не аэродромы; дисквалификация для членства в Ассамблее, привилегии, полномочия и иммунитеты Ассамблеи; финансовые услуги, финансовые рынки; телекоммуникации; безопасность потребителя в отношении товаров; и др. Перечень вопросов, изъятых из ведения (excepted) Ассамблеи (Приложение 2), в целом аналогичен включенным в Приложение 5 к Акту о Шотландии 1998 г. К ним относятся, например, Корона, включая вопросы престолонаследия и регентства; Парламент Соединенного Королевства, парламентские выборы, включая право голоса, дисквалификация для членства в Парламенте; международные отношения, включая отношения с территориями за пределами Соединенного Королевства, с Европейскими сообществами (и их институтами) и другими международными организациями, экстрадиция и др. Статья 8 Акта о Северной Ирландии содержит условия, при которых необходимо для принятия билля получить согласие Государственного секретаря. В случае если билль не соответствует требованиям, указанным в ст. 14, Государственный секретарь может не представить его для получения королевской санкции.

Что касается исполнительной власти в Северной Ирландии, то, в соответствии со ст. 23(1) Акта о Северной Ирландии 1998 г., данной властью наделена Ее Величество Королева. Однако Закон предусматривает (ст. 16А, 16В, 16С), что в течение семи дней после первого заседания избранной Ассамблеи на должность Первого министра назначается член Ассамблеи, кандидатура которого представляется политической партией, занявшей наибольшее число мест, а на должность его заместителя — член Ассамблеи, кандидатура которого представлена второй по числу мест в Ассамблее партией. Предусматривается также (ст. 17) порядок занятия должностей министров Северной Ирландии, число которых определяется Первым министром и его заместителем совместно (но не должно превышать 10 или большего числа, предусмотренного приказом Государственного секретаря).

Таким образом, модели деволюции в Великобритании отличаются одна от другой. Наибольшие полномочия имеет Шотландия, Уэльсу делегируются лишь административные полномочия, а деволюция в Северной Ирландии существенно осложнена политической борь-

бой между националистами и унионистами. Однако процесс делегирования полномочий от центрального правительства законодательным и исполнительным органам регионов не останавливается, а набирает силу, о чем свидетельствует постоянное совершенствование законодательства Великобритании, касающееся деволюционных вопросов.

Весьма вероятно, что проведенный 18 сентября 2014 г. в Шотландии референдум о независимости окажет определенное влияние на дальнейшее развитие деволюции во всех регионах страны. Несмотря на то, что 55,3 % избирателей высказались против отделения Шотландии от Великобритании⁴⁰, факт проведения референдума заставил правительство страны дать обещание о предоставлении более широких полномочий не только Шотландии, но также Уэльсу, Англии и Северной Ирландии.

19 сентября 2014 г. была создана Комиссия Смита (Smith Commission) как полностью независимый орган для содействия переговорам по вопросу передачи дальнейших полномочий Шотландскому парламенту. Одновременно правительство Соединенного Королевства согласилось представить свои предложения в отношении дальнейшей деволюции, обеспечить поддержку партийным дебатам и широкие консультации по данным предложениям, а также в форме законопроекта, сопровождаемого пояснительной запиской, ответить на основные положения, представленные Комиссией Смита, в январе 2015 г. предполагается, что все это явится основой для Билля о Шотландии, который будет внесен следующим правительством Великобритании в новый Парламент⁴¹. 13 октября 2014 г. был опубликован официальный документ, содержащий предложения трех основных политических партий Соединенного Королевства в отношении дальнейшего расширения полномочий Шотландии⁴². Каким образом и в какие сроки будут реализованы данные соглашения, и насколько результаты референдума, проведенного в Шотландии, отразятся на процессе делегирования полномочий каждому из регионов и конституционном развитии Великобритании в целом, станет известно в ближайшем будущем.

⁴⁰ <https://www.gov.uk/government/topical-events/scottish-independence-referendum/about> (дата обращения: 5 ноября 2014 г.).

⁴¹ <https://www.gov.uk/government/publications/proposals-for-further-devolution-of-powers-to-scottish-parliament> (дата обращения: 5 ноября 2014 г.).

⁴² The parties' published proposals on further devolution for Scotland. 13 October, 2014. Cm 8946 <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/363236/Command_paper.pdf> (дата обращения: 5 ноября 2014 г.).

Библиография:

1. Алебастрова И. А. Британские конституционные реформы: учреждение региональных органов власти // Представительная власть. — 2002. — № 5—6 (47—48). — С. 55—59.
2. Казаков С. О. Деволюция в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. — Саарбрюкен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. — 72 с.
3. Матюхина Т. В. Деволюция в Великобритании на рубеже XX—XXI вв. // Проблемы наук теории и истории государства и права : сборник научных статей. — Красноярск : ИПК СФУ, 2008. — Вып. 2. — С. 96—107.
4. Alder J. Constitutional and administrative law. — Ninth Edition. — Palgrave Macmillan Law Masters. — TJ International Ltd, Padstow, Cornwall, Great Britain.
5. Bowers P. The Sewel Convention. Parliament and Constitutional Centre. Standard Note: SN/PC/2084. 25 November 2005. <www.parliament.uk/briefing-papers/sn02084.pdf>.
6. Cane P. Administrative Law. — Fourth Edition. — Clarendon Law Series. — Oxford University Press, 2004.
7. Elliott M., Beatson J., Matthews M. Administrative Law. Text and Materials. — Third Edition. — Oxford University Press, 2005.
8. Montesquieu C. The Spirit of the Laws (1748). Chapter 6. Of the Constitution of England <www.etext.lib.virginia.edu/etcbn/to...public&part=137&division=div2>.
9. National Assembly for Wales. Results of the National Assembly for Wales Referendum 2011. March 2011. Jennings M. Paper number: 11/017. <www.assemblywales.org/11-017.pdf>.
10. Report of the Commission on the Powers and Electoral Arrangements of the National Assembly for Wales. Standard Note: SN/PC/3018. 22 April 2004. Author: Isobel White, Parliament and Constitution Centre. <www.parliament.uk/briefing-papers/SN03018.pdf>.
11. Winetrobe B. K. Enacting Scotland's "Written Constitution": The Scotland Act 1998 // A Century of Constitutional Reform / Ed. by P. Norton. — Wiley-Blackwell for The Parliamentary History Yearbook Trust, 2011. — P. 85—100.

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2014 г.

COMPETENCE DELEGATION MODELS: EXPERIENCE OF THE GREAT BRITAIN

Ustyuzhaninova, Ekaterina Aleksandrovna – PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of State Law Disciplines of the Volgo-Vyatskiy Institute (Filial Office) of the Kutafin Moscow State Law University.

[Kate.us@mail.ru]

610000, Russia, Kirov, ul. Moskovskaya, 30.

Review: *One of the directions of the constitutional reform in the Great Britain in the sphere of guarantees of the real separation of powers involved the devolution process, standing for the decentralization of power, that is, for the delegation of powers from the centre to the regions. The decentralization of the political power in the Great Britain has grown considerably both due to its membership in the EU, and to the delegation of its power to Scotland, Wales and Northern Ireland at the domestic level ever since 1998. The unitary state, such as the Great Britain is, guarantees the recognition of the interests of the specific subjects and limits the interference of the central government bodies into the local administrative affairs by delegation of power from the centre to the regions. Delegated government was recommended by the Royal Commission on the Constitution in 1973. There is current legislation on the transfer of delegated competence to the Scottish Parliament the Assembly of the Northern Ireland and the Assembly of Wales (to a lesser degree). The legislative provisions on the delegation of competence to the three territories have many common features, but they also have important specificities for each of the regions. Devolution models in the Great Britain are various. Scotland has the most competence, Wales only receives administrative competence, and the devolution in the Northern Ireland is complicated by the political strife between nationalists and unionists. Nevertheless, the legislation on delegation of competence from the central government to legislative and executive bodies of the regions is constantly being improved, and the devolution process is ongoing. The specificities of this process in the regions of the Great Britain and the key provisions of devolution legislation are analyzed in this article.*

Keywords: *devolution, separation of power, constitutional reform, delegation of competence, delegated administration the Scottish Parliament, the Assembly of the Northern Ireland, the National Assembly of Wales, "asymmetrical devolution", Sewell Agreement, Belfast Agreement, reserved issues, legislative competence.*

Bibliography:

1. Alebastrova, I.A. British constitutional reforms: formation of the regional government bodies. // *Predstavitel'naya vlast.* 2002. N. 5-6 (47-48). - P. 55 – 59.
2. Kazakov, S.O. *Devolution in the United Kingdom of the Great Britain and Northern Ireland.* Saarbruken: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2013. – 72 p.
3. Matyukhina, T.V. Devolution in the Great Britain at the verge of XX–XXI centuries. // *The problems of sciences of theory and history of state and law. Collection of scientific articles.* – Krasnoyarsk: IPKSFU, 2008. Ed. 2. - P. 96 – 107.
4. Alder J. *Constitutional and administrative law.* Ninth Edition. Palgrave Macmillan Law Masters. TJ International Ltd, Padstow, Cornwall, Great Britain.
5. Bowers P. *The Sewel Convention.* Parliament and Constitutional Centre. Standard Note: SN/PC/2084. 25 November 2005. <www.parliament.uk/briefing-papers/sn02084.pdf>.
6. Cane P. *Administrative Law.* Fourth Edition. Clarendon Law Series. Oxford University Press, 2004.
7. Elliott M., Beatson J., Matthews M. *Administrative Law. Text and Materials.* Third Edition. Oxford University Press, 2005.
8. Montesquieu C. *The Spirit of the Laws (1748).* Chapter 6. *Of the Constitution of England* <www.etext.lib.virginia.edu/etcbin/to...public&part=137&division=div2>.
9. National Assembly for Wales. *Results of the National Assembly for Wales Referendum 2011.* March 2011. Jennings M. Paper number: 11/017. <www.assemblywales.org/11-017.pdf>.
10. Report of the Commission on the Powers and Electoral Arrangements of the National Assembly for Wales. Standard Note: SN/PC/3018. 22 April 2004. Author: Isobel White, Parliament and Constitution Centre. <www.parliament.uk/briefing-papers/SN03018.pdf>.
11. Winetrobe B.K. *Enacting Scotland's "Written Constitution": The Scotland Act 1998* // *A Century of Constitutional Reform.* Edited by P. Norton. Wiley-Blackwell for The Parliamentary History Yearbook Trust, 2011. P. 85 – 100.

ОБСУЖДАЕМ ЗАКОНОПРОЕКТ

С. А. Старостин*

НУЖНЫ ЛИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПОЛИЦИИ?

Аннотация. В статье дается правовая оценка проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1 июля 2015 г. Дан подробный анализ предлагаемых норм, которые значительно расширяют полномочия сотрудников полиции. В статье отмечено, что законопроект имеет важное значение для обеспечения безопасности граждан Российской Федерации и общества в целом. Он направлен на совершенствование практической деятельности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, уточнение и детализацию их обязанностей и прав, исключение из отраслевого законодательства норм, которые носят неопределенный характер. Вместе с тем многие нормы законопроекта противоречат как Конституции Российской Федерации, так и действующим международным правовым актам. Автором анализируются особенно подробно именно эти нормы. В заключение делается вывод о том, что предлагаемый законопроект не может быть поддержан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О полиции», законопроект, органы внутренних дел, полномочия полиции, функции полиции, права и свободы граждан, эффективность защиты, применение оружия, проникновение в жилище, вскрытие автотранспорта, презумпция доверия.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.110-115

1 июля 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — законопроект). Как сказано в пояснительной записке, законопроект направлен на усиление гарантий защиты прав и законных интересов граждан, совершенствование практической деятельности сотрудников органов внутрен-

них дел по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, уточнение и детализацию их обязанностей и прав, исключение из отраслевого законодательства норм, которые носят неопределенный характер.

Иначе говоря, основная цель законопроекта — создать условия сотрудникам полиции для более эффективной защиты ими прав и свобод граждан. Думаю, что многих, в том числе и автора статьи, очень насторожила эта формулировка: что-то знакомое из недалекого прошлого мы увидели. Не попытка ли это под видом реализации самых гуманных и благих задач осуществить иные задачи и не приведет ли это к противоположному ре-

¹ Законопроект № 828616-6 внесен депутатами Государственной Думы И. А. Яровой, А. Е. Хинштейном, Э. А. Валеевым, М. Х. Вахаевым, Д. Е. Горюновым, А. К. Луговым, А. Б. Выборным, Д. Н. Вороненковым, И. Е. Костуновым, Е. В. Доровиным.

© Старостин С. А., 2015

* Старостин Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[starostina_pv@vsrf.ru]

123995, Россия, Москва, Садовая-Кудринская, д. 9.

зультату и негативным последствиям? Ведь именно «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Цель статьи не в том, чтобы уяснить, умышленно ли предлагаются нормы, которые значительно развяжут руки полицейским при исполнении ими своих обязанностей, что приведет к нарушениям прав и свобод граждан. Автор не сомневается, что такого умысла у инициаторов проекта нет. Цель состоит в другом: дать правовую оценку некоторым предлагаемым нормам и показать их негативные последствия.

Действительно, многие нормы законопроекта направлены на совершенствование деятельности полиции по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений. Так, на полицию предлагается возложить обязанность осуществлять розыск лиц, утративших связь с родственниками; предоставлять в случаях, предусмотренных законодательством, сведения не только о наличии (об отсутствии) судимости, но и о наличии (об отсутствии) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, а также о нахождении лица в розыске; осуществлять административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; осуществлять розыск лиц, в отношении которых установлен такой надзор.

Законопроект должен усилить правовую защиту граждан и организаций в случае проникновения сотрудников полиции на принадлежащие им помещения, земельные участки и территории. Предлагается ввести обязанность полиции информировать собственника земельного участка о проникновении на участок, если оно было осуществлено в его отсутствие, о каждом факте проникновения сотрудника полиции в жилое помещение предлагается уведомлять не только прокурора, но и суд.

Предлагаются изменения, направленные на реализацию дополнительных мер по защите жизни и здоровья граждан, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений.

Вместе с тем законопроект имеет достаточно ярко выраженную тенденцию на расширение полномочий сотрудников полиции и одновременно на сокращение их обязанностей. Такой подход вызывает недоумение, поскольку противоречит принципу, в соответствии с которым объем прав и обязанностей органов государственной власти и должностных лиц находится в непосредственной взаимосвязи: чем более широким кругом полномочий наделяется определенный орган государственной власти, тем более серьезный контроль должен быть установлен с целью

исключения возможности злоупотребления данными полномочиями.

Предлагаемые поправки нивелируют отенок долженствования в конкретных юридических нормах, направленных на определение обязанностей сотрудников полиции. Так, во многих статьях предлагается исключить из нормы слово «обязаны»: в статьях, регламентирующих обязанности сотрудников полиции. Такое предложение вносится в отношении норм, закрепленных в ч. 3 и 7 ст. 5, ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 11 Закона «О полиции». Избрание такого подхода крайне нежелательно в качестве способа правовой регламентации прав и обязанностей должностных лиц, наделенных обширными полномочиями. Этот путь неизбежно приведет к увеличению злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Пункт 39 ч. 1 ст. 12 Закона «О полиции» предлагается изложить в следующей редакции: «предоставлять по межведомственным запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставляющих (выполняющих) государственные или муниципальные услуги (функции), сведения о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования, либо о прекращении уголовного преследования, о нахождении в розыске». В действующей редакции п. 39 ч. 1 ст. 12 изложен следующим образом: «предоставлять по межведомственным запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, сведения о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости, если для предоставления государственной или муниципальной услуги предусмотрено предоставление таких сведений или документа, содержащего такие сведения, в указанные государственные органы или органы местного самоуправления». Таким образом, поправки необоснованно ограничат неприкосновенность частной и личной жизни граждан. Неприкосновенность частной жизни закреплена в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, ч. 1 ст. 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.

Ограничение данного права возможно только в случаях и по основаниям, которые строго зафиксированы законом. Поэтому при установлении определенного законодательно-ограничения необходимо уточнять, при каких обстоятельствах допустимо его применение. В связи с этим не следует исключать из федерального закона указаний на обстоятельства, в связи с которыми осуществляются межведомственные запросы (в действующей редакции:

«если для предоставления государственной или муниципальной услуги предусмотрено предоставление таких сведений или документа, содержащего такие сведения»).

Конституционный Суд РФ в своем определении от 16.02.2006 № 63-О² разъясняет, что право каждого на уважение его личной и семейной жизни состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей и не распространяется на деятельность, сопряженную с определением меры наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление, поскольку в данном случае государство не осуществляет самовольное вмешательство в частную жизнь гражданина, а лишь выполняет свою функцию по защите общественных интересов (как следует из постановления Европейского Суда³). Деятельность, сопряженная с определением меры наказания в виде лишения свободы, осуществляется только судом посредством вынесения приговора по уголовному делу. Возможным последствием вынесения приговора по уголовному делу является судимость.

Таким образом, как следует из Конституции РФ и международных правовых актов, ограничение неприкосновенности частной жизни возможно только вследствие вынесения приговора суда по уголовному делу. В других случаях ограничения недопустимы. Поэтому положение, в соответствии с которым по межведомственным запросам будут предоставляться сведения о фактах уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, о нахождении в розыске, не соответствует Конституции РФ и основополагающим принципам и нормам международного права, поскольку по данным обстоятельствам, как правило, не выносилось решения суда.

Подпунктом «б» п. 14 законопроекта предлагается ч. 5 ст. 23 Закона «О полиции» после слова «женщин» дополнить словами «с видимыми признаками беременности». Таким образом, законопроект стремится узаконить возможность применения огнестрельного оружия в отношении женщин. Введение подобной нормы общего характера противоречит действующим международным правовым актам. В частности, Декларации об искоренении насилия

в отношении женщин⁴, в соответствии с которой на государство возлагается обязанность всеми средствами политики искоренять насилие в отношении женщин. Согласно п. «b» ст. 4 указанной Декларации государства должны «воздерживаться от применения насилия в отношении женщин». Вводимая правовая норма вступает в прямое противоречие с положением международного правового акта, поэтому не может быть введена в законодательство.

Кроме того, в соответствии с п. «f» «ст. 4 вышеуказанной Декларации государства обязаны «разработать на всеобъемлющей основе превентивные подходы и любые возможные меры правового, политического, административного и культурного характера, которые содействуют защите женщин от любых форм насилия, и обеспечить положение, исключающее повторную виктимизацию женщин в результате применения законов, правоохранных методов и других действий, в которых не проводится различия между мужчинами и женщинами». Таким образом, в законодательстве необходимо развивать и упрочнять меры правовой защиты женщин, как это следует из международных правовых норм.

Стоит также отметить, что аргумент об обоснованности введения данной нормы в силу террористической угрозы со стороны женщин несостоятелен, поскольку в исключительных случаях, поименованных в законодательстве как «крайняя необходимость» (ст. 39 УК РФ), сотрудники правоохранительных органов могут применять силу для устранения опасности. Для этого не требуется вводить общую норму о допустимости применения огнестрельного оружия в отношении женщин.

Подпункт «в» п. 15 законопроекта предлагает изменить ч. 6 ст. 23 Закона «О полиции», дополнив после слов «случайные лица» словами «, за исключением применения огнестрельного оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти».

Выполнение профессионального долга сотрудниками полиции в отношении восстановления общественной безопасности не может оправдать случайных жертв при применении огнестрельного оружия. Предлагаемое предложение противоречит фундаментальному конституционному праву каждого человека

² Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 63-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 89, 121, 123, 125 и 131 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

³ Постановление ЕСПЧ от 28.05.1985 по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» («Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom»).

⁴ Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.

на жизнь (ст. 20 Конституции РФ). Это право может быть ограничено только в исключительных случаях, предусмотренных федеральным законодательством, связанных с противодействием лицу, грубо нарушающему уголовный закон и создающему опасность для жизни и здоровья других граждан. Данное исключение ни при каких обстоятельствах не подлежит расширительному толкованию и не может быть распространено на случайных лиц.

Более того, предлагаемое положение противоречит основным принципам применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка ООН⁵, в соответствии с пп. «b» п. 11 которых «нормы и положения о применении огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка включают руководящие принципы, которые обеспечивают, чтобы огнестрельное оружие применялось лишь в надлежащих обстоятельствах и таким образом, чтобы можно было бы уменьшить опасность причинения чрезмерного ущерба». Поражение случайных лиц следует расценивать как причинение обществу непоправимого ущерба, поэтому подобное положение недопустимо к включению в федеральное законодательство.

Следует отметить, что в соответствии с п. 8 вышеназванных Основных принципов «чрезвычайные обстоятельства, такие как внутренняя политическая нестабильность или любые другие чрезвычайные общественные явления, не могут служить оправданием для любого отхода от настоящих Основных принципов».

Пункт 15 законопроекта предлагает изложить ч. 2 ст. 24 Закона «О полиции» в следующей редакции: «При попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, прикоснуться к его огнестрельному оружию или совершить иные действия, дающие основание расценить их как оказываемое противодействие, сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона».

В действующей редакции ч. 2 ст. 24 «Гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции» изложена следующим образом: «При попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции,

сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона».

Поправка к ч. 2 ст. 24 расширяет право вооруженного сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия, оставляя определение границ возможности воспользоваться данным исключительным правом на усмотрение самого сотрудника полиции. Так, рассматриваемая поправка позволяет применить огнестрельное оружие в случае, если сотрудник полиции усмотрит в действиях лица попытку оказать противодействие.

Необходимо учитывать, что сотрудник полиции может воспользоваться данным правом только в исключительных случаях. Недопустимо ставить вопрос о возможности воспользоваться этим правом в зависимости от усмотрения сотрудника полиции, тем самым возводя субъективную оценку в ранг обстоятельства, определяющего пределы законности. В противном случае подобные действия сотрудника полиции невозможно будет обжаловать, ведь сотруднику достаточно будет сослаться на то, что сложившиеся обстоятельства были им расценены как угрожающие его жизни и здоровью, поскольку в законе будет отсутствовать закрытый перечень подобных обстоятельств. Такой подход недопустим при урегулировании вопросов, связанных с основополагающим конституционным правом на жизнь.

Кроме того, подобный подход нарушает основополагающие принципы и нормы международного права. Так, в пункте «а» ч. 3 ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах⁶ закреплена обязанность каждого государства, участвующего в Пакте, «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Внесение в Закон «О полиции» вышеобозначенной поправки будет препятствовать обеспечению эффективного средства правовой защиты от необоснованных действий сотрудников полиции и осуществлению независимого процесса, что противоречит п. 23 Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, в соответствии с которыми «лица, постра-

⁵ Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.

давшие от применения силы и огнестрельного оружия, или их законные представители имеют доступ к независимому процессу, включая судебный процесс. В случае смерти таких лиц настоящее положение соответствующим образом распространяется на их иждивенцев».

Подпункт «б» п. 17 законопроекта предлагает дополнить ст. 30 ч. 1 Закона «О полиции» примечанием следующего содержания: «Государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей». Законодательное закрепление «презумпции доверия» к выполнению сотрудником полиции своих служебных обязанностей, то есть закрепление правовой презумпции, в силу которой все действия сотрудников полиции считаются законными и обоснованными, пока обратное не будет установлено в судебном порядке, недопустимо. Подобное положение приведет к перераспределению бремени доказывания в судебном процессе, освобождая сотрудника полиции от обязанности доказывать законность и обоснованность своих действий путем возложения такой обязанности на заявителя. Такая новелла усугубит положение граждан и частных организаций в судебном процессе против органов государственной власти и должностных лиц органов государственной власти.

Предложение закрепить «презумпцию доверия» вступает в явное противоречие

с действующим кодифицированным процессуальным законодательством. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 249 Гражданского процессуального кодекса РФ «обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих возлагаются на орган, принявший нормативный правовой акт, органы и лиц, которые приняли оспариваемые решения или совершили оспариваемые действия (бездействие)».

Законопроект имеет и некоторые технические замечания, которые только на первый взгляд являются таковыми, а на самом деле имеют далеко идущие негативные последствия при принятии решений сотрудниками полиции, позволяющие им по своему усмотрению оценивать ситуации и принимать те решения, которые они посчитают нужными. В связи с этим необходимо максимально точно дать определения вводимым в Закон «О полиции» терминам «проникновение», «вскрытие», «презумпция доверия».

Вывод может быть сделан один: законопроект в таком виде нарушает многие конституционные права и свободы граждан.

Библиография:

1. Декларация о полиции от 9 мая 1979 г. Утверждена Ассамблеей Совета Европы // Сборник документов. С. 77—81.
2. Воскобитова Л. В. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1.
3. Пчелинцев С. В. Обеспечение общественной безопасности и общественного порядка как цель ограничения прав и свобод граждан: теоретические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. Специальный выпуск. 2006. № 3.

Материал поступил в редакцию 9 июля 2015 г.

DOES POLICE NEED EXTRA COMPETENCE?

Starostin, Sergey Alekseevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University.

[starostina_pv@vsrf.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article provides legal evaluation of the draft Federal Law “On amendments to the Federal Law “On Police” and certain legislative acts of the Russian Federation”, which was brought to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 1, 2015. The author provides a detailed analysis of the provisions of the draft, which widen the scope of competence of the police officers. It is noted in the article that the legislative draft is of importance for the security guarantees of the citizens of the Russian Federation and society as a whole. It is aimed at the improvement of the practical activities of the internal affairs officers on prevention, interception*

and revealing crimes and other offences, clarification and more detailed regulation of their rights and obligation exclusions of ambiguous provisions from the relevant legislation. However, many provisions of this legislative draft contradict both the Constitution of the Russian Federation and international legal acts. The author offers especially detailed analysis of these provisions. Finally, the conclusion is made that the said draft may not be supported.

Keywords: *the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On Police", legislative draft, internal affairs bodies, police competence, police functions, rights and freedoms of the people, efficient protection, use of weapons, entering a dwelling, unlocking cars, presumption of trust.*

Bibliography:

1. Declaration on the Police of May 9, 1979, adopted by the Parliamentary Assembly of the Council of Europe // Collected documents. P. 77- 81.
2. Voskobitova, L.A. Court and fighting crime // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. 2005. N. 1.
- 3 Pchelintsev, C.B. Guarantees of public security and public order as a justification for limiting rights and freedoms of persons; theoretical aspects. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. Spetsialnyy vypusk. 2006. N. 3.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

П. Е. Морозов*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с преподаванием трудового права в образовательных организациях высшего образования, которые осуществляют образовательную деятельность по образовательным программам высшего юридического образования.

Отмечается, что в этих учебных заведениях традиционно акцент делается на сугубо правовые вопросы (например в области трудового права). Вместе с тем необходимо учитывать и то, что преподавание предполагает владение определенными педагогическими приемами, которые вырабатываются педагогикой. Их игнорирование неизбежно приводит к более низкому уровню усвоения знаний студентами. Требуется обеспечение оптимального баланса между правовыми знаниями и способом их подачи в форме практических занятий, исходя из того, чтобы не пострадало ни качество получаемых студентом знаний, ни механизм их усвоения. Критерии оценки качества практического занятия по трудовому праву должны базироваться на специфических характеристиках определенной юридической специальности, подготовка к которой осуществляется в рамках структурного подразделения. В качестве аргументации этого тезиса рассматривается целевая направленность практического занятия по трудовому праву в различных структурных подразделениях юридических высших учебных заведений, готовящих юрисконсультов, судей (в рамках факультетов правоведения, права, юриспруденции высших юридических учебных заведений), юристов-международников, адвокатов, работников прокуратуры. Все критерии качества проведения семинарского занятия по трудовому праву можно подразделить на несколько групп, относящихся: 1) к структуре; 2) к содержанию; 3) к методике проведения; 4) к организации семинара; 5) к руководству работой студентов на семинаре; 6) к педагогическим данным преподавателя; 7) к оценке результативности семинара.

Ключевые слова: трудовое право; педагогика; преподавание; профессиональная деятельность; практические занятия; юрисконсульт; юрист-международник; адвокат; работник прокуратуры; критерии оценки; пути совершенствования; правоведение.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.116-123

© Морозов П. Е., 2015

* Морозов Павел Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
[pmorozov72@gmail.com]
123995, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская, д. 9.

В настоящее время в связи с реализацией в системе высшего образования положений Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ особое внимание стало уделяться проблеме определения качества проведения занятий в образовательных организациях, в том числе и тех, которые осуществляют образовательную деятельность по образовательным программам высшего юридического образования.

В подобных организациях традиционно акцент делается на сугубо правовые вопросы (например в области трудового права). Вместе с тем необходимо учитывать и то, что преподавание предполагает владение определенными педагогическими приемами, которые вырабатываются педагогикой. Их игнорирование неизбежно приводит к более низкому уровню усвоения знаний студентами. Требуется обеспечение оптимального баланса между правовыми знаниями и способом их подачи в форме практических занятий, исходя из того, чтобы не пострадало ни качество получаемых студентами знаний, ни механизм их усвоения.

Как правило, педагогика рассматривается преподавателями высших юридических образовательных учреждений как нечто «абстрактное», как набор определенных правил, не имеющих научной подоплеки. В связи с чем делается вывод о том, что главное — это то, чтобы студенты выучили какую-то главу ТК РФ либо его статью, или положения какого-то иного нормативного правового акта, регулирующего трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения.

Педагогические же приемы воспринимаются как нечто второстепенное, не имеющее особого значения (консерватизм мышления нам подсказывает: как раньше до нас вели семинары, так и мы будем).

Однако педагогика — это наука и игнорирование ее основных положений отрицательно сказывается на усвоении знаний студентами в области трудового права. Действительно, здесь важно правильно выстроенные на основе научных знаний отношения: преподаватель — студенты.

Представляется, что специфика преподавания трудового права в юридических высших учебных заведениях должна определяться целевой направленностью подготовки специалистов, которая определяет их будущую юридическую специальность — юрисконсульт, судья (как правило, в рамках факуль-

тетов правоведения, права, юриспруденции высших юридических учебных заведений), юрист-международник, адвокат, работник прокуратуры.

Отметим, что сознательный выбор студентом определенного вида направленности подготовки означает, что он рассматривает свою будущую профессиональную деятельность с учетом цели структурного подразделения юридического института, которое готовит юристов определенного профиля.

Естественно, есть и исключения. Но мы основываемся на общей тенденции дальнейшего трудоустройства выпускников.

Конечно, все это не означает, что впоследствии выпускник со стопроцентной вероятностью выберет ту или иную конкретную юридическую специальность. Однако особенности преподавания в рамках структурного подразделения юридического высшего учебного заведения в конечном счете, несомненно, определяют специфику его профессиональной деятельности.

Мы считаем, что критерии оценки качества практического занятия по трудовому праву должны базироваться на специфических характеристиках определенной юридической специальности, подготовка к которой осуществляется в рамках структурного подразделения.

В качестве аргументации этого тезиса рассмотрим целевую направленность практического занятия по трудовому праву в различных структурных подразделениях юридических высших учебных заведений, готовящих юрисконсультов, судей (в рамках факультетов правоведения, права, юриспруденции высших юридических учебных заведений), юристов-международников, адвокатов, работников прокуратуры.

Подготовка юрисконсульт

Преподаватель в процессе проведения семинара по трудовому праву должен исходить из того, что основная цель занятия — подготовка юрисконсульт, владеющих знаниями в области трудового права.

При этом целесообразно учитывать определенные требования, закрепленные в Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих². Иными словами, педагог должен руководствоваться положениями пункта «Юрисконсульт» этого акта.

Практический интерес в данном отношении имеют два подраздела пункта — «должностные

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598 (в ред. ФЗ от 21 июля 2014 г. № 262-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4263).

² Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утв. постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37 (ред. от 12.02.2014).

обязанности» и «должен знать», использование которых определяют и лейтмотив проведения семинара по трудовому праву.

На практическом занятии преподаватель, помимо теории вопроса, акцентирует внимание на следующих моментах (на основе ЕКС³):

1. Разработка локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права.

2. Раскрытие содержания методического руководства правовой работой в сфере трудового права, оказание правовой помощи структурным подразделениям и общественным организациям в подготовке и оформлении различного рода правовых документов, участие в подготовке обоснованных ответов при отклонении претензий.

3. Анализ порядка подготовки совместно с другими подразделениями организации материалов о хищениях, растратах, недочетах, выпуске недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции и об иных правонарушениях для передачи их в суд, следственные и судебные органы.

4. Рассмотрение участия юрисконсульта в разработке и осуществлении мероприятий по укреплению трудовой дисциплины, обеспечению сохранности имущества работодателя.

5. Анализ и обобщение результатов рассмотрения претензий, судебных дел по трудовым спорам.

6. Оформление материалов о привлечении работников к дисциплинарной и материальной ответственности.

7. Рассмотрение участия юрисконсульта в работе по заключению, разработке условий коллективных договоров и отраслевых соглашений.

8. Раскрытие содержания подготовки совместно с другими подразделениями организации предложений об изменении действующих или отмене утративших силу приказов и других нормативных актов, изданных в организации.

9. Анализ участия юрисконсульта в подготовке заключений по правовым вопросам, возникающим в деятельности работодателя, проектам нормативных актов, поступающих на отзыв.

10. Осуществление юрисконсультом информирования работников о действующем законодательстве и изменениях в нем, ознакомление должностных лиц предприятия с нормативными правовыми актами, относящимися к их деятельности.

11. Характеристика консультаций юрис-

консультантов работников по организационно-правовым и другим юридическим вопросам, связанным с трудовым правом.

Естественным в этой связи является вопрос: «Может быть, стоит отражать эти моменты только применительно к рассмотрению какого-то конкретного института трудового права?»

На наш взгляд, положительный ответ на этот вопрос будет являться ошибочным, так как нарушится системность рассмотрения материала.

Все вышеизложенные положения должны учитываться при проведении каждого семинара по трудовому праву.

Подготовка судей

При подготовке будущих судей преподаватель должен исходить из того, что главное в их деятельности в рамках трудового права — рассмотрение и разрешение трудовых споров.

Ввиду чего акцент на практических занятиях по трудовому праву должен приходиться на следующие моменты:

1. Изучение трудовых процессуальных норм.

2. Постоянный анализ норм гражданского процессуального права.

3. Установление связей между материальными, процессуальными нормами трудового права и нормами гражданского процессуального права.

4. Постоянное изучение судебной практики по трудовым спорам с особым уклоном на рассмотрение трудовых споров в судах апелляционной инстанции.

Подготовка юристов-международников

В процессе проведения практического занятия по трудовому праву по этому направлению преподаватель должен исходить из ряда обстоятельств.

1. Углубленное изучение, помимо общих вопросов, трудового права законодательства о труде иностранных работников. Вместе с тем у преподавателя может возникнуть вопрос: «Как распределить время между общими проблемами трудового права и миграционным законодательством, и не приведет ли это к ухудшению качества преподавания?»

Ответ видится в следующем. Все проблемы можно рассматривать в единой системе, а не изолировать их друг от друга. Например, при изучении вопросов, связанных с работником как субъектом трудового права, можно проанализировать и положения Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О право

³ Там же.

вом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁴.

Все это также касается и всех вопросов трудового права.

2. Анализ на каждом семинаре актов международных организаций о труде, исходя из положений статьей 15 Конституции РФ и 10 ТК РФ.

3. Рассмотрение положений Главы 53 ТК РФ «Особенности регулирования труда работников, направляемых на работу в дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, а также в представительства федеральных органов исполнительной власти и государственных учреждений Российской Федерации за границей», а также — Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации».

4. Широкое использование сравнительно-правового метода. Знание иностранных языков студентов этого Института определяет необходимость постоянного обращения на каждом семинаре к трудовому праву зарубежных стран.

5. Рассмотрение и анализ трудовых споров с участием иностранных граждан.

Подготовка адвокатов

Изложение материала по трудовому праву на семинарах в этом институте должно базироваться на положениях Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁵.

Преподаватель обязан руководствоваться при проведении семинара ст. 2 этого Закона.

1. Студенты на семинаре должны (на основе ст.2 Закона):

— давать консультации и справки по вопросам, связанным с трудовым правом, как в устной, так и в письменной форме;

— составлять заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера по вопросам трудового права;

— в игровой форме участвовать в качестве представителя доверителя в разбирательстве дел в суде по трудовым спорам;

— в форме деловой игры представлять интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях.

2. Учитывая специфику этого профиля юридического образования, необходимо постоянно обращаться к судебной практике по трудовым спорам. При этом практика должна быть диаметрально противоположной по своему содержанию, то есть не содержать простые решения. **Должен провозглашаться принцип состязательности как основа будущей профессиональной деятельности адвоката.**

На наш взгляд, наиболее ярким примером в этом отношении является вопрос о возможности продления срока срочного трудового договора не только со специальными субъектами, но и со всеми работниками.

3. Московская коллегия адвокатов «Росар» является инициатором специальной программы — «Адвокат трудовых отношений»⁶.

Целесообразно со студентами разбирать ее положения, увязывая их с будущей профессиональной деятельностью.

Подготовка работников прокуратуры

Акцент в процессе проведения практического занятия по трудовому праву должен быть сделан на положения Указания от 14.11.2008 № 229/7р «Об организации прокурорского надзора в связи с принимаемыми Правительством Российской Федерации мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики»⁷, в котором четко определяются полномочия прокуратуры в области защиты трудовых прав граждан.

На практическом занятии студенты вместе с преподавателем должны постоянно обращаться к вопросам, связанным с: правом на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы; правом работников при увольнении в связи с ликвидацией или сокращением численности или штата; надзором за деятельностью государственной инспекции труда; деятельностью органов занятости по претворению программ трудоустройства и обучения профессиям, особо нуждающимся в социальной защите граждан; учетом службзанятости преимущественного права безработных, состо-

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032 (в ред. ФЗ от 21 июля 2014 г. № 232-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4233).

⁵ Федеральный закон от 31 мая 2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ 2002. № 23. Ст. 2102 (в ред. ФЗ от 02.07.2013 № 185-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477).

⁶ Программа «Адвокат трудовых отношений». Московская коллегия адвокатов «Росар». URL: <http://www.trud-advokat.ru/> (дата обращения: 11.11.2014).

⁷ Указания от 14 ноября 2008 г. № 229/7р «Об организации прокурорского надзора в связи с принимаемыми Правительством Российской Федерации мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://www.genproc.gov.ru/documents/orders/document-14278/> (дата обращения: 11.11.2014).

ящих на учете свыше 6 месяцев, на участие в общественных работах.

Естественно, что круг полномочий прокуратуры в области защиты трудовых прав граждан шире, нежели чем он определен в Указании, но здесь должен учитываться один нюанс — по этим вопросам предусматривается прямое обращение в прокуратуру, а по другим — только после обращения в Государственную инспекцию труда.

2. На семинаре студенты должны разобрать, как составляются жалобы по поводу нарушения трудовых прав в прокуратуру и каков порядок их рассмотрения. Думается, что эти жалобы должны составляться на каждом занятии.

3. В игровой форме на семинаре возможно моделирование ситуаций осуществления прокурорской проверки. Особо следует обратить внимание и на выступление прокурора в суде в процессе рассмотрения трудовых споров.

Хотелось бы отметить, что эти три момента должны реализовываться при проведении каждого семинара.

Одним из способов определения правильности подачи материала по трудовому праву в рамках практических занятий является оценка их качества на основе определенных критериев.

Все критерии качества проведения семинарского занятия по трудовому праву можно подразделить на несколько групп, относящихся: 1) к структуре; 2) к содержанию; 3) к методике проведения; 4) к организации семинара.

Рассмотрим в отдельности критерии каждой группы.

I. Критерии, относящиеся к структуре семинара по трудовому праву.

Практическое занятие по трудовому праву должно состоять из трех частей: вводной, основной и заключительной.

В вводной части преподаватель оглашает тему и план занятия, определяет его цели и задачи. При этом очень важно, чтобы была учтена профессиональная направленность занятия. Этот аспект проведения практического занятия (его направленность) увязывается с профилем подготовки юриста. Единственно, что преподаватель определяет взаимосвязь конкретных вопросов темы семинара по трудовому праву со спецификой профессиональной деятельности студентов.

В рамках основной части преподаватель анализирует вопросы темы. Здесь также важно учитывать целевую направленность подготовки специалистов в области юриспруденции.

Заключительная часть подразумевает, во-первых, ответы на вопросы студентов и, во-вторых, формулирование обобщающего вывода по теме семинара.

II. Критерии, относящиеся к содержанию семинара по трудовому праву.

Таковыми критериями являются: а) соответствие семинара тематическому плану рабочей программы курса «Трудовое право»; б) реализация внутриведомственных и межведомственных связей в рамках практического занятия по трудовому праву.

Например, рассмотрение какой-то проблемы трудового права должно осуществляться не только с точки зрения норм этой отрасли права, но также с позиции экономики труда, социологии, психологии труда, статистики.

Иными словами, приоритет должен отдаваться интеграционным связям как уровню методологии науки.

Рассмотрим интеграционные связи на примере семинара по вопросам занятости населения.

Занятость следует рассматривать в нескольких аспектах: в правовом и экономическом. Эти аспекты выступают в качестве взаимосвязанных элементов единой системы.

Правовая дефиниция занятости содержится в статье 1 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2013, с изм. от 05.05.2014) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013)⁸.

Экономисты же определяют занятость следующим образом: «Как экономическая категория **занятость** — это совокупность отношений по поводу участия населения в трудовой деятельности; выражает меру его включения в труд, степень удовлетворения общественных потребностей в рабочих местах, в получении дохода.

С этих позиций занятость выступает важнейшей характеристикой рынка труда»⁹.

Студенты на семинаре сравнивают эти дефиниции, выявляя общее и особенное.

Большое значение в настоящее время в педагогике высшей школы придается использованию интерактивных форм обучения.

III. Критерии, относящиеся к методике проведения семинара.

1. Логичность, доступность и убедительность изложения теоретических основ трудового права.

Представители педагогической науки следующим образом определяют логичность:

⁸ Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4217 (ред. от 02.07.2013, с изм. от 21.07.2014).

⁹ Иванова Н. А. Экономика и социология труда // Институт экономики и права Ивана Кушнера. Официальный сайт. URL: <http://be5.biz/ekonomika/t003/toc.htm> (дата обращения: 11.11.2014).

«Логичность речи — коммуникативное качество речи, которое возникает на основе соотношения речь — мышление. Логичность речи связана со смысловой и синтаксической организацией как высказывания, так и текста. Для достижения логичности речи следует добиться смысловой непротиворечивости высказываний в целом тексте. Различают два вида логичности речи: логичность предметную и логичность понятийную. Предметная логичность речи состоит в соответствии смысловых связей и отношений единицы языка в речи связям и отношениям предметов и явлений в реальной действительности». На наш взгляд, логичность в процессе преподавания трудового права — это следование законам логики: тезис, аргументация, демонстрация; анализ и синтез; индукция и дедукция. Например, нелогично сначала рассматривать гарантии при приеме на работу, а затем сам его порядок. Логично, когда все наоборот.

Что касается принципа доступности, то он был разработан еще в Средние века.

Так, Подласый И. П. отмечает: «Классические правила, относящиеся к практической реализации принципа доступности, сформулированы еще Коменским Я. А.: от легкого к трудному, от известного к неизвестному, от простого к сложному. Теория и практика современного обучения расширяют перечень обязательных для реализации правил доступного обучения»¹⁰.

Далее он указывает на ряд обстоятельств, которые характеризуют принцип доступности: возраст студентов, уровень подготовленности и развития учащихся, интересы.

Доступность предусматривает также и включение студентов в этот процесс через аналогию, сравнение, сопоставление, противопоставление, используемых преподавателем¹¹.

По нашему мнению, доступность в процессе преподавания трудового права должна основываться на примерах из практики правоприменения, когда решение самого сложного вопроса дается через призму простых жизненных примеров.

Убедительность же изложения теоретических основ трудового права можно определить следующим образом: «Убеждение — это метод воздействия на сознание людей, обращенный к их собственному критическому восприятию. Используя метод убеждения, психологи исходят из того, что оно ориенти-

ровано на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики»¹².

На наш взгляд, в качестве способов, обеспечивающих убедительность на семинарах по трудовому праву, должны выступать: судебная практика по трудовым спорам и данные статистики труда.

2. Использование приемов активизации внимания студентов, закрепления информации, контроля выполнения заданий в рамках семинара.

По мнению Савва Л. И., к приемам активизации внимания студентов относятся «...приемы активизации с использованием прошлых событий, приемы активизации с использованием настоящих событий, приемы активизации с использованием будущих событий»¹³.

В первую группу включаются: приемы регрессии, обмена опытом и приемами имитации¹⁴.

На наш взгляд, в процессе преподавания трудового права наиболее эффективными являются приемы обмена опытом и имитации, так как они связаны интерактивным обучением и представляют собой ни что иное, как мозговой штурм и работу в малых группах.

Приемы активизации с использованием настоящих событий — это прием концентрации присутствия, прием групповой рефлексии, прием построения диспозиции.

В третью же группу включаются: прием группового решения и прием операционализации.

3. Учет индивидуальных особенностей студентов и индивидуальный подход к студентам в процессе проведения семинара.

По мнению Л. А. Меренковой и Л. Б. Ярь: «Одним из дидактических принципов обучения является учет индивидуальных особенностей студентов. Реализация индивидуализированного обучения требует от преподавателя хорошего знания особенностей студента и тщательного отбора материала, ориентированного на того или иного учащегося с учетом индивидуальных особенностей каждого из них»¹⁵.

¹² Кульминский А. А. Методы убеждающего воздействия // Официальный сайт Некоммерческого партнерства. Центр дистанционного образования «Элитариум». URL: http://www.elitarium.ru/2005/08/10/metody_ubezhdashjshhego_vozdejstvija.html (дата обращения: 11.11.2014).

¹³ Савва Л. И., Савва В. А. Приемы активации студентов вуза на лекциях и практических и лабораторных занятиях // Официальный сайт НП «СибАК» URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/513-2012-01-13-08-44-21> (дата обращения: 11.11.2014).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Меренкова Л. А., Ярь Л. Б. Учет индивидуальных особенностей учащихся в процессе овладения русским языком // Официальный сайт Белорусского государственного медицинского университета. URL: www.bsmu.by/files/e9d9a37a4b1db5f7feb54dd3f748e64e/ (дата обращения: 11.11.2014).

¹⁰ Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов — 100 ответов : учеб. пособие для вузов. М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. С. 178.

¹¹ Там же.

Здесь в процессе преподавания трудового права сразу встают две основные проблемы:

1) на кого ориентироваться — на «сильных» или на «слабых» студентов;

2) нужно ли прилагать педагогические усилия, чтобы «поднять» слабого студента на более высокий интеллектуальный уровень.

Думается, что все же требуется учет индивидуальных особенностей студента.

4. Сочетание методов коллективной и индивидуальной работы студентов.

Применительно к практическим занятиям по трудовому праву реализация этого критерия видится в следующем.

Коллективная работа студентов непосредственно увязывается с интерактивными формами обучения — мозговой штурм, работа в малых группах, метод кейсов.

Однако лишь ставка на интерактивные методы обучения не совсем оправданна, так как требуется и индивидуальная работа студента по освоению определенного количества учебного материала.

IV. Критерии, относящиеся к организации практического занятия по трудовому праву.

В систему этих критериев входят: четкость начала и окончания занятия; посещаемость; подготовленность студентов к занятию; дисциплина на семинаре; рациональность распределения времени на занятии; использование обратной связи со студентами.

Остановимся на некоторых из них.

Рациональное распределение времени на занятии по трудовому праву видится в следующем:

— время на постановку проблем;

— время на их решение.

Каждая проблема трудового права обладает определенной степенью своей сложности. Поэтому и количество времени на ее решение может быть разным.

Ввиду чего преподаватель самостоятельно определяет временной промежуток для рассмотрения той или иной проблемы. Здесь также большое значение имеет и использование интерактивных методов обучения.

Важный момент состоит в том, чтобы дело на семинаре не закончилось только разбором какого-то одного вопроса. Требуется соблюдение принципа пропорциональности.

Другим важным критерием этой группы является критерий обратной связи со студентами.

Смысл этого критерия состоит в том, что преподаватель и студент рассматриваются как взаимосоставляющие педагогического процесса.

Иными словами, педагог корректирует ответы студента, создавая нужный эмоциональный и интеллектуальный фон.

В заключение хотелось бы подчеркнуть что идеальное достижение цели в сфере преподавания трудового права возможно лишь при учете принципа системности, когда правовая материя подается студентам на основе научно разработанных и проверенных педагогических методик.

Библиография:

1. Иванова Н. А. Экономика и социология труда // Институт экономики и права Ивана Кушнира. Официальный сайт. URL: <http://be5.biz/ekonomika/t003/toc.htm> (дата обращения: 11.11.2014).
2. Кульминский А. А. Методы убеждающего воздействия // Официальный сайт Некоммерческого партнерства Центр дистанционного образования «Элитариум». URL: http://www.elitarium.ru/2005/08/10/metody_ubezhdashhego_vozdejstvija.html (дата обращения: 11.11.2014).
3. Меренкова Л. А., Ярьос Л. Б. Учет индивидуальных особенностей учащихся в процессе овладения русским языком // Официальный сайт Белорусского государственного медицинского университета. URL: www.bsmbu.by/files/e9d9a37a4b1db5f7feb54dd3f748e64e/ (дата обращения: 11.11.2014).
4. Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов — 100 ответов : учеб. пособие для вузов. — М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. — 365 с.
5. Программа «Адвокат трудовых отношений». Московская коллегия адвокатов «Росар». URL: <http://www.trud-advokat.ru/> (дата обращения: 11.11.2014).
6. Савва Л. И., Савва В. А. Приемы активации студентов вуза на лекциях и практических и лабораторных занятиях // Официальный сайт НП «СибАК» URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/513-2012-01-13-08-44-21> (дата обращения: 11.11.2014).

Материал поступил в редакцию 29 ноября 2014 г.

IMPROVEMENT OF TEACHING LABOR LAW IN THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR HIGHER EDUCATION.

Morozov, Pavel Evgenievich – Doctor of Law, Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University.

[pmorozov72@gmail.com]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *The article is devoted to the analysis of problems related to teaching labor law in the higher education institutions providing educational services according to the educational problems for the law degrees. It is noted that these institutions traditionally pay more attention to solely legal issues (for example, those in the sphere of labor law). However, it should be considered that teaching law presupposes knowledge of certain pedagogical techniques. Ignoring these techniques inevitably leads to lower level of knowledge perception by the students. There is need for the optimum balance between the legal knowledge and the ways for their presentation in the course of practical assignments in order for both quality of student knowledge and mechanisms for gaining such knowledge would be satisfied. The criteria for the quality evaluation of practical studies in the sphere of labor law should be based upon the specific characteristic features of certain legal specialization within the relevant structure. In order to support this thesis the author evaluates the purpose of the practical class on labor law in various law schools, specializing in education for future law consultants, judges, international law scholars, advocates, prosecutors. All of the criteria for the quality of the practical class may be divided into several groups relating to the following: 1) their structure; 2) their contents; 3) the teaching methods; 4) organization of studies; 5) leading the student work during the class; 6) pedagogical qualities of the lecturer; 7) evaluation of results of the class.*

Keywords: *labor law, pedagogy, teaching, professional activity, practical classes, law consultants, international law scholar, advocate, prosecutor, evaluation criteria, ways for improvement, legal studies.*

Bibliography:

1. Ivanova, N.A. Economics and sociology of labor. Institution of Economics and Law of Ivan Kushnir. Official website URL: <http://be5.biz/ekonomika/t003/toc.htm> (viewed on: 11.11.2014).
2. Kulminskiy, A.A. Preventive measures. Official website of the non-commercial partnership of the Distance Education Center «Elitarium». URL: http://www.elitarium.ru/2005/08/10/metody_ubezhdashhego_vozdejstvija.html (viewed on: 11.11.2014).
3. Merenkova, L.A., Yaros, L.B. Consideration of individual specificities of students in the process of learning Russian language. Official website of the Belarus State Medical University. URL: www.bsmu.by/files/e9d9a37a4b1db5f7feb54dd3f748e64e/ (viewed on: 11.11.2014).
4. Podlasyy, I.P. Pedagogy: 100 questions - 100 answers: manual for higher education institutions. / I. P. Podlasyy.- M.: VLADOS-press, 2004. - 365 p.
5. Program «Advokate in labor relations». Moscow Bar of Advocates «Rosar». URL: <http://www.trud-advokat.ru/> (viewed on: 11.11.2014).
6. Savva, L. I, Savva, V.A. Techniques for making students active in practical and laboratory classes. Official website of the NP «SibAK» URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/513-2012-01-13-08-44-21> (viewed on: 11.11.2014).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М. А. Приходько*

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. Возникнув в 1802 г., Министерство финансов стало важнейшим в функциональном плане и одним из наиболее больших в организационно-структурном плане, центральным государственным учреждением в государственной системе Российской империи в первой половине XIX в., объединившим под властью министра финансов существенное количество учреждений коллежской системы управления. Многие из этих учреждений занимали к 1802 году промежуточное положение в системе государственного управления. Формирование структуры Министерства финансов и его правовое оформление носило свою весьма оригинальную специфику. Изучение архивных документов и правовых актов позволяет детально проследить порядок развития структуры Министерства финансов, опираясь на исторический и сравнительно-правовой методы научного исследования. В отличие от большинства предыдущих исследований структурной организации Министерства финансов Российской империи в 1-й половине XIX в., в данной статье наиболее детально и подробно исследуются изменения в структуре Министерства финансов, в привязке к правовому оформлению этих изменений. Кроме того, использование архивных документов позволяет восполнить пробелы в этом оформлении, составив тем самым наиболее полную картину структурной организации Министерства финансов в данный временной отрезок. **Ключевые слова:** Министерство финансов, государственное управление, структура, центральное государственное учреждение, канцелярия, коллегия, контора, департамент, система, организация.

DOI: 10.17803/1729-5920.2015.106.9.124-136

Учреждение Министерства финансов было провозглашено в Манифесте «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г.

В состав этого нового центрального государственного учреждения вошло сразу несколько государственных учреждений прошлого времени: Берг-коллегия, Монетный де-

партамент¹, Экспедиция о заготовлении и хранении вексельной бумаги, отпуска и продажи

¹ Предположительно, включал в себя несколько учреждений, находившихся до 8 сентября 1802 г. в ведении Берг-коллегии: Санкт-Петербургский Монетный департамент, Санкт-Петербургский Монетный двор и несколько чиновников в Москве (Месяцослов... на... 1802. СПб., 1802. С. 224—225).

© Приходько М. А., 2015

* Приходько Михаил Анатольевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[mprihod@list.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

оной в разные места и вступления за оную денежной казны Мануфактур-коллегии, часть Экспедиции государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства, в ведении которой находились дела по Камеральному столу и печатанию векселей и заемных писем, Лесной департамент, Государственный ассигнационный банк, Государственный заемный банк, Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций, Контора придворных банкиров и комиссионеров², а также не упомянутые в Манифесте от 8 сентября 1802 г. Контора разделения золота от серебра³ и Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии (Департамент Камер-коллегии)⁴.

Кроме того, в компетенцию Министерства финансов перешли оброчные статьи, хозяйственное управление казенных земель, все Казенные палаты по винным подрядам и откупам, учреждение и отдача в содержание гербергов, а также составление годового штата общих государственных расходов Российской империи⁵.

Помимо перечисления учреждений, объединенных под управлением министра финансов и предметов ведения Министерства финансов Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. не содержал конкретных положений о структуре Министерства финансов. Только в ст. XIX Манифеста содержалось указание всем министрам об обязательном учреждении при них временных канцелярий⁶.

Вместе с тем в соответствии со ст. IX Манифеста «Об учреждении министерств» в Министерстве финансов установился промежуточный коллежско-министерский порядок делопроизводства — каждое подчиненное учреждение представляло своему министру еженедельные мемории о текущих делах и представления в особых случаях, министр отвечал на них предложениями, в случае несогласия подчиненных учреждений с предложениями министра они представляли ему рассуждения, если министр настаивал на своем предложении, то оно исполнялось,

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее — ПСЗ-1). Т. 1—45. СПб., 1830; ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 245.

³ Еще в 1801 г. Контора разделения золота от серебра перешла в ведение президента Берг-коллегии А. В. Алябьева (Лоранский А. М. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 49). Соответственно 8 сентября 1802 г. вместе с Берг-коллегией она перешла под управление министра финансов.

⁴ Начинает упоминаться в числе учреждений, подчиненных министру финансов с 1805 г. (Месяцослов... на... 1805. СПб., 1805. С. 198).

⁵ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 245—246.

⁶ Там же. С. 248.

а мнение подчиненных учреждений заносилось в журнал⁷.

Наряду с этим установление в статье V Манифеста «Об учреждении министерств» новых правил, в соответствии с которыми императорская воля объявлялась Государственному казначею через министра финансов и что Государственный казначей должен находиться в сношениях с министром финансов по всем ведомостям о доходах, а также перечисление учреждений и предметов ведения Государственного казначея в одной статье⁸ с Министерством финансов, определило некоторое вспомогательное или полузависимое положение Государственного казначейства (ведомства Государственного казначея) по отношению к Министерству финансов. Эту ситуацию не исправляло то, что Государственный казначей был назначен вместе с другими министрами особым Указом от 8 сентября 1802 г.⁹ и то, что потом он, как и все министры, стал членом Комитета министров¹⁰.

Таким образом, основное значение Манифеста «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. для Министерства финансов выразилось в провозглашении самого факта учреждения Министерства финансов, в определении количества учреждений, подчиненных министру финансов, и закреплении за Министерством финансов статуса одного из основных (наряду с Министерством коммерции, Государственным казначейством и частично Министерством внутренних дел) учреждений финансового управления Российской империи.

Структурная организация Министерства финансов после 8 сентября 1802 г. стала определяться уже в процессе практической деятельности первого министра финансов А. И. Васильева.

11 ноября 1802 г. императором Александром I был утвержден проект «Устава о лесах»¹¹. В соответствии с ним Лесной департамент получил статус государственной коллегии, под руководством главного директора государственных лесов. Состав общего присутствия Лесного департамента под председательством главного директора государственных лесов образовали 3 члена¹².

По Штату Лесного департамента в нем числилось 6 советников, правитель канцелярии, 4 секретаря, 1 камерир, 2 бухгалтера, 1 переводчик, директор Чертежной, 2 землемера

⁷ Там же. С. 246—247.

⁸ Там же. С. 245.

⁹ Там же. № 20409. С. 249—250.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 27. № 20506. С. 350—356.

¹² Там же. § 3. С. 351.

и 2 ученика¹³. Соответственно структурными подразделениями Лесного департамента стали Канцелярия и Чертежная.

При этом Лесной департамент не стал самостоятельным центральным государственным учреждением, а остался под общим ведением и распоряжением министра финансов. О чем было специально разъяснено в высочайше утвержденном докладе министра финансов А. И. Васильева «О зависимости чиновников Лесного департамента от министра финансов и Сената» от 2 декабря 1802 г.¹⁴

Тем самым с 11 ноября 1802 г. под управлением министра финансов действовало уже 2 коллегии — Берг-коллегия и Лесной департамент.

7 января 1803 г. был утвержден Штат департамента министра финансов¹⁵ и Министерство финансов обрело первичную структурную организацию.

Департамент министра финансов возглавлялся директором и состоял из 4 экспедиторов, 7 столоначальников, 8 старших и 7 младших их помощников, архивариуса и его помощника, секретаря при министре и его помощника и переводчика¹⁶. Как видно из штата, Департамент министра финансов представлял собой организационно-распорядительный орган при министре финансов по управлению многочисленными учреждениями, подчиненными министру финансов.

С момента утверждения Штата Департамента министра финансов этот термин стал часто употребляться для обозначения всего Министерства финансов в целом, но реальное место Департамента министра финансов в организационной деятельности Министерства финансов было близким к министерской канцелярии, основная функция которой состояла во взаимодействии с коллегиями и коллежскими учреждениями, состоявшими под управлением министра финансов¹⁷.

В этой связи неслучайным выглядит обозначение Департамента министра финансов как канцелярии в делопроизводственных документах¹⁸, а директора Департамента министра финансов как директора канцелярии в официальных «Месяцословах»¹⁹.

Далее, 27 января 1803 г. Экспедиция заготовления гербовой и вексельной бумаги и печатанья векселей и заемных писем Мануфактур-коллегии была присоединена к Экспедиции о государственных доходах ведомства Государственного казначея, а Камеральный стол Экспедиции государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства был присоединен к Департаменту министра финансов²⁰.

Также, ориентировочно в 1803 г., при Департаменте министра финансов была учреждена Экспедиция для внешних денежных дел и для заведования государственными банками (1803—1811)²¹ и в этом же году к Департаменту министра финансов перешло управление казенными винокурными заводами²².

19 января 1804 г. Горное училище при Берг-коллегии преобразовано в Горный кадетский корпус²³.

Необходимо отметить, что по информации официальных «Месяцесловов», начиная с 1804 г., Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций числится в составе учреждений, подчиненных Государственному казначею²⁴. Этот факт дает основание предположить, что Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций так и не перешла в ведение министра финансов и осталась в ведомстве Государственного казначея.

28 февраля 1805 г. в составе Лесного департамента была учреждена Временная лесная инспекция для девяти великорусских губерний (Тульской, Московской, Калужской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской и Владимирской)²⁵, а 24 января 1806 г. Временная лесная инспекция для восьми западных губерний (Виленской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Волынской Подольской, Минской и Киевской)²⁶.

13 июля 1806 г. на основе высочайше утвержденного доклада министра финансов А. И. Васильева и проекта «Горного положения» была проведена реорганизация горного управления²⁷.

Берг-коллегия упразднялась и на смену ей учреждался Горный департамент²⁸.

¹³ Там же. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 22500. Таб. 1. С. 82.

¹⁴ Там же. Т. 27. № 20538. С. 382—383.

¹⁵ Там же. № 20582. С. 424—425.

¹⁶ Там же. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 20747. Таб. 2. С. 19.

¹⁷ Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 36.

¹⁸ РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

¹⁹ Месяцослов... на... 1803. СПб., 1803. С. 6 (и в последующих «Месяцословах»).

²⁰ ПСЗ-1. Т. 27. № 20602. С. 445—446.

²¹ Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 131, 135.

²² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 417. Л. 204.

²³ ПСЗ-1. Т. 28. № 21133. С. 33—43.

²⁴ Месяцослов... на... 1804. СПб., 1804. С. 70.

²⁵ ПСЗ-1. Т. 28. № 21644. С. 876—881.

²⁶ Там же. Т. 29. № 22008. С. 32—36.

²⁷ Там же. № 22208. С. 437—630.

²⁸ Там же. С. 438, 477—478.

Горный департамент под руководством управляющего состоял из Горного совета и Горной экспедиции²⁹. Горному совету поручалось рассмотрение дел учредительных, законодательных, ученых, искусственных и художественных.

Он действовал в составе управляющего Горным департаментом, 2 советников — старшего и младшего и временно присутствующих — начальников отделений Горной экспедиции, командира и инспектора Горного кадетского корпуса в назначенные министром финансов дни, а также берг-инспекторов и горных начальников во время нахождения их в Санкт-Петербурге³⁰.

Горная экспедиция ведала делами хозяйственными и исполнительными, требующими быстрого и безотлагательного движения. Она находилась под непосредственным ведением управляющего Горным департаментом и состояла из 2 отделений (1-е — дела распорядительные и исполнительные, 2-е — дела хозяйственные), под руководством начальников отделений³¹.

Для завершения дел упраздненной Берг-коллегии создавался специальный Департамент Берг-коллегии для решения и окончания старых дел (Департамент Берг-коллегии)³². Кроме того, Контора разделения золота от серебра была соединена с Монетным департаментом³³.

Таким образом, в 1806 г. структурная организация Министерства финансов приобрела следующий вид: Департамент министра финансов, Экспедиция для внешних денежных дел и для заведования государственными банками, Горный департамент, Монетный департамент, Лесной департамент, Государственный ассигнационный банк, Государственный заемный банк, Контора придворных банкиров и комиссионеров, Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии и Департамент для решения и окончания старых дел Берг-коллегии.

13 октября 1806 г. по высочайше утвержденному докладу министра финансов А. И. Васильева образуется межведомственный Особый комитет по части финансов (1806—1807) для составления росписи доходов и расходов на 1807 г. и рассмотрения ряда других финансовых вопросов³⁴. Учреждение этого комитета имело важное значение для финансового управления Российской империи, положив начало Комитету финансов (1807—1809, 1812—1816, 1822—

1917) — высшему совещательному органу по вопросам финансовой политики, бюджета и кредита³⁵.

В августе 1807 г. по случаю кончины министра финансов А. И. Васильева управляющим Министерством финансов был назначен с оставлением в должности Государственного казначея Ф. А. Голубцов³⁶. Это назначение носило временный характер, так как предметы ведения министра финансов передавались под управление Ф. А. Голубцова постепенно (Указы от 26 августа, 2 и 14 сентября 1807 г.)³⁷, но функциональное и организационное взаимовлияние и взаимодействие Государственного казначейства и Министерства финансов существенно возросло, так как управление ими осуществлялось одним лицом.

Более того, отмеченное выше вспомогательное или полузависимое положение Государственного казначейства (ведомства Государственного казначея) по отношению к Министерству финансов, утвердившееся после 8 сентября 1802 г. было в 1807 г. в значительной мере выправлено в сторону подтверждения статуса Государственного казначейства (ведомства Государственного казначея) как центрального государственного учреждения, так как став управляющим Министерством финансов, Государственный казначей стал, так сказать, полноценным министром. При этом министром одного из наиболее обширных по составу и важнейших министерств.

Совместное управление Государственным казначейством и Министерством финансов Государственным казначеем Ф. А. Голубцовым продолжалось до его отставки 01.01.1810. После чего Государственным казначеем был назначен Б. Б. Кампенаузен³⁸, а министром финансов Д. А. Гурьев³⁹. Изменения в персональном составе руководителей Министерства финансов и Государственного казначейства (ведомства Государственного казначея) не оказали влияния на структуру Министерства финансов.

Из нововведений этого времени в финансовом управлении можно выделить лишь учреждение 27 мая 1810 г. Комиссии погашения государственных долгов (Государственной комиссии погашения долгов) (1810—1917), независимой от Министерства финансов⁴⁰.

²⁹ Там же. С. 440, 486.

³⁰ Там же. С. 486.

³¹ Там же. С. 484.

³² Там же. С. 479.

³³ Там же. С. 480—481.

³⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 1. СПб., 1998. С. 69.

³⁵ Там же. С. 69—71.

³⁶ Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 29.

³⁷ РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 95. Л. 2—4.

³⁸ Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 43.

³⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1158. Л. 25.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 31. 24244. С. 198—200.

Куда большее значение для Министерства финансов имел завершающий период министерской реформы 1810—1811 гг. и его основные правовые акты.

Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июня 1810 г.⁴¹ подтвердил предметы ведения Министерства финансов: «управление государственными имуществами, дела горные... сборы и пошлины всякого рода... доходы городские и земские денежные повинности, дела монетные, банковые».

Кроме того, он отнес к компетенции Министерства финансов «дела... соляные» и «управление таможен»⁴², что означало переход в ведение Министерства финансов дел по соляному управлению из Министерства внутренних дел и части⁴³ предметов ведения Министерства коммерции.

«Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г.⁴⁴ конкретизировало ликвидацию Министерства коммерции и определило точные категории дел бывшего Министерства коммерции, переходившие в Министерство финансов и Министерство внутренних дел.

В Министерство финансов переходили дела по 1-й и 4-й экспедициям Коммерц-коллегии. Коммерц-коллегия до окончания преобразования коммерческой части переходила под управление министра финансов, а вопросы по внутренней торговле решались по согласованию с министром внутренних дел. В Министерство финансов передавались и часть дел Департамента министра коммерции⁴⁵.

Кроме того, под надзор министра финансов переходила Санкт-Петербургская комиссия по делам нейтрального мореплавания, а также местные нейтральные и ликвидационные⁴⁶ комиссии⁴⁷. Вместе с делами Коммерц-коллегии и Департамента министра коммерции было проведено распределение и чиновников бывшего Министерства коммерции. В частности в Министерство финансов перешли 18 человек⁴⁸.

(Следует также отметить частные изменения структуры Министерства финансов произ-

шедшие после издания «Высочайше утвержденного разделения государственных дел по министерствам» и до утверждения «Общего учреждения министерств». 19 сентября 1810 г. в составе Горного департамента⁴⁹ Министерства финансов была учреждена Временная комиссия снабжения солью государства (1810—1825)⁵⁰, а 9 апреля 1811 г. Экспедиция казенных винокурных заводов (1805—1811) была присоединена к Департаменту министра финансов⁵¹).

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.⁵² еще раз подтвердило предметы ведения Министерства финансов: «Государственные имущества, дела горные, соляные, подати, сборы и пошлины всякого рода, дела внешней коммерции и управление таможен, доходы городские и земские, общие денежные повинности»⁵³.

Одновременно⁵⁴ с «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г. было издано «Учреждение Министерства финансов»⁵⁵ — специальный учредительный документ Министерства финансов, внесший принципиальные изменения в структурную организацию и порядок делопроизводства⁵⁶ Министерства финансов и распространивший на Министерство финансов «Общее учреждение министерств».

В соответствии с «Учреждением Министерства финансов» от 25 июня 1811 г. основными структурными подразделениями Министерства финансов стали Департамент государственных имуществ, Департамент горных и соляных дел, Департамент внешней торговли, Департамент разных податей и сборов, Канцелярия министра финансов⁵⁷ и Совет министра финансов⁵⁸.

Департамент государственных имуществ состоял из 5 отделений (1) главного ведомства казенных крестьян, 2) арендных и старостин-

⁴⁹ В тексте высочайше утвержденного «Положения о Временной комиссии снабжения солью государства» Горный департамент наименован уже как Департамент горных и соляных дел, т.е. в соответствии с будущим «Учреждением Министерства финансов» от 25 июня 1811 гг. (ПСЗ-1. Т. 31. № 24353. С. 354—360).

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 31. № 24353. С. 355.

⁵¹ Там же. № 24586. С. 609—610.

⁵² Там же. № 24686. С. 687—719.

⁵³ Там же. § 7. С. 687.

⁵⁴ Опечатка, допущенная в ПСЗ-1, — неверная дата 25 июля вместо 25 июня ввела в заблуждение многих исследователей.

⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 728—756.

⁵⁶ В «Учреждении Министерства финансов» подробно регулировался порядок управления только в Лаборатории и Горном суде Департамента горных и соляных дел Министерства финансов. Общий порядок делопроизводства в Министерстве финансов регламентировался «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г.

⁵⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. § 1. С. 728.

⁵⁸ Совет министра финансов был лишь кратко упомянут в § 3 «Учреждения Министерства финансов» (С. 728).

⁴¹ Там же. № 24307. С. 278—280.

⁴² Там же. § 8. С. 279.

⁴³ Дела по внутренней торговле переходили в ведение Министерства внутренних дел.

⁴⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24326. С. 323—328.

⁴⁵ Там же. С. 326.

⁴⁶ Окончание дел Санкт-Петербургской ликвидационной комиссии оставалось в ведении государственного канцлера Н. П. Румянцева.

⁴⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24326. С. 326.

⁴⁸ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1614. Л. 45—45об.

ских имений, 3) корабельных лесов, 4) казенных лесов, 5) хозяйственных заведений)⁵⁹, а также принадлежащих к составу департамента Счетного отделения, Чертежной и Отделения судебных и тяжбных дел⁶⁰.

Отделения делились на столы, а Чертежная на разряды.

Департаментом руководил директор, отделения возглавлялись начальниками отделений (в том числе и Отделение судебных и тяжбных дел), Чертежная — начальником, столы — столоначальниками (1-м разрядом Чертежной руководил под непосредственным ведением директора Департамента начальник Чертежной, а 2-м — главный землемер)⁶¹.

Департамент горных и соляных дел состоял из 5 отделений (1) монетное, 2) казенных заводов, 3) частных заводов, 4) добывания соли и минералов, 5) продовольствия солью государства⁶²), а также Счетного отделения, Чертежной, Лаборатории и Горного суда (имевшего статус особого отделения Департамента)⁶³.

Департаментом руководил директор, отделениями начальники отделений (в том числе и отделением Горного суда), Чертежной — начальник, Лабораторией — обер-берг-провизор, столами — столоначальники⁶⁴.

Общее присутствие Департамента горных и соляных дел удерживало старое название Горного совета⁶⁵. В составе председателя — директора Департамента, начальников отделений департамента и чиновников как принадлежащих, так и не принадлежащих к Департаменту по выбору директора Департамента⁶⁶.

Канцелярию Горного совета возглавлял ученый секретарь⁶⁷.

Департамент внешней торговли состоял из 2 отделений (1) торговых внешних сношений, 2) таможенного управления)⁶⁸, а также Счетного стола для всех отделений⁶⁹.

Департаментом руководил директор, отделениями — начальники отделений, столами — столоначальники (в том числе и Счетным столом)⁷⁰.

Департамент разных податей и сборов состоял из 3 отделений (1) податей и повинностей, 2) питейных сборов, 3) гербовой бумаги)⁷¹, а также Счетного стола для всех отделений⁷². Департаментом руководил директор, отделениями — начальники отделений, столами — столоначальники (в том числе и Счетным столом)⁷³. Наряду с этим, на практике при директорах всех департаментов Министерства финансов стали действовать канцелярии под руководством правителей⁷⁴.

Канцелярия министра финансов состояла из 5 отделений (1) дела и сношения министра с департаментами, 2) дела и сношения с Государственным казначейством, 3) дела по кредитной системе, 4) счетное, 5) для рассмотрения финансовых проектов и учреждений)⁷⁵. Причем 5 отделение действовало как Комитет из трех членов под непосредственным управлением министра финансов⁷⁶.

Канцелярией руководил директор, отделениями — начальники отделений (4-е счетное отделение управлялось главным бухгалтером), столами — столоначальники (столы 1-го отделения — секретарями)⁷⁷. Кроме того, в составе Министерства финансов действовал Совет министра финансов, только кратко упомянутый в «Учреждении Министерства финансов»⁷⁸. Его устройство и порядок деятельности определялись «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г.⁷⁹

Председательствовал в Совете министр финансов. (В случае его отсутствия — товарищ министра или один из директоров департаментов по усмотрению министра). Членами его были товарищ министра, директора департаментов и посторонние члены по усмотрению министра.

Совет министра финансов рассматривал наиболее важные вопросы деятельности Министерства финансов. Делопроизводство Совета вела Канцелярия министра финансов⁸⁰. Общее управление Министерством финансов осуществлялось министром финансов⁸¹.

В «Учреждении Министерства финансов» не содержалось положений о должности заместителя министра — товарища министра

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. § 4. С. 728.

⁶⁰ Там же. § 5.

⁶¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. § 6 — § 41. С. 728—732.

⁶² Там же. § 42. С. 732.

⁶³ Там же. § 43.

⁶⁴ Там же. § 44—79. С. 732—737 (Руководители разрядов Чертежной и Лаборатории не были указаны).

⁶⁵ Там же. § 81. С. 737.

⁶⁶ Там же. § 82.

⁶⁷ Там же. § 83.

⁶⁸ Там же. § 111. С. 740.

⁶⁹ Там же. § 112.

⁷⁰ Там же. § 113—118. С. 740—741.

⁷¹ Там же. § 120. С. 741.

⁷² Там же. § 121.

⁷³ Там же. § 122—125. С. 741—743.

⁷⁴ Месяцослов... на... 1812. Ч. 1. СПб., 1812. С. 460—485.

⁷⁵ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. § 130—148. С. 743—744.

⁷⁶ Там же. § 150. С. 744.

⁷⁷ Там же. § 130—148. С. 743—744.

⁷⁸ Там же. § 3. С. 728.

⁷⁹ Там же. № 24686. § 25—30. С. 688—689.

⁸⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 116.

⁸¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. § 154—155. С. 745.

финансов, что было отражением реального положения дел — после назначения министром финансов Д. А. Гурьева должность товарища министра финансов оставалась не замещенной.

В соответствии с новой структурной организацией МФ, установленной «Учреждением Министерства финансов» от 25 июня 1811 г., между департаментами Министерства финансов и Канцелярией министра финансов распределялись дела учреждений прежнего времени.

В Департамент государственных имуществ переходили дела Лесного департамента, часть дел Департамента министра финансов⁸² и Экспедиции казенных винокуренных заводов⁸³.

В Департамент горных и соляных дел — дела Монетного и Горного департаментов, дела бывшего 2 отделения Экспедиции государственного хозяйства Министерства внутренних дел⁸⁴, а также Временной комиссии снабжения солью государства⁸⁵. Причем, войдя в состав⁸⁶ Департамента горных и соляных дел, Временная комиссия снабжения солью государства сохранила свою организационную самостоятельность⁸⁷.

В Департамент внешней торговли переходили предметы ведения бывшего Министерства коммерции (Коммерц-коллегии и Департамента министра коммерции)⁸⁸, (за исключением дел по внутренней торговле, которые перешли в ведение Министерства внутренних дел).

В Департамент разных податей и сборов переходили часть дел Департамента министра финансов и Казначейства о заготовлении разной гербовой и для плакатных паспортов бумаги ведомства Государственного казначея⁸⁹.

В Канцелярию министра финансов перешли дела Департамента министра финансов⁹⁰ (основная их часть), Конторы придворных банкиров и комиссионеров⁹¹ и Экспедиции для внешних денежных займов и для заведования государственными банками⁹².

Тем самым с 25 июня 1811 г. общая структура Министерства финансов выглядела следующим образом: Департамент государственных имуществ, Департамент горных и соляных дел, Временная комиссия снабжения солью государства, Департамент внешней торговли, Канцелярия министра финансов, Совет министра финансов (находившиеся в стадии формирования), числившийся только на бумаге Департамент разных податей и сборов (образование которого было отложено до 1812 г.⁹³) и подчиненные Министерству финансов Государственный ассигнационный банк, Государственный заемный банк, Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии, Департамент для решения и окончания старых дел Берг-коллегии, Санкт-Петербургская ликвидационная комиссия⁹⁴ и Санкт-Петербургская комиссия по делам неутрализованного мореплавания.

Что же касается Государственного казначейства (ведомства Государственного казначея), то назначение Государственного казначея Б. Б. Кампенгаузена 28 января 1811 г. Государственным контролером⁹⁵ в связи с образованием Главного управления ревизии государственных счетов, оставило должность Государственного казначея вакантной⁹⁶.

На практике управление Государственным казначейством перешло к министру финансов⁹⁷ Д. А. Гурьеву, вновь возродив существовавший прежде порядок руководства Министерством финансов и Государственным казначейством одним лицом и фактически подчинив Государственное казначейство министру финансов.

Завершающий период министерской реформы 1810—1811 гг. оказал существенное влияние на структуру Министерства финансов.

Министерство финансов стало одним из первых (вместе с Министерством полиции) из всех российских министерств, на которое было распространено «Общее учреждение министерств» от 25 июня в 1811 г. в виде издания специального «Учреждения Министерства финансов» от 25 июня 1811 г.⁹⁸

⁸² РГИА. Ф. 1287. Оп. 45. Д. 40. Л. 1.

⁸³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 417. Л. 204.

⁸⁴ Там же. Ф. 1341 Оп. 12. Д. 1278. Л. 60—60об.

⁸⁵ ПСЗ-1. Т. 31. № 24353. С. 355.

⁸⁶ Там же. § 1.

⁸⁷ Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 42.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1341. Оп. 12. Д. 1278. Л. 67.

⁸⁹ Там же. Ф. 560. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

⁹⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 117.

⁹¹ Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798—1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 143.

⁹² Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 131.

⁹³ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.

⁹⁴ Несмотря на указание «Высочайше утвержденного разделения государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. (ПСЗ-1. Т. 31. № 24326. С. 326) об окончании дел Санкт-Петербургской ликвидационной комиссии государственным канцлером Н. П. Румянцевым, фактически данная комиссия с 1811 г. перешла под управление министра финансов (Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 113).

⁹⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.

⁹⁶ Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1802. С. 43.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 533. Ч. 1. Л. 190—190 об.

⁹⁸ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 728—756.

В соответствии с ним структуру Министерства финансов составили: Департамент государственных имуществ, Департамент горных и соляных дел, Департамент внешней торговли, Департамент разных податей и сборов, Совет министра финансов и Канцелярия министра финансов⁹⁹.

Помимо этих структурных подразделений Министерству финансов подчинялись Государственный ассигнационный банк, Государственный заемный банк, Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии, Департамент для решения и окончания старых дел Берг-коллегии¹⁰⁰, Санкт-Петербургская ликвидационная комиссия, Санкт-Петербургская комиссия по делам нейтрального мореплавания и Временная комиссия снабжения солью государства¹⁰¹. Кроме того, на практике министру финансов подчинялось еще и Государственное казначейство (ведомство Государственного казначея), с 1811 г. оставшееся без своего руководителя — Государственного казначея¹⁰².

Последующие изменения в организации и порядке делопроизводства Министерства финансов в основном шли в рамках установленных «Учреждением Министерства финансов» от 25 июня 1811 г.¹⁰³

Формирование большинства департаментов Министерства финансов продолжалось на протяжении 2-й половины 1811 г., исключение составил только Департамент разных податей и сборов, который был открыт в 1813 г.¹⁰⁴ В связи с этим после 25 июня 1811 г. на практике продолжали функционировать учреждения, подлежавшие упразднению в связи с образованием департаментов Министерства финансов — Горный и Монетный департаменты до октября 1811 г.¹⁰⁵, Лесной департамент и Коммерц-коллегия до декабря 1811 г.¹⁰⁶ и Департамент министра коммерции до января 1812 г.¹⁰⁷

Официальное открытие департаментов Министерства финансов подвело черту в деятельности этих учреждений. Указ об открытии Департамента горных и соляных дел был утвержден 23 декабря 1811 г.¹⁰⁸, об открытии Департамента государственных имуществ

31 декабря 1811 г.¹⁰⁹, об открытии Департамента внешней торговли 18 января 1812 г.¹¹⁰, об открытии Департамента разных податей и сборов 5 июня 1813 г.¹¹¹ Из нововведений в организации и порядке делопроизводства Министерства финансов в 1811—1835 гг. можно выделить следующие изменения.

В 1811 г. прекращает свое существование Временная лесная инспекция в девяти великорусских губерниях¹¹² и учреждается Временный департамент Коммерц-коллегии¹¹³.

В 1812 г. начинается упразднение Санкт-Петербургской ликвидационной комиссии, Санкт-Петербургской комиссии по делам нейтрального мореплавания и местных портовых нейтральных комиссий¹¹⁴.

В 1813 г. закрыта Санкт-Петербургская ликвидационная комиссия¹¹⁵.

Как показывают архивные документы после открытия Департамента разных податей и сборов в 1813 г. в его состав вошло Казначейство о заготовлении разной гербовой и для плакатных паспортов бумаги ведомства Государственного казначея¹¹⁶. По всей видимости, это присоединение не было полным, так как во временной отрезок, близкий к 1813 г., при Департаменте разных податей и сборов стало действовать Гербовое казначейство¹¹⁷.

В 1815 г. упраздняются Временная лесная инспекция в восьми западных губерниях¹¹⁸ и Санкт-Петербургская комиссия по делам нейтрального мореплавания¹¹⁹.

В 1817 г. Министерству финансов были подчинены Государственная комиссия погашения долгов¹²⁰ и вновь образованный Государственный коммерческий банк¹²¹. В этом же году был образован Совет государственных кредитных установлений — высший орган надзора за кредитными учреждениями и их деятельностью¹²².

Формально вне структуры Министерства финансов и под председательством председа-

⁹⁹ Там же. С. 728.

¹⁰⁰ Месяцослов... на... 1812. Ч. 1. СПб., 1812. С. 459—502.

¹⁰¹ Действовавшая при Департаменте горных и соляных дел.

¹⁰² РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.

¹⁰³ Естественно, с учетом присоединения и образования новых структурных подразделений МФ в 1811—1835 гг.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 6. Л. 1—2.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 1341. Оп. 12. Д. 1278. Л. 60—61.

¹⁰⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24937, № 24938. С. 942.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 12. Д. 1278. Л. 67.

¹⁰⁸ ПСЗ-1. Т. 31. № 24927. С. 935—936.

¹⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24937. С. 942.

¹¹⁰ Там же. Т. 32. № 24955. С. 13—14.

¹¹¹ Там же. № 25398. С. 576.

¹¹² РГИА. Ф. 1594. Оп. 2. Сп. ст. Л. II об.

¹¹³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24801. С. 859—860.

¹¹⁴ Там же. Т. 32. № 25224. С. 421.

¹¹⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 113.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

¹¹⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 119—120.

¹¹⁸ ПСЗ-1. Т. 33. № 25847. С. 124.

¹¹⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 113—114.

¹²⁰ ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 192—208.

¹²¹ Там же. № 26837. С. 263—274.

¹²² Там же. № 26834. С. 259—262.

теля Государственного совета, но с наличием в составе его непременных членов министра финансов и с обязанностью подачи годовых отчетов Совета государственных кредитных установлений императору через министра финансов¹²³, что фактически обеспечивало тесный контакт Совета государственных кредитных установлений с Министерством финансов и весомую роль в его деятельности министра финансов.

В 1818 г. в составе Министерства финансов учреждается Экспедиция заготовления государственных бумаг¹²⁴ — техническое учреждение для изготовления денежной (ассигнационной) и всех сортов бумаги с государственным гербом.

В 1819 г. в Департаменте разных податей и сборов было образовано новое отделение для производства дел казенных питейных сборов¹²⁵. Наряду с этим, в 1819 г. к Министерству финансов был присоединен Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства внутренних дел¹²⁶. Тем самым количество департаментов Министерства финансов увеличилось до пяти.

Вместе с Департаментом мануфактур и внутренней торговли Министерства внутренних дел к Министерству финансов был присоединен и Комитет для снабжения войск сукнами¹²⁷.

Далее, в 1821 г. происходит важнейшее и давно ожидаемое изменение в структуре Министерства финансов — в состав Министерства финансов вошло ведомство Государственного казначейства (Государственное казначейство)¹²⁸. Основные структурные подразделения ведомства Государственного казначейства (Государственного казначейства) — Экспедиция о государственных доходах, Штатные и Остаточные казначейства в Санкт-Петербурге и Москве и Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций составили основу новых структурных подразделений Министерства финансов — Департамента Государственного казначейства и Главного казначейства.

В соответствии с «Учреждением Департамента Государственного казначейства» Департамент Государственного казначейства состоял из двух частей — распорядительной и контрольной (счетной).

Распорядительная часть состояла из 5 отделений: 1) Отделение по сбору доходов; 2) и 3) отделения расходов; 4) Отделение кредитной системы; 5) Отделение пенсионеров.

¹²³ Там же. С. 260—262.

¹²⁴ Там же. Т. 35. № 27496. С. 531—534.

¹²⁵ Там же. Т. 36. № 27807. С. 200.

¹²⁶ Там же. № 27964. С. 367.

¹²⁷ Месяцослов... на... 1820. Ч. 1. СПб., 1820. С. 810.

¹²⁸ ПСЗ-1. Т. 37. № 28542. С. 593—601, № 28544. С. 601—616.

Контрольная часть состояла из Контроля, в составе 5 отделений: 1) Отделение для расписаний и счетов по приходам и расходам Главного казначейства; 2), 3), 4) и 5) отделения для расписания и счетов по губернским казначействам и Бухгалтерии в составе 3 отделений: 1) Отделение Главной книги государственных доходов и расходов; 2) Отделение частных книг по доходам и расходам и 3) Отделение генерального отчета.

Отделениями руководили начальники отделений, столами — столоначальники.

К составу Департамента Государственного казначейства принадлежали Канцелярия под руководством правителя и Архив под руководством начальника. Департамент Государственного казначейства возглавлял директор, его заместителями были два вице-директора¹²⁹.

В соответствии с «Учреждением Главного казначейства» Главное казначейство состояло из Правления, отделений и Канцелярии. Правление составляли управляющий и 4 члена.

Главное казначейство состояло из 5 отделений: 1) кассирское, 2) бухгалтерское и контрольное, 3) приходное, 4) расходное, 5) оборотное.

Отделениями руководили Главный казначей, Главный бухгалтер и контролеры, столами — столоначальники.

Канцелярию возглавлял правитель. Главным казначейством руководил управляющий¹³⁰.

Правление Главного казначейства должно было доставлять в Департамент Государственного казначейства ежедневные и месячные ведомости и другие сведения¹³¹, что дает основание сделать вывод о частично подчиненном положении Главного казначейства по отношению к Департаменту Государственного казначейства.

Таким образом, в 1821 г. структурная организация Министерства финансов пополнилась еще двумя структурными подразделениями и стала включать в себя следующие учреждения: Департамент государственных имуществ, Департамент горных и соляных дел, Временная комиссия снабжения солью государства, Департамент внешней торговли, Департамент разных податей и сборов, Гербовое казначейство¹³², Департамент мануфактур и внутренней торговли, Департамент Государственного казначейства, Главное казначейство, Канцелярия министра финансов, Совет министра финансов, Экспедиция заготовления государственных бумаг, Государственная комиссия погаше-

¹²⁹ Там же. С. 593—594; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 28543. С. 33.

¹³⁰ ПСЗ-1. Т. 37. № 28544. С. 603—606; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 28543. С. 33—34.

¹³¹ Там же. № 28544. С. 604.

¹³² При Департаменте разных податей и сборов.

ния долгов, Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии, Департамент для решения и окончания старых дел Берг-коллегии, Временный департамент Коммерц-коллегии, Комитет для снабжения войск сукнами и подчиненные Министерству финансов Государственный ассигнационный, Государственный заемный и Государственный коммерческий банки.

Изменения в структуре Министерства финансов в 1821 г. стали наиболее существенными с момента утверждения «Учреждения Министерства финансов» от 25 июня 1811 г. Теперь структурную организацию Министерства финансов определяли несколько документов — «Учреждение Министерства финансов» от 25 июня 1811 г., «Учреждение Экспедиции заготовления государственных бумаг от 21 августа 1818 г., нормы нескольких правовых актов от 18 июля 1803 г., 27 июня 1808 г. и 13 февраля 1812 г., изданных для Департамента мануфактур и внутренней торговли, «Учреждение Департамента Государственного казначейства» от 2 февраля 1821 г. и «Учреждение Главного казначейства» от 3 февраля 1821 г. Вставала задача объединения норм этих правовых актов в одном новом учредительном документе Министерства финансов, т.е. издания новой редакции «Учреждения Министерства финансов».

Необходимо отметить, что в 1822 г. была возобновлена постоянная деятельность Комитета финансов — высшего совещательного органа по вопросам финансовой политики, бюджета и кредита¹³³. Функционирование Комитета финансов носило негласный характер. Заведывание его делами было возложено на министра финансов¹³⁴.

В 1823 г. в четырех департаментах МФ вводятся должности заместителей директоров — вице-директоров. В Департаменте государственных имуществ, Департаменте горных и соляных дел и Департаменте разных податей и сборов по одному вице-директору, а в Департаменте внешней торговли два вице-директора¹³⁵; утверждается новый штат Департамента внешней торговли¹³⁶; упраздняется Временный департамент Коммерц-коллегии¹³⁷ и учреждается должность Генерального агента МФ в Царстве Польском¹³⁸.

¹³³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 1. СПб., 1998. С. 69.

¹³⁴ Там же. С. 69.

¹³⁵ ПСЗ-1. Т. 38. № 29567. С. 1146—1148.

¹³⁶ Там же. № 29717. С. 1347; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. № 29717. С. 108—110.

¹³⁷ РГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 149. Л. 1—2, 27.

¹³⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29688. С. 1347.

В 1824 г. происходит преобразование 4-го отделения Канцелярии министра финансов в Ученый комитет Министерства финансов¹³⁹, 3-го отделения Канцелярии министра финансов в Особенную канцелярию по кредитной части¹⁴⁰ и переименование Канцелярии министра финансов в Общую канцелярию министра финансов¹⁴¹.

В 1825 г. Департамент для решения и окончания старых дел Берг-коллегии был присоединен к Департаменту горных и соляных дел в виде Временного счетного отделения¹⁴²; 5-е отделение Департамента государственных имуществ было передано в ведомство Департамента разных податей и сборов¹⁴³; Счетное отделение Департамента горных и соляных дел получило новое устройство¹⁴⁴; была закрыта Временная комиссия снабжения солью государства, состоявшая при Департаменте горных и соляных дел¹⁴⁵, и был образован Ученый комитет по горной и соляной части¹⁴⁶.

В 1826 г. при Департаменте государственных имуществ учреждается временный Ученый комитет по лесной части¹⁴⁷.

Кроме того, в декабре 1826 г. был учрежден Комитет 6 декабря 1826 г. (1826—1832) — особый секретный комитет для рассмотрения найденных в бумагах императора Александра I законодательных предположений. На трех заседаниях этого комитета 14 декабря 1827 г., 8 января 1828 г. и 23 января 1829 г. обсуждались предложения по реорганизации Министерства финансов и сокращения делопроизводства в нем¹⁴⁸, но все эти предложения не получили дальнейшего развития.

В 1828 г. при Департаменте мануфактур и внутренней торговли учреждается Мануфактурный совет¹⁴⁹, упраздняется Департамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии¹⁵⁰ и 3-е отделение Департамента государственных имуществ (Отделение корабельных лесов) было передано из Министерства финан-

¹³⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 215. Л. 1—2об.

¹⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 39. № 30139. С. 642.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Сп. ст. С. IV.

¹⁴² ПСЗ-1. Т. 40. № 30239. С. 83—85.

¹⁴³ Там же. № 30336. С. 263—264.

¹⁴⁴ Там же. № 30453. С. 422—426.

¹⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее — ПСЗ-2). Т. 1—55. СПб., 1840—1884. Т. 1. № 78. С. 113.

¹⁴⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 207.

¹⁴⁷ Там же. № 4125. С. 593—609.

¹⁴⁸ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — сборник РИО). Т. 74. СПб., 1891. С. 216—219, 230—232, 356—361.

¹⁴⁹ ПСЗ-2. Т. 3. № 2146. С. 683—686.

¹⁵⁰ Там же. № 2307. С. 847.

сов в Департамент корабельных лесов Морского министерства¹⁵¹.

В 1829 г. при Министерстве финансов образуется Коммерческий совет¹⁵².

Кроме того, в этом году начал действовать Комитет для составления новых штатов всей империи (1829—1832), который рассматривал и обсуждал штаты, в том числе и структурных подразделений Министерства финансов¹⁵³. В дальнейшем проекты этих штатов легли в основу официально утвержденных штатов Министерства финансов.

В 1830 г. был издан Указ «О новом наименовании отделений Департамента Государственного казначейства¹⁵⁴ и утверждено «Положение об отчетности по Министерству финансов»¹⁵⁵.

В 1831 г. были утверждены Положение Комитета министров «Об упразднении Временного отделения, учрежденного при Департаменте разных податей и сборов для старых дел по казенному управлению питейными сборами»¹⁵⁶ и Штат канцелярским служителям по Министерству финансов¹⁵⁷, а также образована Особенная канцелярия по секретной части (Собственная министра финансов секретная канцелярия)¹⁵⁸.

В 1832 г. было упразднено Агентство Министерства финансов¹⁵⁹ в Варшаве¹⁶⁰.

Вместе с тем в 1832 г. было осуществлено издание 1-го издания свода законов Российской империи, 1-й том которого содержал «Образование Министерства финансов», дополненное нормами правовых актов об учреждениях, вошедших в состав МФ после 25 июня 1811 г., и «Общее основание наказа Министерству финансов»¹⁶¹. В систематизированном виде они представляли новую редакцию «Учреждения Министерства финансов» от 25 июня 1811 г.

Так как Свод законов Российской империи вступал в действие с 1 января 1835 г., «Образование Министерства финансов» и «Общее основание наказа Министерству финансов»,

содержавшиеся в нем, пока имели только опосредованное значение. Тем не менее этот факт заслуживает выделения.

Далее, в 1833 г. был утвержден Штат Временного отделения Департамента государственных имуществ по секвестру и конфискации имений¹⁶² и Горный кадетский корпус переименован в Горный институт¹⁶³.

В 1834 г. учреждается Корпус горных инженеров — военизированное объединение служащих горного ведомства¹⁶⁴, возглавляемый главноначальствующим¹⁶⁵, министром финансов Е. Ф. Канкриным¹⁶⁶.

Учреждение Корпуса горных инженеров сопровождалось образованием Штаба Корпуса горных инженеров под руководством начальника Штаба Корпуса горных инженеров¹⁶⁷, Канцелярии начальника Штаба Корпуса горных инженеров¹⁶⁸ и Ученого комитета Корпуса горных инженеров¹⁶⁹, а также переименованием Горного совета в Совет Корпуса горных инженеров¹⁷⁰ преобразованием Горного института в Институт Корпуса горных инженеров¹⁷¹.

В этом же году была учреждена Строительная комиссия Министерства финансов¹⁷².

В связи с этим к концу 1834 г. структура МФ приобрела следующий вид: Департамент государственных имуществ, Департамент горных и соляных дел, Департамент внешней торговли, Департамент разных податей и сборов, Гербовое казначейство, Департамент мануфактур и внутренней торговли, Мануфактурный совет, Департамент Государственного казначейства, Главное казначейство, Экспедиция заготовления государственных бумаг, Совет министра финансов, Общая канцелярия министра финансов, Особенная канцелярия по кредитной части, Особенная канцелярия по секретной части, Государственная комиссия погашения долгов, Ученый комитет, Коммерческий совет, Строительная комиссия, Комитет для снабжения войск сукнами, Корпус горных инженеров, Штаб Корпуса горных инженеров,

¹⁵¹ Там же. № 2475. С. 1056—1067.

¹⁵² Там же. Т. 4. № 3250. С. 736—740.

¹⁵³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 303. Д. 69. Л. 112—116, 145, 160.

¹⁵⁴ ПСЗ-2. Т. 5. Отд. 1. № 3452. С. 103.

¹⁵⁵ Там же. Отд. 2. № 4074. С. 259—350.

¹⁵⁶ Там же. Т. 6. Отд. 1. № 4272. С. 44—47.

¹⁵⁷ Там же. № 4967. С. 230 ; Штаты и таблицы. К № 4967. С. 28—67.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 185. Л. 1, 3.

¹⁵⁹ То есть генеральный агент и его Канцелярия.

¹⁶⁰ ПСЗ-2. Т. 7. № 5693. С. 800.

¹⁶¹ Свод законов Российской империи (далее — СЗ РИ). Издание 1-е. Т. 1. СПб., 1832.. Издание 1-е. Т. 1. СПб., 1832. С. 221—328, 475—542.

¹⁶² ПСЗ-2. Т. 8. Отд. 1. № 6089. С. 198 ; Отд. 2. Штаты и таблицы. К № 6089. С. 81.

¹⁶³ Лоранский А. М. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 86.

¹⁶⁴ ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 1. № 6685. С. 1—8.

¹⁶⁵ С 09.01.1834 г. главноуправляющий (РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1236. Л. 17об-18).

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 602. Л. 3—3об.

¹⁶⁷ ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 1. № 6685. С. 1.

¹⁶⁸ Там же. С. 1.

¹⁶⁹ Там же. № 6747. С. 86—87.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 602. Л. 28—30.

¹⁷¹ ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 1. № 7298. С. 746—755 ; № 7299. С. 755—787.

¹⁷² Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 141.

Канцелярия начальника Штаба Корпуса горных инженеров, Ученый комитет Корпуса горных инженеров, Совет Корпуса горных инженеров и подчиненные Министерству финансов Государственный ассигнационный банк, Государственный заемный банк и Государственный коммерческий банк.

1 января 1835 г. вступил в силу Свод законов Российской империи. Вместе с ним юридическую силу обрели «Образование Министерства финансов» и «Общее основание наказа Министерству финансов», содержащиеся в 1 томе Свода законов Российской империи¹⁷³. Тем самым Министерство финансов получило новую редакцию своего учредительного документа, объединившего правовые нормы учредительных документов и правовых актов практически всех учреждений, вошедших в состав Министерства финансов после 25 июня 1811 г.

Исключение составили Корпус горных инженеров, Штаб Корпуса горных инженеров, Канцелярия начальника Штаба Корпуса горных инженеров, Ученый комитет Корпуса горных инженеров, которые были образованы после публикации Свода законов Российской импе-

рии. Учредительные документы этих учреждений стали дополнением к «Образованию Министерства финансов» 1-го издания Свода законов Российской империи.

Структура Министерства финансов, сложившаяся в середине 30-х гг. XIX в., в 40-е гг. терпит только частичные изменения.

Наиболее важным из них стало учреждение в 1837 г. на основе Департамента государственных имуществ нового центрального государственного учреждения — Министерства государственных имуществ¹⁷⁴.

Далее, в 1843 г. будет учреждена Экспедиция государственных кредитных билетов¹⁷⁵ и в 1845 г. ликвидируется Строительная комиссия¹⁷⁶.

Тем самым важнейшей в организационно-структурном плане для Министерства финансов стала первая треть XIX в. — годы когда были заложены организационные и функциональные основы деятельности Министерства финансов, как государственного учреждения и ведомства.

¹⁷³ СЗ РИ. Издание 1-е. Т. 1. СПб., 1832. С. 221—328, 475—542.

¹⁷⁴ ПСЗ-2. Т. 12. Отд. 2. № 10834. С. 1039—1053.

¹⁷⁵ Там же. Т. 18. Отд. 1. № 16903. С. 360—363.

¹⁷⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 141.

Библиография:

1. Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798—1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. — СПб., 1991. — С. 125—147.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 1—4. — СПб., 1998—2002.
3. Лоранский А. М. Исторический очерк Горного института. — СПб., 1873.
4. Министерство финансов 1802—1902. Ч. 1. — СПб., 1902.
5. Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. — СПб., 1904.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 27—29, 31—40, 44. Ч. 2. — СПб., 1830.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1, 3—5. Отд. 1, 6. Отд. 1, 7, 8. Отд. 1, 9. Отд. 1, 12. Отд. 1, 12. Отд. 2, 18. — СПб., 1830—1838.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 149. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1614. Ф. 559. Оп. 1. Д. 56. Ф. 560. Оп. 3. Д. 48, 602; Оп. 6. Д. 6; Оп. 10. Д. 215. Ф. 561. Оп. 1. Д. 185. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1; 417. Ф. 1287. Оп. 45. Д. 40. Ф. 1341. Оп. 12. Д. 1278; Оп. 303. Д. 69. Ф. 1343. Оп. 12. Д. 1278; Оп. 46. Д. 1158. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 533. Ф. 1594. Оп. 2.
9. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 74. — СПб., 1891.
10. Свод законов Российской империи. Издание 1-е. Т. 1. — СПб., 1832.

Материал поступил в редакцию 22 февраля 2014 г.

HISTORICAL LEGAL SPECIFICITIES OF THE STRUCTURE OF THE MINISTRY OF FINANCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST HALF OF THE XIX CENTURY

Prihodko, Mihail Anatolyevich – senior lecturer of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.

[mprihod@list.ru]

123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: *Having appeared in the 1802, the Ministry of Finances has become a central institution in the state system of the Russian Empire in the first half of the XIX century, being one of the largest organizational structure and most important functional centers, and it has united under the auspices of the Minister of Finances a large number of the collegiate administration institutions. By 1802 many of these institutions have held an intermediary position in the state administration system. Formation and legal regulation of the Ministry of Finances as a structure were quite original, having their specificities. The studies of the archive documents and legal acts allows one to follow in much detail the development of the structure of the Ministry of Finances of the Russian Empire, based upon the historical and comparative legal methods of scientific studies. Unlike most of the previous studies of the structural organization of the Ministry of Finances of the Russian Empire in the 1st half of the XIX century, this article provides detailed analysis of the changes in the structure of the Ministry of Finances in relation to the legal provisions establishing these changes. Additionally, the use of the archive documents allows one to fill the gaps, thus, forming a complete framework of the structural organization of the Ministry of Finances within the said period.*

Keywords: *Ministry of Finances, state administration, structure, central state institution, chancellery, board, office, department, system, organization.*

Bibliography:

1. Ananich, B.V., Lebedev, S.K. Office of the Court Bankers in Russia and the European Financial Markets. (1798-1811)// Problems of social and economic history of Russia. SPb., 1991. –P. 125-147.
2. Higher and central state institutions of Russia. 1801-1917. V. 1-4. SPb., 1998-2002.
3. Loranskiy, A.M. Historical overview of the Academy of Mines. SPb., 1873.
4. Ministry of Finances in 1802-1902. V. 1. SPb., 1902.
5. Pecherin, Y.I. Historical overview of the governmental, public and private credit institutions in Russia. SPb., 1904.
6. Complete collection of the Laws of the Russian Empire. 1st collection, V. 27-29, 31-40, 44. Ch.2. SPb., 1830.
7. Complete collection of the Laws of the Russian Empire. 2nd collection. V. 1, 3, 4, 5. Sec. 1, 6. Sec. 1, 7, 8. Sec. 1, 9. Sec. 1, 12. Sec. 1, 12. Sec. 2, 18. SPb., 1830-1838.
8. Russian state historical archive. (RGIA). F. 10. Op. 1. D. 149. F. 13. Op. 2. D. 1614. F. 559. Op. 1. D. 56. F. 560. Op. 3. D. 48, 602; Op. 6. D. 6; Op. 10. D. 215. F. 561. Op. 1. D. 185. F. 1263. Op. 1. D. 1; 417. F. 1287. Op. 45. D. 40. F. 1341. Op. 12. D. 1278; Op. 303. D. 69. F. 1343. Op. 12. D. 1278; Op. 46. D. 1158. F. 1409. Op. 1. D. 533. F. 1594. Op. 2.
9. Collection of the Imperial Russian Historical Society. V. 74. SPb., 1891.
10. Code of Laws of the Russian Empire. 1st Ed. V. 1. SPb., 1832.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

ГРАЧЕВА Ю. В., МАЛИКОВ С. В., ЧУЧАЕВ А. И. СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ (НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ, ТЕКСТ, СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ) / ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А. И. ЧУЧАЕВА. — М., 2015. — 240 с.

Рецензируемая работа восстанавливает определенную несправедливость в заполнении, пожалуй, единственного, в определенном смысле «свободного», места в ряду отечественных уголовных законов — обычно забываемого Советского уголовного уложения 1918 г. Практически оно неизвестно современному юристу. Это Уложение было разработано Наркомюстом РСФСР на основе Уголовного уложения 1903 г.

Монография коллектива авторов состоит из введения и пяти глав. Во введении авторы аргументировано обосновывают значение названного законопроекта как источника уголовного права (как науки, так и отрасли), рассматривая при этом имеющиеся в науке определения источников, связанные так или иначе с понятием «исторический источник» (К. Д. Петряев, Ф. Энгельс). При этом приводится резко отрицательная оценка близких к Ленину руководителей советской юстиции (Д. И. Курского, П. И. Стучки) этого законопроекта как попытки протащить старые (т.е. буржуазные), отвергнутые социалистической революцией догмы уголовного правотворчества в новую, послеоктябрьскую действительность России (например, Д. И. Курский с нескрываемой иронией писал, что законопроект был попыткой «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией»). Упрек этот авторы монографии находят в известной мере справедливым, т.к. непринятие «верными ленинцами» этого законопроекта действительно было обусловлено тем, что его создатели (ответственные сотрудники первого состава наркомата юстиции — левые эсеры) исходили не из принципиального для советской власти отторжения всего

законодательства царской России, а попытались взять определенные его наработки (в данном случае из Уголовного уложения 1903 г.), пригодные, по их мнению, к внедрению в новые политические условия. Именно поэтому законопроект и был отвергнут большевиками. Вместе с тем авторы во введении объясняют, что они не ограничились лишь толкованием норм Советского уголовного уложения и сравнением его с Уголовным уложением 1903 г. (учитывая, что Советское уголовное уложение не превратилось в работающий декрет, а явилось «правовым памятником, в котором в той или иной мере нашли отражение уголовно-правовые идеи, разработанные в доктрине уголовного права». По мнению рецензента, эти идеи можно было бы и несколько сократить, оставив лишь те, которые были характерны для уголовно-правовой теории конца XIX — начала XX вв., т.е. времени создания и принятия Уложения 1903 г. и до таковых относящихся уже к последующему временному периоду — вплоть до времени создания Советского уголовного уложения.

Глава I монографии («Советское уголовное уложение: предыстория и общая характеристика») является, по мнению рецензента, наиболее интересной и наиболее познавательной в научном отношении. В ней, во-первых, достаточно тщательно анализируется история этого законопроекта. При этом вначале повествуется о таком малоизвестном современному юристу событии, как создание еще 19 января 1917 г. Николаем II Комиссии по пересмотру Уголовного уложения 1903 г. Подход к этому делу был по-настоящему серьезным. В ее состав входило четыре подкомиссии: 1) по пересмотру общей части Уложения; 2) по рассмотре-

нию вопросов о религиозных преступлениях; 3) по рассмотрению вопросов о государственных преступлениях; 4) по рассмотрению вопросов о преступлениях печати. Авторы знакомят читателя с биографией руководителя этой комиссии сенатора, профессора С. Н. Трегубова, продолжавшего руководить ею и после Февральской революции (впоследствии он — участник Белого движения, эмигрант, вел преподавание и научную деятельность в Сербии). Ознакомление с деятельностью комиссии Трегубова является вполне уместным, так как при подготовке Советского уголовного уложения речь шла как о возможных пределах заимствования из Уголовного уложения 1903 г., так и о тех его положениях, которые должны были быть отвергнуты в связи с упразднением самодержавия как государственного строя (а комиссия, продолжая свою работу уже после Февральской революции, неизбежно учитывала это обстоятельство).

Авторы монографии достаточно подробно освещают работу комиссии Наркомюста РСФСР, на которую была возложена разработка Советского уложения — практически первого кодифицированного советского уголовного закона и, в частности, знакомят с составом 4-го отделения Наркомюста, занимавшегося именно уголовным правом. Авторы восстановили биографию начальника этого отдела — Доната Андреевича Черепанова (1886—1920), его участие в революционном движении, резкое расхождение с большевиками по тактическим вопросам революции и участия левых эсеров во власти и трагическое завершение его жизни (погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах: арест был вызван обвинением в подготовке известного теракта в отношении МК РКП(б) 25 сентября 1919 г.). В книге воспроизводится и биография первого наркома юстиции в советском правительстве — И. З. Штейнберга, помимо общего руководства возглавлявшего первый (личного состава и судопроизводства) и пятый (тюремный) отделы Наркомюста, в силу своего должностного положения осуществлявшего общее руководство работой над законопроектом. Непосредственное редактирование Советского уголовного уложения осуществлял А. А. Шрейдер, эмигрировавший осенью 1919 г.

В первой же главе при сравнении норм названных Уложений о действии уголовного закона во времени и в пространстве рассматриваются основные на этот счет положения доктрины уголовного права соответствующего времени. Так, относительно действия уголовного закона во времени, в особенности его обратной силы, — взгляды Н. С. Таганцева,

Л. С. Белогриц-Колтыаровского, А. Градовского, В. В. Есипова, М. П. Чубинского, Н. Д. Сергеевского, Н. А. Неклюдова и др., анализ зарубежного на этот счет законодательства (Баварского уголовного кодекса 1813 г., Бельгийского кодекса 1867 г., Общегерманского кодекса 1871 г., Болгарского кодекса 1879 г.). Что касается действия уголовного закона в пространстве, то авторы анализируют не только существовавшие по этому вопросу воззрения в доктрине уголовного права, но и решение данной проблемы в международном праве (с анализом работ теоретиков международного права — П. Коданского, Ф. Листа, Ф. Мартенса, а также криминалистов А. Ф. Бернера, П. П. Пусторослева). В последнем случае авторы привлекают внимание читателя к трактовке в то время реального принципа действия уголовного закона и исключений из него. Этот теоретико-исторический экскурс в развитие доктринального понимания проблемы действия уголовного закона (как во времени, в пространстве, так и по кругу лиц) в период действия Уголовного уложения 1903 г. позволил авторам монографии признать, что последнее (доктринальное содержание проблемы) нашло свое отражение и в Советском уголовном уложении. Авторы отметили преемственность положений Советского уголовного уложения и Уложения 1903 г. и по вопросу выдачи преступников, справедливо упрекнув разработчиков первого в том, что те пренебрегли удачным на этот счет законодательным опытом Государственной Думы Российской империи, утвердившей в 1911 г. проект закона «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» (вступившего в силу в 1912 г.). При этом в монографии тщательному анализу подвергаются взгляды, отражающие доктрину как уголовного, так и международного права конца XIX — начала XX вв. по проблеме выдачи преступника.

Глава II монографии посвящена проблеме отражения преступления как института Общей части уголовного права в Советском уголовном уложении. При этом конкретизируется главное — буквальное воспроизведение в нем ст. 1 Уголовного уложения 1903 г., содержащего лишь два признака понятия преступления — его уголовную противоправность (запрещенность деяния уголовным законом) и наказуемость. Комментируя это, авторы справедливо отметили, что формулировка Уголовного уложения 1903 г. к моменту его принятия уже отставала от доктринального понимания этой проблемы, и, в особенности, в первое десятилетие спустя (при этом дается содержательный анализ взглядов А. Ф. Кистяковского, Н. Д. Сергеевского, С. Будзинского, В. Д. Спа-

совича, Н. С. Таганцева, П. П. Пусторослева, В. В. Есипова, Н. А. Неклюдова и др., которые делали успешные попытки выйти за пределы законодательного определения понятия преступления, наметив некоторые вполне зримые черты, относящиеся к его материальному признаку — общественной опасности). В монографии создателям проекта Советского уголовного уложения справедливо ставится упрек в том, что те, приняв во внимание лишь текст взятого ими за основу Уголовного уложения 1903 г., проигнорировали различные подходы к определению понятия преступления, существовавшие в науке русского уголовного права.

В монографии проводится и сравнение Уложений относительно деления преступных деяний на преступления и проступки в зависимости от вида применяемого за их совершение наказания. То же самое относится и к определению в них «видов виновности» (умышленных и совершенных по неосторожности), стадий совершения преступления (приготовления и покушения), понятие соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению. И в этих случаях сравнительному анализу соответствующих формулировок дается предварительная характеристика доктринального понимания в описываемый период уголовного права конца XIX — начала XX вв., как соответствующих достижений отечественной науки уголовного права того времени, которые составители Советского уложения не смогли учесть.

В главе IV монографии рассматривается отражение в Советском уголовном уложении проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, и сравнение этого с Уголовным уложением 1903 г. И хотя ни в том ни в другом Уложении не содержится такого самостоятельного раздела, авторы монографии и в этом случае объясняют их достаточное сходство в существовании соответствующих норм в других разделах (в Советском уложении, например, в отд.4 «Об условиях вменения и преступности деяний» гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» разд. 1 «Общие положения»; соответствующие нормы аналогичным образом были отражены и в Уголовном уложении 1903 г.). В Советском уложении к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, было отнесено: исполнение закона; необходимая оборона; угроза, незаконное принуждение или иная «неотвратимая» причина; крайняя необходимость (в ее современной понимании); негодное покушение, «направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния,

которое замышляют»)). Авторы отмечают высокий уровень законодательных формулировок Уголовного уложения 1903 г. о необходимой обороне и крайней необходимости, справедливо считая их одними из лучших в тогдашнем европейском законодательстве, отмечая в то же время, что в отечественной уголовно-правовой литературе того времени эти понятия были развиты в большей степени, например, в понимании превышения пределов необходимой обороны и мнимой обороны (А. Ф. Кони, Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев), крайней необходимости (Н. С. Таганцев, П. П. Пусторослев).

Глава V посвящена проблеме наказания в Советском уложении. Авторы обратили внимание на то, что в ней отсутствует определение как понятия наказания, так и его цели (при одновременном его отсутствии и в Уголовном уложении 1903 г.). В связи с этим в монографии дается содержательный анализ понимания этих понятий в отечественной и западной уголовно-правовой науке, в особенности в отечественной конца XIX — начала XX вв. (И. Я. Фойницкого, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, С. Познышева, Н. А. Неклюдова, М. П. Чубинского, А. А. Жижиленко, М. Н. Гернета и др.). Советское уголовное уложение предусматривало три вида наказания: 1) лишение свободы; 2) лишение всех или политических прав; 3) денежные пени (Уголовное уложение 1903 г. — восемь видов наказания, включая, смертную казнь, каторгу, ссылку и лишение свободы в его четырех разновидностях: заключение в исправительный дом, заключение в крепость, заключение в тюрьму и арест). В Советском уложении содержался ряд норм, регламентирующих наказание (о смягчении и замене наказаний, об обстоятельствах, усиливающих ответственность), о давности, о помиловании и амнистии), имеющих некоторый аналог с соответствующими нормами Уголовного уложения 1903 г.

В главе VI дается характеристика Особенной части Советского уложения. Непосредственно в ней были сосредоточены нормы о преступлениях против государства и государственного управления (раздел второй), о преступлениях против общественного порядка и спокойствия (раздел третий), о преступлениях против личности (раздел четвертый), о преступлениях против имущественных прав (раздел пятый), о преступлениях против народного хозяйства (раздел шестой) и о преступлениях по должности (раздел седьмой). Разумеется, что соответствующие нормы не могли повторять содержание соответствующих норм Уголовного уложения 1903 г. ввиду полного

несоответствия их социально-политической природе Советской власти и задачам Советского государства. В связи с этим авторы монографии выделяют их специфическое («революционное») содержание и их социально-политическую обусловленность, отмечая при этом заслуживающую внимания попытку разработчиков Уложения отразить «негативные явления, складывающиеся в различных сферах государственной власти и отраслях промышленного, сельскохозяйственного производства и торговли». Вместе с тем авторы сумели и здесь обнаружить некоторую преемственность с нормами, содержащимися в Уголовном уложении 1903 г. Кроме того, авторы справедливо указывают и на существенные недостатки (особенно в плане законодательной техники) Советского уложения («откровенно слабой Общей части, недостаточно четкой системности норм Особенной части, наличием санкций, в которых определены лишь их нижние границы» и др.). В качестве приложения в монографии дана Объяснительная записка к проекту Советского уголовного уложения (издания 1918 г.), а также сравнительная таблица тех статей Уголовного уложения 1903 г. и Советского уголовного уложения 1918 г., редакции которых совпадают.

Завершая рецензию, хотелось бы поздравить авторов данной работы с несомненным творческим и «научнопоисковым» успехом и поблагодарить их как читатель и пользователь такой научной продукции за представленную ими возможность воспользоваться расширением доктринального поля отечественного уголовного права.

А. В. Наумов,

доктор юридических наук,
профессор Российской правовой академии
Минюста России

* * *

Рецензируемая работа, несомненно, заинтересует читателя, во-первых, в силу новизны информации о самом факте наличия такого исторического документа, как Советское уголовное уложение, в отношении которого даже неизвестно его точное название, а также то, имело ли это уложение хотя бы официальный статус проекта нормативно-правового акта или носило характер концептуальной научной модели группы юристов, придерживающихся определенных идеологических убеждений. Во-вторых, в силу академического освещения содержания указанного исторического документа авторы справедливо отмечают, что подобные документы не утрачи-

вают своего значения для науки уголовного права. Это действительно так, поскольку такие историко-правовые документы позволяют отразить сложную международную, внутрисоциальную, научную и мировоззренческую среду, в которой формировалась уголовно-правовая политика Советского государства. В-третьих, необычной манерой изложения текста. Авторы ушли от сухого научного анализа содержания Советского уголовного уложения, предпочитая раскрыть его доктринальные основы через жизненную и творческую биографию авторов этого документа, а также через обзор научных разработок, предшествовавших его появлению.

В работе особое внимание обращается на сходство и отличие в подходе к проблемам уголовно-правовой политики Временного правительства и молодого Советского государства. Сходство состоит в методах осуществления этой политики, а именно: в оперативном реагировании на динамизм общественных отношений в революционную эпоху в виде издания новых нормативных правовых актов, являющихся источником такой политики. Отличие состоит в различных концептуальных подходах к ее осуществлению. Временное правительство не спешило с изданием новых кодифицированных нормативных правовых актов, решая проблемы уголовно-правового воздействия на динамично развивающиеся общественные отношения с помощью циркуляров, распоряжений, приказов. Это обусловлено тем, что Временное правительство исходило из концепции непрерывности правопорядка. Напротив, Советское государство исходило из концепции кардинальной ломки старого правопорядка. Из этой же концепции исходили и авторы Советского уголовного уложения. Так, один из руководителей Наркомата юстиции, редактировавший Советское уголовное уложение, А. Шрейдер с пафосом отмечал: «В творческих муках революции рождается новое право. Революция — период наивысшего напряжения разрушительных сил — первоисточник нового правотворчества, она дает воплощение в жизнь лучших и заветных народных чаяний. От революции к революции — путь развития правовых норм»¹.

Уголовному праву редактор отводил особое место в становлении советского правопорядка: «Из всех областей права — уголовное право больше всего, всегда и везде изменялось в зависимости от политических пертурбаций. Революция, неся за собой новые знамена,

¹ См.: Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М., 2015. С. 146.

новые ценности, новое понимание жизни и жизненных отношений вносит коренную ломку в понимание того, что можно и чего нельзя, изменяет подчас до неузнаваемости понятия преступного и достойного, дозволенного и воспрещенного. То, что было до революции преступного и недозволенного, становится подчас основой, остоном революционного действия. Кованые удары революции впервые разбивают ржавые окопы допотопного Уголовного кодекса»². Это означало принципиально новые подходы к уголовному законодательству, прежде всего к определению преступления и наказания. В связи с этим А. Шрейдер отмечал: «...впервые в полном объеме и государственном масштабе поставлен вопрос о коренной ломке понятий о преступлении и наказании, о праве на наказание, о мерах и пределах наказуемости с точки зрения общества действий»³.

В понятии преступления, которое дано в ст. 1 Советского уголовного уложения, нашли воплощение взгляды либеральных российских правоведов, рассматривающих преступление как сугубо юридическое явление. В частности, П. А. Сорокин утверждал, что «...какой-нибудь акт является преступлением не по своей “извечной” природе, а просто потому, что он оскорбляет и нарушает чьи-то шаблоны...»⁴. По этой причине разработчики Советского уголовного уложения предложили формальное понятие преступления, определяя его как деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания⁵.

В этой связи авторы рецензируемой работы справедливо отмечают, что разработчики Советского уголовного уложения не в полной мере использовали достижения уголовно-правовой науки, в которой многими известными исследователями обосновывалась необходимость материального определения преступления в связи с тем, что оно посягает на определенные объекты. С этих позиций авторы характеризуют оживленную полемику между отечественными специалистами науки уголовного права конца XIX — начала XX в. по поводу определения преступления как деяния, посягающего на нормы правопорядка. Однако увлеченность авторов этой полемикой приводит их к необоснованному продуцированию современных представлений о преступлении на

тот уровень развития науки уголовного права, который был в этот период. В частности, категоричным представляется утверждение авторов рецензируемой работы о том, что исследователи прошлого, например А. Ф. Кистяковский, указывавший на нарушение преступлением общей безопасности и благосостояния, уже в этот период наделяли преступление свойством общественной опасности⁶. Полагаем, что отечественная уголовно-правовая мысль в этот период даже в числе ее представителей, выступавших за материальное понятие преступления, еще не подошла к обоснованию отнесения к преступлению только такого противоправного деяния, которое по своей социальной природе является преступлением.

Только в первые годы Советской власти продолжившаяся полемика между сторонниками материального и формального подхода к определению понятия преступления перешла в плоскость обсуждения сущностного признака преступления — его общественной опасности. Эта полемика привела к тому, что законодатель первоначально принял позицию сторонников материального подхода к определению преступления. Последнее в ст. 6 УК РСФСР 1922 г. стало характеризоваться как общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. В примечании к ст. 6 УК РСФСР в ред. 1926 г. законодатель занял компромиссную позицию, указав на формальную предусмотренность общественно опасного деяния в качестве преступления в какой-либо статье Особенной части настоящего Кодекса. Закрепление в ст. 7 УК РСФСР 1960 г. определения преступления как общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, на несколько десятилетий приостановило полемику по указанному вопросу.

С 90-х годов прошлого века полемика между сторонниками материального и формального подхода к определению понятия преступления возобновилась. Отдельные исследователи стали утверждать, что необходимо отказаться от материального признака преступления, что должно остаться только формальное понятие преступления⁷, что преступность проявляется только в деяниях, признаваемых преступными законода-

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 209.

⁵ См.: Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). С. 151.

⁶ Указ. соч. С. 151.

⁷ См.: Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск, 1994. С. 76—86.

телем «здесь и сейчас»⁸. В качестве аргументов сторонниками этой позиции указывалось, что общественная опасность не является величиной постоянной; материальный признак позволяет законодателю назвать преступным любое деяние, вторгающееся в сферу государственных интересов⁹.

Авторы рецензируемой работы, судя по ее содержанию, признают сущностным признаком преступления его общественную опасность. Поддержим эту позицию и укажем в связи с высказанными аргументами сторонников формального определения понятия преступления, что признак общественной опасности, действительно, не всегда является постоянным, т. к. изменяются социальные условия, лежащие в основе уголовно-правового запрета. Это влечет динамизм уголовного закона, который реагирует на появление новых отношений (например в сфере компьютерной информации) или на их качественное изменение (например в сфере экономики), а также на правовую оценку отдельных видов поведения. Таким образом, меняется содержание общественной опасности преступления, а за этим его законодательное (формальное) описание. Однако криминализировать деяние можно лишь тогда, когда оно по своим объективным свойствам является преступлением. Кроме того, общественная опасность основного круга деяний — величина постоянная, т.к. основную группу преступлений составляют корыстные и насильственные преступления, связанные с нарушением заповедей, содержащихся еще в Ветхом Завете («не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради» и т. д.).

Последовательное практическое воплощение критикуемой позиции будет означать произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты, а не на основе представлений о преступлении как о грехе, как о нарушении общепринятых заповедей, содержащихся еще в Ветхом Завете. В этой связи уместно вспомнить критику К. Марксом решения Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов принят закон о том, что хищение валежника или собирание хвороста подводится под понятие кражи и наказывается, как порубка леса. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» автор утверждал: «Вам ни в какой мере не удастся заставить нас поверить в наличие преступления там, где нет

преступления... Народ видит наказание, но не видит преступление...»¹⁰, «Закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду», «Правовая природа вещей поэтому не может приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней», «Ландтаг отбрасывает... всякое различие между собиранием валежника, нарушением лесных правил и кражей леса»¹¹, «...безусловный долг законодателя не превращать в преступление то, что имеет характер проступка...»¹².

Новый подход в Советском уголовном уложении к наказанию состоял в том, что оно рассматривалось как акт законной самозащиты общества от покушения на его существование. Наказание перестало рассматриваться как кара, как возмездие за совершенное преступление. Однако эти выводы можно сделать лишь из внимательного анализа текста ст. 2 указанного документа, т.к. определения наказания там не содержится, а также из пояснительной записки к проекту этого Уложения, подготовленной А. Шрейдером. Отсутствие в тексте Уложения определения наказания свидетельствует о том, что не подчеркивается его сущностный признак — карательный характер. Об этом же свидетельствует наличие в документе всего трех видов наказания, а именно: лишения свободы, лишения всех или некоторых политических прав, а также денежной пени. Такая система наказаний не дает суду в полной мере реализовать карательное свойство наказания, состоящее в соответствии тяжести наказания тяжести преступления. По сути дифференциация и индивидуализация наказания, как показывает анализ санкций за конкретные преступления, предусмотренные в разделах втором — седьмом Уложения, осуществляется только за счет различных сроков лишения свободы за различные преступления. Кроме того, лишение всех или некоторых политических прав является по своей сути не карой за совершенное преступление, а мерой защиты от политических оппонентов, денежная пеня представляет по своей правовой природе компенсационную меру, характеризующую гражданско-правовую ответственность. А. Шрейдер комментирует содержащиеся в Уложении положения о наказании следующим образом: «Наказание — есть акт законной самозащиты общества от покушений на его существование, право и спокойствие», «Такое определение понятия

⁸ См.: Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004. С. 242

⁹ См.: Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 76—86.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 122.

¹¹ Там же. С. 122—123.

¹² Там же. С. 131.

«наказание» в корне противоречит традиционному его толкованию, покоящемуся на признании государством права на кару, права на возмездие»¹³. Последовательное воплощение такая позиция получила в первом УК РСФСР. В частности, в ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание отнесено к разновидности мер социальной защиты. В УК РСФСР в ред. 1926 г. вместо понятия наказания используется понятие мер социальной защиты судебного-исправительного характера, а из редакции санкции за конкретные преступления исключается слово «наказывается» и вместо него употребляются словосочетание «влечет меры социальной защиты»¹⁴.

Авторы рецензируемой работы отмечают, что такой подход к наказанию противоречит его исторически первому пониманию как возмездия, при котором наказание выступает воздаянием за преступление. В работе хорошо показана эволюция взглядов на наказание, которая начала происходить в связи с композицией принципа талиона, с отходом социальной практики наказания от того, что оно перестало для виновного быть тождественным вредом, который он причинил преступлением. В результате стали развиваться две основных теории, по-разному подходящих к вопросу о праве на наказание, а именно: отрицающих право государства наказывать и признающих это право, которое вытекает из различных оснований (справедливости, заглаживания вреда, права на подчинение, божеского возмездия и т.д.). Составители Советского уголовного уложения выводили право государства на наказание из права на защиту от преступных посягательств.

Заслугой авторов рецензируемой работы является то, что они подняли эти вопросы именно в современных условиях. Актуальность этих вопросов сегодня обусловлена тем, что в законодательном определении наказаний не указан его сущностный признак — карательный характер (ст. 43 УК РФ). Такая позиция законодателя нашла поддержку в работах российских исследователей, т.к. карательный характер наказания перестал рассматриваться даже как его признак¹⁵. Исходя из этого стали вноситься предложения о том, что необходимо в число наказаний включить такие меры, как

увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред¹⁶.

Указанная позиция законодателя привела прежде всего к тому, что перечень наказаний, определенный в ст. 44 УК РФ, не превратился в систему наказаний, т.к. предполагаемая законодателем схема перечня наказаний от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее сурового (смертная казнь) в значительной мере не состоялась. В частности, штраф в своих верхних пределах по суровости значительно превзошел последующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего. Нарушение самим законодателем усиления суровости наказаний по мере их очередности порождает вполне практические проблемы. Например, суд на основании ст. 64 УК РФ решил назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотренный статьей, по которой квалифицированы действия виновного. Возникает вопрос: каким критерием должен руководствоваться суд, определяя, какой из перечисленных в ст. 44 УК РФ видов наказания является более мягким, если очередность наказаний таким критерием быть не может? Исключение из законодательного определения наказания указания на его карательную сущность привело к расширению сферы частного интереса в уголовно-правовых отношениях. Это, в свою очередь, привело к снижению эффективности охранительной функции уголовного права. В частности, положение ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия, представляет собой ни что иное, как проникновение в уголовное законодательства гражданско-правового института субсидиарной ответственности, являющейся по своей сути восстановительной, компенсационной мерой. Такое «инородное тело» в уголовном законе отнимает у штрафа карательную, наказательную сущность, т.к. штраф применяется не к лицу, совершившему преступление, и не за совершенное преступление. Попытки придать наказанию черты мер гражданско-правовой ответственности выхолащивают его сущность, изменяют его юридическую природу.

Поднятая авторами рецензируемой работы проблема правовой природы наказания позволит исследователям вопросов уголовного

¹³ См.: Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). С. 149.

¹⁴ Там же. С. 82 — 103.

¹⁵ См., напр.: Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 9—10; Мацкевич А. Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005. С. 25—26.

¹⁶ См., напр.: Зубкова В. И. Указ. соч. С. 13.

права вновь обратиться к веским аргументам сторонников карательной сущности наказания. Достаточно вспомнить замечательный труд итальянского мыслителя XVIII в. Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», подчеркивающего значение карательного свойства наказания: закрепления в душах людей идеи неразрывности преступления и следующего за ним наказания, соответствия наказания природе преступления, соответствия суровости наказания тяжести преступления, неизбежности наказания и т.д.¹⁷ Много внимания изучению карательной сущности наказания уделили отечественные исследователи. Помимо ученых, труды которых обстоятельно проанализированы в тексте рецензируемой работы, особо ценный вклад в развитие отечественной уголовно-правовой мысли внесло социолого-правовое исследование Питирима Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда». В нем показано прогрессивное значение придания наказанию карательного характера в эволюции уголовно-правового воздействия, а именно: первобытная неограниченность наказания была ограничена талионом, который даже до его композиции определил границы мести, установил равенство между преступлением и наказанием; кара постепенно ограничила круг

наказываемых лиц (коллективная ответственность рода была заменена индивидуальной ответственностью), наказание перестало быть вечным за одно преступление (наказание перестало достигать еще не родившихся поколений); наказание отделилось от санкций за гражданские правонарушения, т.к. в отличие от последнего повлекло за собой не реститутивные, а репрессивные последствия¹⁸.

В заключение отметим, что пытливая мысль исследователя найдет для конструктивной научной полемики в тексте рецензируемой работы помимо обсуждения основных вопросов о преступлении и наказании более частные, однако не менее интересные суждения авторов (об уголовном законе, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния и т.д.). Полагаем, что читатель не пожалеет потраченного времени на ознакомление с данной работой.

А. В. Шеслер,

начальник кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

¹⁷ См.: Чезаре Беккариа. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 83, 137—140, 162—163, 175.

¹⁸ См.: Сорокин П. А. Указ. соч. С. 379—383, 400—401.

**SOVIET CRIMINAL CODE (SCIENTIFIC COMMENTARY,
TEXT, COMPARATIVE TABLES). ED. BY DOCTOR OF LAW,
PROFESSOR A.P. CHUCHAEV, MOSCOW, 2015 – 240 P.
REVIEW. GRACHEVA, Y.V., MALIKOV, S.V., CHUCHAEV, A.I.**

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы»
http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/lex_russica/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторы, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой Журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
— профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
— лица, имеющие учёные степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, то есть согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью Автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 25 до 50 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 15–30 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией Журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);

- в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
 9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
 10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
 11. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
 12. **Ссылки на иностранные источники** следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
 13. **Ссылки на электронные ресурсы** следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82-2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
 14. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Телефон редакции: (8-499)244-85-56.

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lexrus@msal.ru

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Объем: 16,97 усл.-печ.л., формат 60x84¹/₈. Тираж 250 экз. Дата подписания в печать 29.09.2015 г.

Редактор *М.В. Баукина*

Корректор *А.Б. Рыбакова*

Верстальщик *А.Н. Коноплева*

Печать цифровая. Гарнитура «Calibri».

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через Объединенный каталог «Пресса России»
и Интернет-каталог Агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.